

ISSN 0042-8779

ИВМ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

9

2019

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9/2019

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945)..... 3

СТАТЬИ

А.К. Аликберов — Исторические формы национализма
в системно-коммуникационном анализе 11

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Л.Н. Лютов — История России, ее периодизация в кон-
тексте билинейности 24

СООБЩЕНИЯ

О.В. Кирилова, О.В. Устинова — Особенности кадро-
вого делопроизводства в Тобольской губернии в кон-
це XVIII в. (на примере указов Тобольского наместни-
ческого и губернского правлений) 34

В.Н. Есаулов, В.Г. Лизунков — Городское самоуправ-
ление: историческое развитие или возврат к прошло-
му? 45

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Г.А. Алиева — Русскоязычное образование в Азербайд-
жане вчера и сегодня: возможности и перспективы... 59

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

В.А. Ипполитов, А.А. Слезин — Механизм привлечения
комсомольцев к участию в сплошной коллективиза-
ции сельского хозяйства..... 68

Выходит
с 1926 года
ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- И.Т. Нуриева** — Международная правовая оценка армяно-азербайджанского конфликта..... 79

НАРОДЫ РОССИИ

- С.П. Серкин** — Фальсификация строк летописей ПСРЛ о вятчанах и городах Вятской земли в конце XV в. 88

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- О.В. Зарецкая, А.А. Топтунов** — Российско-шведские и российско-норвежские отношения в контексте трансформации образа русского «Другого» в 1905—1914 гг. 98
- А.В. Бегичев, А.А. Галушкин, А.В. Звонарёв, В.А. Шестаков** — История создания и деятельности Лиги Наций 108
- Д.А. Сусеева, И.В. Торопицын, Ж.Б. Кундакбаева** — Проблемы дипломатического перевода в русско-калмыцко-казахских отношениях середины XVIII в. 114

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Н.М. Игнатова** — Создание Всесоюзной центральной картотеки выселенцев и спецпоселенцев в 1949 г. 124
- Д.Н. Шкаревский** — О некоторых особенностях функционирования транспортных трибуналов в начале 1920-х гг. 139
- В.И. Долинко, Ю.В. Рыжова** — Охрана полицией общественного порядка на железных дорогах Российской империи: уголовно-правовой аспект 147
- О.Ю. Гарькавченко, Е.В. Майстрович, Д.А. Пашенцев, Р.М. Мырзалимов** — История политических и гражданских прав женщин в государствах Европы: Франция 154
- Х.Г. Ниязов** — Информационная политика в контексте формирования общественного мнения 159

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А.И. Мраморнов** — Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 годов. Т. 7. Кн. 1 и 2 167

Хроника Великой Победы (1941—1945)

«Немцы воевать с нами не будут и не могут» (20 июня 1941 г.)

Аннотация. В нынешнем выпуске рубрики — ответы на вопросы Военно-научного управления Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР бывшего начальника штаба 15 стрелкового корпуса 5 армии Киевского Особого военного округа генерал-майора З.З. Рогозного от 1953 года. Они касаются обстоятельств развертывания войск западных приграничных военных округов по плану прикрытия государственной границы накануне Великой Отечественной войны. Документ находится в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации.

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, Красная Армия, вторая мировая война, Германия, нацизм, Министерство обороны Российской Федерации, Киевский Особый военный округ, З.З. Рогозний.

Abstract. “Voprosy Istorii” history journal presents the answers of the former to the questions of the Military scientific department of the General Staff of the Armed Forces of the USSR by the former Chief of Staff of the 15th infantry corps of the 5th army of the Kiev Special military district, Major General Zinovy Rogozniy dated 1953. They relate to the circumstances of the deployment of troops of the Western border military districts according to the plan of covering the state border on the eve of the Great Patriotic war. The document is contained in Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Key words: USSR, Great Patriotic War, Red Army, World War II, Germany, Nazism, Ministry of Defense of Russian Federation, Kiev Special military district, Zinovy Rogozniy.

В конце 1940-х гг. Военно-научное управление Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР приняло решение обобщить представлявшийся неоднозначным опыт сосредоточений и развертывания войск западных приграничных военных округов по плану прикрытия государственной границы 1941 г. накануне Великой Отечественной войны. С этой целью были заданы вопросы участникам указанных событий, занимавшим в начальный период войны различные должности в войсках военных округов:

1. Был ли доведен до Вас и частей Вашего Соединения в части их касающейся план обороны государственной границы. Если этот план был известен Вам как командиру соединения, то когда и что было сделано Вами по обеспечению выполнения этого плана.

2. В какой мере был подготовлен оборонительный рубеж по линии государственной границы и в какой степени он обеспечивал развертывание и ведение боевых действий частями вверенного Вами соединения.

3. С какого времени и на основании какого распоряжения части вверенного Вам соединения начали выход на государственную границу и какое количество из них было развернуто для обороны границы до начала военных действий и какую задачу они получили.

4. Когда было получено Вами распоряжение о приведении частей вверенного Вам соединения в боевую готовность. Какие и когда были отданы частям соединения указания во исполнение этого распоряжения и что было ими сделано.

5. В каких условиях обстановки части вверенного Вам соединения вступили в бой с немецко-фашистскими войсками.

6. Где находилась артиллерия вверенных Вам частей и соединения к моменту начала боевых действий. Если она находилась в учебных артиллерийских лагерях, то когда она присоединилась к своим частям и соединению. Какова была обеспеченность боеприпасами частей и в целом соединения к началу боевых действий.

Ниже приводятся ответы на поставленные вопросы бывшего начальника штаба 15 стрелкового корпуса 5 армии Киевского Особого военного округа генерал-майора Зиновия Захаровича Рогозного, датированные 21 апреля 1953 г.:

«В соответствии с Вашими требованиями, ниже сего даю ответы на поставленные мне вопросы, относящиеся к начальному периоду Великой Отечественной войны.

Первое: Примерно в середине мая месяца 1941 года штабом 5 Армии был разработан план прикрытия государственной границы. Этот план, в части касающейся 15 ск (стрелковый корпус — П.И.), в основе своей предусматривал развертывание трех стрелковых дивизий: 45 сд (стрелковая дивизия — П.И.), 62 сд и 87 сд на фронте: (исх.) ВЛОДАВА, южнее ВЛАДИМИР-ВОЛЫНСК (около 20 км) с задачей обороны этого рубежа. 15 ск должна была поддерживать одна истребительная авиационная дивизия с базированием на аэродромном узле восточнее КОВЕЛЬ и одна танковая бригада в ВЛАДИМИР-ВОЛЫНСКЕ.

С этим планом были ознакомлены в штабе Армии: командир 15 стрелкового корпуса — полковник ФЕДЮНИНСКИЙ, я и командиры дивизий: генерал-майор ШЕРСТЮК, генерал-майор МОТЫКИН и полковник ТИМОШЕНКО. Документов, касающихся плана обороны штаб корпуса и штабы дивизий не имели, но задачи и частные планы обороны знали. Из крупных мероприятий, обеспечивающих выполнение плана обороны было сделано следующее:

1. 62 сд ранее дислоцирующаяся в районе ЛУЦК, ОЛЫКА была передислоцирована в район западнее МАЦЕНОВ, тем обеспечивалось быстрое занятие обороны и вступление ее в бой.

2. С истребительной авиадивизией была разработана и оборудована система сигнализации, обеспечивающая быстрый вызов авиации и взаимодействие.

3. Зенитная артиллерия корпуса и дивизий находились на огневых позициях в готовности к отражению авиации немцев.

4. Установили прочную связь с пограничными отрядами, регулярно получали разведывательные данные от их агентов.

5. На более важных направлениях была организована система командирского наблюдения.

6. Дивизии обречкогносцировали свои полосы обороны, определили боевые порядки, наметили организацию управления боем. Управление корпуса готовило управление (КП (командный пункт — П.И.) и НП (наблюдательный пункт — П.И.)), но не успело закончить. Все касающееся полков было до них доведено непосредственно на местности и принятые решения утверждены командирами дивизии.

7. Кроме этого было проведено ряд других мероприятий, детали которых трудно вспомнить.

Второе: Оборонительный рубеж корпуса проходил непосредственно по линии государственной границы с небольшим развитием в глубину. На северном участке оборудование состояло из фортификационных сооружений полевого типа; южный участок оборудовался долговременными железобетонными сооружениями (ВЛАДИМИР-ВОЛЫНСКИЙ УР (укрепленный район — П.И.)).

К началу боевых действий оборонительный рубеж не был готов, как на северном, так и на южном участках. Земляные работы были выполнены, примерно на 50—60%, а ВЛАДИМИР-ВОЛЫНСКИЙ УР не был вооружен. По одному батальону от 2-х полков 45 сд и от каждого стрелкового полка 62 сд и 87 сд находились постоянно на оборонительных работах своих участках обороны.

Оборонительный рубеж корпуса по своим тактическим свойствам обеспечивал бы успешное ведение оборонительного боя, при условии заблаговременного занятия его войсками, при том в более плотной группировке, чем располагал корпус, но этого не было.

ТРЕТЬЕ и ЧЕТВЕРТОЕ: Примерно в 3 ч. 20 минут 22 июня 1941 года командующий 5 Армии генерал-майор танковых войск ПОТАПОВ по моему домашнему телефону передал, примерно, следующее:

«немцы кое-где начали вести бой с нашими погранзаствами. Это очередная провокация. На провокацию не идти. Войска поднять по тревоге, но патронов на руки не выдавать».

При этом он предупредил меня о необходимости сохранения большевистской выдержки. Немедленно прибыв в штаб корпуса я связался по телефону и телеграфу с командирами дивизий, которые сообщили мне, что казармы и дома начсостава 87 сд в ВЛАДИМИР-ВОЛЫНСКЕ и 45 сд и других местах обстреливаются артиллерийским огнем, а местами ведут бой с немецкими парашютистами. Мною было отдано распоряжение о выполнении известных им боевых задач. Таким образом части корпуса ходом событий были втянуты в боевые действия, без какого-либо боевого распоряжения свыше. В завязанных боях, в неравных условиях войска

корпуса проявили мужество и устойчивость. Лично я в 9 ч. 30 мин. прибыл на место боя в 45 сд в район ЛЮБОМЛЬ, где это наблюдал.

О вступлении в бой войск корпуса я доложил по телефону немедленно командующему 5 Армии генерал-майору ПОТАПОВУ, который отдал мне распоряжение «Вскрыть мобилизационные пакеты». Таким образом в описываемых условиях при наличии в районе расположения войск и штабов диверсионных групп, активности авиации немцев и невероятной панике среди местного населения корпус вел бой и отмотобилизовывался.

Пятое: части дивизий вступили в бой с немцами в крайне тяжелых условиях, так как боевые действия начатые внезапно явились неожиданностью, при этом одна треть стрелковых войск находилась на оборонительных работах, а корпусная артиллерия была на армейском лагерном сборе.

Шестое: Артиллерия находилась в составе своих соединений. Корпусная артиллерия в составе двух полков находилась на армейском специальном артиллерийском лагерном сборе на Повурском полигоне (около 50 км. восточнее КОВЕЛЬ). Оба артиллерийских полка своим ходом прибыли в район боевых действий и заняли свои позиционные районы, примерно к 13.00 22 июня 1941 года. Всеми видами боеприпасов войска корпуса были обеспечены по норме. Боеприпасы хранились на складах частей в районе своих дислокаций.

Кроме этого считаю необходимым кратко дополнить обстановку, существовавшую на границе и в районе расположения войск корпуса, примерно с конца марта 1941 года и до начала войны.

Во-первых, немцы систематически проводили провокационные действия, направленные на притупление нашей бдительности. Так, в начале апреля 1941 года агентурная разведка ВЛАДИМИР-ВОЛЫНСКОГО погранотряда донесла, что завтра утром в 5.00 из общего направления западнее УСТИЛУГ немцы начнут наступление в направлении ВЛАДИМИР-ВОЛЫНСК, ЛУЦК. Вещь, как нам казалось маловероятная, но на всякий случай я приказал усилить наблюдение за этим районом и через каждый час докладывать мне все, что там делается. В 4.00 был слышен шум танковых моторов, а в 5.00 большая группа немецких офицеров подошли к р. Буг и проводили рекогносцировку. На этом все кончилось. Ряд провокаций было еще в наших тылах. В конечном итоге, когда немцы начали боевые действия 22 июня, командующий 5А генерал-майор ПОТАПОВ это оценил как очередную провокацию.

Во-вторых, немцы безнаказанно проводили систематическую ежедневную воздушную разведку района КОВЕЛЬ, ВЛАДИМИР-ВОЛЫНСК, ЛУЦК. По существовавшему с Германией договору вести зенитный огонь, а также огонь средствами ВВС мы не имели права.

В-третьих, командование 5А недооценивало сведений агентурной разведки, которые с исчерпывающей полнотой раскрывали намерения немецкого командования.

Генерал-майор ПОТАПОВ 20 июня 1941 года ответил подполковнику ЧЕРНЫХ (бывший разведчик штаба округа) на его информацию о явных приготовлениях к боевым действиям, что немцы воевать с нами не будут и не могут. Что у нас мол существует с Германией договор о ненападении.

Кроме того, Германия якобы испытывает недостаток в продовольствии и других материальных средствах и начать войну не может.

Эта наивность, проявленная командующим 5А в некоторой степени расхолаживала командиров и войска.

В-четвертых, перед войной не было принято действенных мер по очищению приграничной полосы и ближайшего тыла от враждебных элементов среди местного населения и насажденной шпионской агентуры и диверсионных групп. В первых боях они безусловно сыграли известную роль и крайне затруднили и так осложнившуюся обстановку».

* * *

Chronicle of the Great Victory (1941—1945)

“Germans won’t be at war with us and can’t” (June 20, 1941)

At the end of the 1940s, the Military-scientific Department of the General Staff of the Armed Forces of the USSR decided to summarize the ambiguous experience of concentration and deployment of troops of the Western border military districts according to the plan of covering the state border of 1941 on the eve of the Great Patriotic war. To this end, questions were asked to the participants of these events, who held various positions in the troops of military districts during the initial period of the war:

1. Whether the plan of defense of the state border was brought to You and to army units connected with You as far as they are concerned. If this plan was known to You as the commander of the compound, then when and what was done by You to ensure the implementation of this plan.

2. To what extent the defensive line along the state border was prepared and to what extent it ensured the deployment and conduct of hostilities by the parts of the unit entrusted to You.

3. When and under what orders the parts of the unit entrusted to You started exiting the state border and how many of them were deployed for the defense of the border before hostilities began, and what tasks they received.

4. When you received the order to bring the units entrusted to You in combat readiness. What instructions and when were given to the parts of the unit pursuant to this order and what they have done.

5. In what conditions the parts of the unit entrusted to You started to clash with fascist troops.

6. Where was the artillery of the parts of the unit entrusted to You at the time of the outbreak of hostilities. If it was in artillery training camps, then when it joined her units and the compound. What was the availability of ammunition for the parts and the unit as a whole by the beginning of hostilities.

Below are the answers to the above-mentioned questions posed by the former Chief of Staff of the 15th infantry corps of the 5th army of the Kiev

Special military district, Major General Zinoviy Rogozniy dated April 21, 1953:

“In accordance with Your requirements, below I give answers to the questions posed to me relating to the initial period of the great Patriotic war.

First: About the middle of May 1941 the headquarters of the 5th Army developed a plan devoted to the covering of the state border. This plan, in part related to 15th rifle corps, basically involved the deployment of three infantry divisions: 45th infantry division, 62nd infantry division and 87th infantry division in the front: (starting point) WŁODAWA, South of VLADIMIR-VOLYNSK (about 20 km) with the task of defence of this boundary. 15th rifle corps had to be supported by one fighter aviation division based at the airfield site to the East of KOVEL and one tank brigade in VLADIMIR-VOLYNSK.

This plan was briefed at the headquarters of the Army for the commander of the 15th rifle corps — Colonel FEDJUNINSKY, myself, and division commanders: Major General SHERSTYUK, Major General MOTYGIN and Colonel TYMOSHENKO. Documents relating to the defence plan of the corps headquarters and division headquarters were absent, but objectives and private plans for the defense were known. Among major activities that ensure the implementation of the defense plan, the following ones were done:

1. 62nd rifle division previously stationed in the area of LUTSK, OLYKA was relocated to the area to the West of the MATSENY, thus ensuring the rapid occupation of defense and its entry into battle.

2. An alarm system that provides quick aviation call and interaction was developed and equipped together with fighter aircraft division.

3. Anti-aircraft artillery corps and divisions were in firing positions ready to repel the aircraft of the Germans.

4. A strong connection with the border troops was established, intelligence data from their agents were received regularly.

5. In the most important directions we were given commander's observation.

6. Divisions recognized their defense zones, determined the order of battle, and outlined the organization of the control of the fight. Management of the case prepared management practice (command posts and observation posts), but didn't manage to finish. All related regiments were brought to their notice directly on the ground and the decisions approved by the division commander.

7. In addition, a number of other events were held, the details of which are difficult to remember.

Second: The defensive line of the corps passed directly along the state border with little development in depth. In the Northern section, the equipment consisted of field-type fortifications; the southern section was equipped with long-term reinforced concrete structures (VLADIMIR-VOLYNSK fortified area).

By the beginning of hostilities the defensive line was not ready, both in the Northern and Southern areas. Earthworks were performed by about 50—60%, and VLADIMIR-VOLYNSK fortified area was not armed. One battalion of two regiments of 45th rifle division and of each infantry regiment of 62nd rifle division and of 87th rifle division were constantly on the defensive work in their areas of defense.

Defensive line corps by their tactical properties would ensure the successful conduct of the defensive battle in the case of earlier occupying by troops with more massive forces than corps has. But that was not done.

THIRD and FOURTH: At about 3 hours 20 minutes on June 22, 1941, the commander of the 5th Army Major General of the tank troops POTAPOV told me by my home phone approximately the following:

“Germans here and there began to fight with our frontier posts. This is another provocation. Do not meet a provocation. The troops would be raised by alarm, but would not get ammunition”.

At the same time he warned me about the need to preserve the Bolshevik endurance. Immediately upon arriving at the corps headquarters I was contacted by telephone and telegraph the commanders of divisions, which informed me that the barracks and houses of the command personnel of 87th rifle division in VLADIMIR-VOLYNSK and the 45th rifle division in other places were shelled by artillery fire, and sometimes fighting with German paratroopers. I gave the order to complete combat tasks known to them. Thus parts of the corps by events were involved in the fighting, without any combat orders from above. In started battles, in unequal conditions corps troops showed courage and resilience. I personally arrived at 9 hours 30 minutes to the battlefield of the 45th rifle division in area of LYUBOML, where I observed all the above-mentioned.

I immediately reported by phone to the commander of the 5th Army, Major General POTAPOV about joining the battle of the corps troops. He gave me the order to “Open the mobilization packages”. Thus the corps fought and mobilized in the described conditions in the presence in the area of the location of troops and headquarters of subversive groups, the activity of German aviation and the incredible panic among the local population.

Fifth: Parts of the divisions engaged in battle with the Germans in a precarious situation, as the fighting started suddenly, was a surprise, with one-third of the infantry troops were on the defensive works and corps artillery was on the army camp gathering.

Sixth: Artillery was in the composition of its sequences. Corps artillery, consisting of two regiments was in the army special artillery camp gathering on landfill of Povur (about 50 km East of KOVEL). Both the artillery regiments arrived by themselves in the battle area and took up their position areas, about 13.00 on June 22, 1941. The troops of the corps were provided by all types of ammunition according to the norm. Ammunition was stored in the warehouses of parts in the area of their dislocations.

In addition, I consider it necessary to give a briefly supplement to the situation that existed on the border and in the area of the corps troops, from about the end of March 1941 to the beginning of the war.

First, the Germans systematically carried out provocative actions aimed at dulling our vigilance. So, at the beginning of April 1941, the intelligence service of VLADIMIR-VOLYNSK border patrol reported that tomorrow morning at 5.00 from the general direction West of USTILUG the Germans will launch an offensive in the direction of VLADIMIR-VOLYNSK, LUTSK. The thing seemed unlikely to us, but just in case I ordered to strengthen the surveillance of this area and every hour to report to me everything that is being done there. At 4.00 the noise of tank engines was heard, and at 5.00 a large group of

German officers approached Bug River and conducted reconnaissance works. That was the end of it. A number of provocations were still in our rear. In the end, when the Germans began fighting on June 22, the commander of the 5th Army Major General POTAPOV assessed it as another provocation.

Secondly, the Germans carried out with impunity on a regular base daily air reconnaissance of the area of KOVEL, VLADIMIR-VOLYNSK, LUTSK. According to the existing agreement with Germany we had no right to conduct anti-aircraft fire, as well as fire by air forces.

Thirdly, the command of the 5th Army underestimated intelligence information that fully disclosed the intentions of the German command.

Major-General POTAPOV on June 20, 1941 answered the Lieutenant Colonel CHERNYKH (the former intelligence officer of a Staff of the district) to his information on obvious preparations for military operations that Germans won't be at war with us and can't, that we supposedly have a non-aggression Pact with Germany. In addition, Germany allegedly lacks food and other material resources and can not start a war.

This naivety shown by the commander of the 5th Army to some extent discourage commanders and troops.

Fourthly, before the war, no effective measures were taken to clear the border strip and the nearest rear from hostile elements among the local population and planted espionage agents and subversive groups. In the first battles they surely played a certain role and made it extremely difficult situation that in any case were so complicated".

Исторические формы национализма в системно- коммуникационном анализе

А.К. Аликберов

Аннотация. Системно-коммуникационный подход к изучению истории отдельно выделяет общественный, экономический, политический, этнический, религиозный, культурный и другие аспекты истории, а также специфические для каждого из них формы коммуникации. В соответствии с таким подходом, национализм как защитная идеология нации-государства и нации-народа изучается во всех аспектах истории, начиная с древнейших времен. Автор приходит к выводу, что логика различения Н. Лумана позволяет вычленять в исторических формах национализма этнический, политический (условно гражданский), экономический, культурный и религиозный аспекты, однако это исследовательские конструкты, которые в «чистом» виде встречаются крайне редко, выступая, как правило, в симбиозе друг с другом.

Ключевые слова: нация, национализм, системно-коммуникационный подход.

Abstract. The system-communication approach to the study of history divides the social whole into the social, economic, political, ethnic, religious, cultural aspects of history, highlighting specific forms of communication that are characteristic only for this aspect. Within this discourse, nationalism as a protective ideology of a nation-state and a nation-nation is studied in all aspects of history, beginning in ancient times. The author comes to the conclusion that the logic of distinction used by N. Luhmann allows to differ nationalism as ethnic, political (conditionally civil), economic, cultural, religious, but these are research constructs that are rarely found in a “pure” form, in various combinations.

Key words: nation, nationalism, system-communication approach.

По выражению Э. Геллнера, нации и государства историчны, они «не существует во все времена и при любых условиях»¹. Из этого следует, что национализм, который не мыслит себя вне нации, также историчен. Вопрос об историчности наций и национализма достаточно хорошо освещен². В рамках специального анализа исторические аспекты темы изучены Э. Смитом³. С социальной коммуникацией национализм впервые увязал К. Дойч из Массачусетского технологического института⁴. Теориям национализма посвящены специальные обобщающие исследования⁵. Данная работа содержит краткий обзор исторических типов национализ-

Аликберов Аликбер Калабекович — кандидат исторических наук, заместитель директора, руководитель Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья; Институт востоковедения РАН. E-mail: alikberov@mail.ru.

Alikberov Alikber K. — PhD (History), deputy director, head of the Center for Central Asian, Caucasian and Volga-Urals Studies; Institute of Oriental Studies RAS. E-mail: alikberov@mail.ru.

ма в свете формирующегося системно-коммуникационного подхода, который отталкивается от «жизненного мира» *Ego* и системы его коммуникативных связей.

Существуют различные типологии национализма, рассматривающие его и как явление духа, и как идеологию. К. Хайес выделял гуманитарный, якобинский, традиционный, либеральный и интегральный виды национализма, рассматривая их как убеждения, не требующие доказательств ⁶; Х. Кон — либеральный западный, или субъективно-политический, и деспотический восточный, или объективно-культурный ⁷; Смит — лингвистический, официальный и гражданско-республиканский, представленные в общественном сознании, идеологической системе, социальной и политической практике ⁸; Дж. Рекс — имперский и постимперский ⁹ и т. д.

Нет в научной литературе единства мнений и по поводу оценочных характеристик рассматриваемого понятия. Э. Гидденс считает, что национализм — это необязательно крайности национального сознания, достойные осуждения, хотя именно эти формы в наибольшей степени привлекают внимание наблюдателей и потому оказываются социально значимыми маркерами. Противоположная точка зрения настаивает на том, что национализм нельзя отождествлять с патриотизмом, поскольку он эксклюзивен, в то время как патриотизм, напротив, инклюзивен ¹⁰. По признанию У. Кимлики, несмотря на огромное количество литературы по теме, проблема непонимания национализма все еще сохраняется ¹¹ — очевидно, прежде всего, из-за сложной природы нации, а также дискурсивности самого понятия «национализм» ¹².

Подавляющее большинство западных исследователей считает национализм идеологией нации, не отделимой от политики, поскольку национализм связан с политикой государства ¹³. Другие определения национализма характеризуют его как идеологию национального государства, появившуюся в конце XVIII в. одновременно с началом формирования национальных государств ¹⁴, а также как идеологию национальных движений, на основе которой формируются нации ¹⁵. Дж. Армстронг указывает на то, что нации существовали и до национализма ¹⁶, а Геллнер настаивает на том, что «именно национализм порождает нации, а не наоборот» ¹⁷.

В российском обществе господствует убеждение, что национализм больше всего проявляется в этничности ¹⁸. Такое утверждение верно только в том случае, если мы говорим об этнической нации. Но нации могут быть и постэтническими, которых также не совсем точно называют политическими и гражданскими. Кроме того, национализм обнаруживается во всех социальных проявлениях жизнедеятельности нации: собственно политической, экономической, религиозной, культурной. Национализм связан с реализацией стратегий развития нации, направленных на ее будущее, с включением в нее понятийного содержания «народа — общества — государства». Вместе с этими близкими по содержанию категориями нация выступает как социальная целостность и максимальная величина социальной общности, внутри которой представители нации или социальная группа отождествляют себя со «Своими», «Нашими», противопоставляя их «Другим», «Чужим» по происхождению, культуре,

религии. Таким образом, как и в глубокой древности, в основе национализма всегда лежит разделение на «Своих» и «Чужих». Поэтому не случайно, что идеологию национализма подпитывает историческая память о победах и поражениях, и связанных с ними обидах. Именно поэтому существующая социальная реальность в ней причудливо сочетается со старыми мифами и стереотипами ¹⁹.

Л. Гринфельд считает, что понятие национализма как идеи нации, предполагающей определенное видение мира или стиль мышления, определяется через понятие народа, и «всегда как нечто однородное и только искусственно разделенное по статусу, классу, месту жительства и, в некоторых случаях, даже по этнической принадлежности» ²⁰. Национализм может иметь различные измерения: национализм политиков и военных отличается от экономического или культурного национализма. Но наиболее известные измерения национализма — этническое и политическое.

Согласно господствующей в науке точке зрения, национализм — это идеология и направление политики, в основе которого лежит идея ценности нации как высшей формы общественного объединения. Поэтому националистическую идеологию, где превыше всего ставятся верность и преданность нации, отличают от национальной, которую государство постулирует в своем Основном законе — Конституции — и национальном законодательстве. Основные положения идеологии национализма приводит Смит ²¹, но для системно-коммуникационного подход также важна и эволюция понятия нации, а также идеологий, связанных с исторической трансформацией этого понятия. Гринфельд приводит некоторые исторические формы трансформации идеи «нация»: нация как сообщество, объединенное единым мнением, как суверенный народ, как особый народ ²².

Системно-коммуникационный подход к изучению истории воспроизводит структуру нации в виде информационной модели, состоящей из некоторого счетного числа *Ego*. Конкретные индивиды, образуя различные типы социальной (прежде всего политической) организации, не только формируют национальную повестку дня, но и представляют ее, поддерживая или даже отвергая. Большинство населения пассивно отражает эту повестку в своем сознании. Общее число всех *Ego*, таким образом, совпадает с численностью формальных представителей этой нации, то есть граждан.

Логика различения, которую Н. Луман использовал для построения своей теории самореферентных систем, в системно-коммуникационном подходе используется в отдельно выделяемых аспектах истории, прежде всего — общественном, политическом, этническом и религиозном. Однако, если для Лумана все коммуникации являются общественными (надо понимать — социальными в широком смысле этого слова), то новый подход различает специфические, характерные только для данного аспекта истории формы социальной коммуникации — общественную, экономическую, политическую, этническую, религиозную, культурную и др.

Нация и национализм, как защитная идеология государства-нации и народа-нации, могут быть изучены раздельно в каждом из аспектов истории, начиная с древнейших времен. Поэтому в данной публикации речь пойдет об этнической, политической, гражданской, экономической, религиозной и культурной формах выражения идеологии национализма.

В соответствии с той же логикой *различения*, наряду с народом-нацией, отдельно выделяются и другие измерения народа как многозначного понятия: народ-этнос в этническом аспекте социальности, народ-демос в общественном аспекте социальности, народ-*лаос* (*λαός / laós*) в военно-политическом аспекте социальности и др. В полисах понятия демоса, этноса и нации совпадали. При этом различия между народом-лаосом и народом-демосом, совпадавшие на догосударственных стадиях развития местной общины, в полисе осознавались уже вполне отчетливо, что выражалось в противопоставлении военных и гражданских лиц в пределах городской общины. В арабских текстах из Нагорного Дагестана аварское слово *бо*, обозначавшее и родовую, и сельскую общину, а также войско, состоящее из мужчин этого рода/села, передавалось термином *ал-джайш* «войско», «ополчение» (а также во мн.ч.: *ал-джуйуш* «войска»), который не допускает неоднозначного толкования.

В каждую историческую эпоху, в связи с развитием коммуникационных возможностей человека, пределы «жизненного мира» последовательно раздвигались. В соответствии с историческими трансформациями менялось и понятие нации: житель города-государства (полиса, огороженного поселения, городской общины) был и *горожанином*, и *гражданином* (однокоренные слова, так же, как и латинские *civis* и *civitas*²³), а в территориальном государстве его границы, а вместе с ними и понятия нации и гражданства значительно расширялись. Гражданскую нацию, лишённую родоплеменной или этнической сплоченности («духа родства», или *ал-‘асабийя* Ибн Халдуна), составляют чужие друг другу люди, но они объединены общим долгом и стратегией выживания, а также общей исторической судьбой и будущим.

Из этнической, политической, культурной, религиозной, экономической и других форм национализма в реальности ни одна не существует в «чистом» виде, не проявляется сама по себе. Напротив, каждая из них выступает в сочетании и даже неразрывном симбиозе с другими аспектами социальности. В качестве примера обратимся к идеологии сионизма — какую форму национализма она представляет? Безусловно, политическую, но не в меньшей степени и этническую, религиозную и даже культурную, а возможно также и экономическую. Поэтому, когда мы отмечаем, что еврейский национализм существовал и до создания современного государства Израиль, это не означает, что он существовал без нации именно потому, что нация — это не только государство, но и народ.

Геллнер отдельно выделял «национализм диаспоры» как важный подвид национализма²⁴. Однако возможно и другое объяснение: до рождения Израиля существовал еврейский политический, этнический, религиозный и культурный национализм, но не было гражданского национализма, потому что отсутствовала еврейская гражданская общность, связанная с нацией-государством. Еврейские националисты могли выступать в качестве патриотов того государства, в которой жили. Уже сам этот факт подчеркивает различия между политическим и гражданским компонентами сложной социальной природы нации.

Национализм проявляет себя на всех уровнях сознания, основными из которых являются 1) общественный в самом широком смысле (в т.ч. государственный), 2) общинный и 3) индивидуальный. Личностный, на-

полненный эмоциями и драматическим психологизмом аспект этой идеологии, определяющий приоритеты идентичности, Э. Коэн назвал «персональным национализмом»²⁵. Национализм может быть формальным и неформальным не только на личном, но также на общинном и общественном уровнях²⁶.

В отличие от часто иррациональных националистических убеждений конкретного человека, национализм как идеология нации всегда рационален. Каждая последующая его форма, предлагающая консолидацию с целью модернизации на основе тех или иных моделей, опирается на выбор элит или их части, на более или менее широкую народную поддержку, то есть имеет ярко выраженную политическую мотивацию.

Этнический (этнополитический) национализм. Исследователи различают этнический национализм, который обосновал Смит, и этнонационализм, который подразумевает государственную идеологию этноса. Понятие этнонационализма получило развитие в теории У. Коннора; именно эта форма национализма является «эмоциональной связью», имеющей нерациональные, не поддающиеся расчетам основания²⁷. По мнению некоторых исследователей, «этнонационализм» Коннора и «этнический национализм» Смита фактически накладываются друг на друга²⁸. В системно-коммуникационном дискурсе этнический национализм представляет собой приоритетность идеологии этнической нации, а этнонационализм — националистическую идеологию субгосударственных региональных этнических групп постэтнической гражданской нации.

Образы этнической интерпретации национализма так или иначе связаны с политическими процессами. В монархической России национализм выражался через понятие «народность»: собирательное от «народа», в смысле «русскость», так же как у других народов — «испанскость», «еврейство» и др. Известная формула князя Уварова «православие, самодержавие, народность» окончательно закрепила за русскими образ соборного народа.

Говоря о средствах, мотивах и возможностях этнонационалистической мобилизации, совмещающей в себе насильственные и ненасильственные формы политического поведения, исследователи обычно подразумевают этнополитический сепаратизм, который нельзя отождествлять с этническим национализмом²⁹. Последний по своему определению является этнополитическим, поскольку выражает политические интересы этноса. В этом смысле этнические и этнополитические идеологии могут отличаться от этнонациональных, учитывая, что они различаются и внутри себя.

Этнонационализм в постэтническую эпоху не только не исчезает, но и продолжает развиваться, трансформируясь и адаптируясь к новым условиям³⁰. К старым домодернистским формам этнонационализма добавляются новые, связанные с современными проблемами этничности, на этой же основе появляются элементы постмодернистского этнонационализма³¹.

Национализм этнического большинства, как правило, транслирует идеи изоляционизма и неприятия чужаков в рамках политических движений правого спектра. Массовый наплыв этнически и культурно «чужих» мигрантов и связанные с ними проблемы увеличивают степень поддерж-

ки такого рода движений со стороны населения. Национализм этнических меньшинств продолжает воспроизводиться на субгосударственном уровне и в региональных формах³².

Особая ситуация с национализмом складывается в восточноевропейских странах, переосмысливающих свое положение между Западом и Востоком. К. Грюбер предлагает преодолеть традиционное противопоставление западной гражданской модели этнонационализма восточной этнической, согласно которому «западные концепции нации, основанные на принципе гражданства, представляют собой позитивный пример национализма, тогда как восточные концепции, основанные на этнических, лингвистических и культурных принципах, представляют ретроградный и трайбалистский подход к государственности»³³.

Проблемы этнополитического национализма характерны и для постсоветских стран. Регрессионный анализ данных социологических опросов в Казахстане показывает, что развитие основных типов национализма — гражданского и этнического — напрямую зависит от доверия населения к политическим институтам общества, воспринимаемой на бытовом уровне дискриминации и знания казахского языка. При этом более высокое социальное положение определяет «гражданско-националистические привязанности, в то время как сельское население, казахская этническая принадлежность, доход и другие этнические меньшинства влияют на этнонационализм в Казахстане»³⁴.

Постэтнический (политический, гражданский) национализм. Бытует расхожее мнение, что гражданская и политическая формы национализма отличаются большей терпимостью, чем этнокультурные, однако, как отмечает Смит, все зависит от конкретного общества: например, немецкое гражданское право более эксклюзивно, чем французское³⁵. В России гражданский национализм связан с формальным аспектом политической идентичности, который подразумевает гражданскую принадлежность, в то же самое время мировоззренческие убеждения представляют неформальный аспект национализма. Поэтому он обычно противопоставляется этническому национализму, так же как современное общество противопоставляется традиционному.

Противопоставляя этнический национализм гражданскому, исследователи приходят к выводу о том, что социально-экономические условия не являются единственной определяющей чертой характера националистических движений, не менее важны и их цели. Как показывает опыт Квебека, сепаратистские движения нуждаются в подчеркивании культурных маркеров в своем определении нации больше, чем автономистские движения, но последние более последовательно формулируют гражданский национализм: «Этот контраст свидетельствует о том, что существует этническая гражданская дихотомия, которая не учитывается подходом, основанным исключительно на развитии»³⁶.

В политической теории гражданский национализм часто представляется в качестве единственно приемлемой формы национализма. Однако политическое равенство, которое обеспечивается гражданским национализмом, основано на ложном предположении о культурной однородности гражданской общности, что не может не приводить к пагубным последствиям для культур этнических меньшинств. Как правило, у гражданско-

го национализма, выступающего в качестве консолидирующей надэтнической идеологии, всегда есть культурная повестка дня ³⁷.

Не только этнические формы национализма могут иметь различные окраски, в том числе и политическую: системно-коммуникационный подход позволяет выделить и неэтнические формы политического и гражданского национализмов, а также их переходные формы. Поскольку в реальности мы имеем дело с социальными целостностями, а не их отдельно существующими «аспектами», выявить точное соотношение между различными социо-культурными компонентами национализма довольно затруднительно.

Экономический национализм. Экономический национализм, называемый также «национализмом развития» (*developmental nationalism*) — ключевое понятие политической экономии, обозначающее протекционистскую идеологию государства в экономической сфере. Считается, что теорию экономического национализма развили Гегель и Фихте: в отличие от рационалиста Фихте, Гегель включает экономику в контекст систематической теории национального государства, подчеркивая тесную взаимосвязь между экономикой и национальным государством ³⁸.

Р. Грабовский связывает экономический национализм с экономическими интересами нации, но «в контексте моделей развития, связанных с множественными равновесиями, формулирование национальных интересов страны зависит от того, в какой степени равновесие экономики определяется историей или ожиданиями» ³⁹. Таким образом, при преобладании истории государству будет чрезвычайно сложно сформулировать национальные экономические интересы, в отличие от ситуации, когда на первый план выходят экономические ожидания. Во втором случае «легитимность государства будет иметь экономическое измерение. Этот экономический аспект увеличивает уязвимость государства к угрозам, как внешним, так и внутренним, и эта уязвимость побуждает государство к развитию» ⁴⁰.

В современных условиях глобализации мировой экономики и нарастающей в связи с этим конкуренцией между отдельными странами экономический национализм, как полагают исследователи, является наиболее заметным явлением.

Одной из разновидностей экономического национализма является *субнациональный*, то есть *региональный экономический национализм*, который актуализируется, как правило, в периоды экономической децентрализации государства ⁴¹.

Культурный национализм. Культурный национализм определяется как идеология превосходства нации и не является ни этническим, ни гражданским ⁴². Это особая форма национализма, с помощью которой одни нации исповедуют превосходство над другими через свою культуру — а это опосредованное выражение идей этнического (у этнонаций) или гражданского (у т. н. «гражданских» наций) превосходства. При обсуждении «цивилизаторской миссии» некоторых западных народов на Востоке высказывалось мнение, что культурный национализм присущ только тем народам, которые отличаются сильной культурной самобытностью, способной конкурировать с другими культурами ⁴³, однако это не совсем так: по существу, на бытовом уровне превосходство такого рода

повсеместно демонстрируют представители более распространенной культуры по отношению к культуре менее распространенной.

На Западе собственный культурный национализм считается рациональным и либеральным, нацеленным на будущее, в котором все должны пользоваться правами человека, тогда как восточный признается мистическим и направленным в прошлое: якобы он основывается на исключительном, квазиплеменном понимании нации⁴⁴. Дж. Пламенац также оказался в плену у идеологии в тот момент, когда противопоставил друг другу эти «два типа национализма». В обоих случаях национализм признается культурным феноменом, хотя часто принимает политическую окраску.

Пламенац убежден в том, что восточный национализм связан с агрессивной реакцией Востока на его отставание от Запада, поэтому он «иррациональный, узкий, человеконенавистнический и деструктивный»⁴⁵. Такое деление антиисторично и противоречит фактам: труды авторов немецкого «народничества», романтизма и появившегося на их основе расистского, ариософского национализма, отталкивающиеся от «народного духа», совершенно иррациональны, проникнуты мистицизмом и взывают к образам еще более далеких арийцев. При этом возникновение самого понятия «народный дух» связано не с немецкими националистами, а с просветителями — Вольтером и Монтескье (*esprit des nations*) (ср. с *Volksgeist* И. Г. Гердера).

Противопоставление культур по принципу более или менее мистических антинаучно хотя бы потому, что каждая культура разнородна, кроме того, мистицизм в различной степени присущ всем религиям. Крайние проявления культурного национализма смыкаются с расовым национализмом, основанным на теориях расового и культурного превосходства одних народов и расовой неполноценности других. Полагают, что национал-социализм в Германии начинался с культурного национализма⁴⁶.

Попытка обозначить корни идеологии аполитичного, нерасистского культурного национализма приводит к работам Ф. Мейнеке начала XX века⁴⁷. Х. Кон также призвал изучать историю Израиля и Греции, а затем и Рима, как важнейших источников «западного», как считает К. Келхаун, наследия универсализма, гуманизма, разума и свободы, имеющих глубокую историческую традицию в этих обществах⁴⁸. Кон не обошел своим вниманием опыт швейцарского и американского видов национализма, которые имеют разную природу, а также культурное наследие эпохи Возрождения и Реформации в Европе⁴⁹. Результаты исследований Кона получили высокую оценку: даже высказывалось мнение, что он исчерпывающе решил проблему национализма⁵⁰.

В. Спенсер подчеркивает, что политическое равенство, связанное с гражданским национализмом, основано на ложном предположении о культурной однородности с пагубными последствиями для культур меньшинств: «исторически за идеологической маской, что гражданский национализм является некультурным и благотворным, у него всегда была культурная повестка дня»⁵¹.

В некоторых своих аспектах культурный национализм смыкается с «национализмом развития», который несколько шире экономического

национализма: речь идет об аспекте культурного развития. У развивающегося и культурного видов национализма разные фокусы и разные исторические типы, но у них может быть общая повестка. Она определяется культурной политикой национализма развития⁵². Эта повестка может приводить как к гуманизации культурного национализма, так и к его противопоставлению всем остальным. Например, связь между экономикой Японии и культурной самобытностью страны в японском национализме предопределил переход к более резкой форме милитаристского культурного национализма⁵³.

Некоторые исследователи отдельно выделяют *мультикультурный национализм* в качестве разновидности культурного или как альтернативу ему. В его основе — убеждение в превосходстве мультикультурных моделей взаимодействия, которые распространяют неолиберальные государства, над монокультурными и даже бикультурными, предусматривающими двусторонние форматы культурного взаимодействия. Политика мультикультурализма реализуется в форме различных моделей: так, например, канадская модель мультикультурализма отличается от европейских.

Религиозный национализм. Религиозный национализм, как, впрочем, и религиозно окрашенный национализм, который, строго говоря, религиозным не является, проявляет себя в самых разных формах. Религии, прежде всего догматические, рассматривают своих последователей как членов большой и единой общности — нации — в гораздо более широком смысле, чем народы. Т. Штурм указывает на то, что термин «религиозный национализм» часто теоретизируется, «в худшем случае как антитетически соединительный, где религия определяется как преданность Богу, а национализм — это преданность нации, а в лучшем случае — инструментальная»⁵⁴.

В названии Священной Римской империи определение «священная» определенно указывало на религиозную основу консолидации народов. Власть императоров освящал Папа римский. Арабский халифат с теократической властью халифов представлял мусульманскую *умму* как единую нацию нового типа, и цементирующей силой этой нации выступала идеология, которая была религиозной по форме и ценностям и политической по целям и задачам. Современные «исламские республики» совсем иначе представляют эту религиозность, несмотря на шариатское законодательство этих стран: национальные интересы государства почти всегда одерживают верх над религиозной идеологией, особенно, когда речь идет о взаимоотношениях внутри исламского мира.

О сложности категории религиозного национализма свидетельствуют исследования, посвященные индуистскому национализму⁵⁵, а также идеологии «христианских сионистов»⁵⁶. В качестве сложной религиозно-политической идеологии особого внимания заслуживает «исламский национализм», который часто выступает в качестве эвфемизма для арабского национализма, или панарабизма (этот аспект проблемы здесь только обозначается, но не рассматривается). Отдельные течения исламизма ультимативно запрещают формы арабского этнического национализма, если они противоречат целям исламской консолидации; при этом исламский культурный национализм также хорошо известен.

Хотя исламизм как политическая идеология ислама часто противопоставляется национализму, тем не менее, он сам также может быть интерпретирован как форма религиозно-политического национализма. Именно к такому выводу, в частности, пришла Элизабет Оздалга, анализируя доктрину суверенитета в современном национализме и теории классического халифата. В первом случае речь идет о конгруэнтности между государством и нацией, а во втором — между правителем и *уммой* ⁵⁷.

В Коране выражение «*умма вахида*» переводится как «один/единый народ», «одна нация» ⁵⁸. В традиционной коннотации это выражение относится ко всему исламскому миру. Коран называет мусульманскую *умму* «лучшей из общин», выведенных пред людьми (Коран 3: 106 (110)). Однако действительное практическое значение выражения одной нации в смысле «единого народа» далее разъясняется Конституцией Медины — одним из самых ранних мусульманских правовых актов, который в 622 г. был согласован Мухаммадом с ведущими кланами Медины. Этот документ прямо ссылается на всех граждан Медины, включая, помимо мусульман, также иудеев, христиан и язычников, как членов *уммы* ⁵⁹.

Подчеркивая тот факт, что мусульманская *умма* получает свою легитимность непосредственно от пророка Мухаммада, Фредерик Денни указывает исторические изменения в понимании этой категории: в Мединский период арабская *умма* сузилась до *уммы* исключительно для мусульман, но после Мекканского периода Мухаммад предложил новую концепцию *уммы*, раскрывающую подлинную природу мусульманской общины. Ранние мекканские *айаты* обычно приравнивают *умму* к религии, в то время как в мединских *айатах* более конкретно говорится об отношениях между *уммой* и религией ⁶⁰.

В период возникновения арабского буржуазного национализма *умма* все чаще начала пониматься как арабская мусульманская нация в современном смысле этого термина. Баасисты довели эту идею до логического конца, обозначив *умма арабийя вахида* как единую арабскую нацию. Наконец, общественно-политическое течение *уммаизм*, который, согласно де Руа, подразумевает деэтнизированный и экстратерриториальный «транснациональный» концепт, даже необязательно на основе арабского языка, имеет претензии на всемирный масштаб. И здесь конкурируют две интерпретации: господствующая исламистская, основанная на громко декларируемом исламском и скрытом арабском эксклюзивизме, и зарождающаяся интернациональная, предлагающая духовное единство сторонников идеи единого Бога в рамках общей монотеистической (авраамической) традиции.

В современную эпоху, которую одни наблюдатели продолжают называть секулярной, а другие — постсекулярной, религиозный национализм также меняет свое содержание, все больше претендуя на роль лучшего выразителя нравственных ценностей в своих обществах. М. Юргенсмейер объясняет «глобальный рост религиозной политики» тем, что в условиях кардинальной трансформации традиционных форм социальной идентичности религия считает секулярный национализм недостаточно эффективным защитником общественных ценностей: «Религиозное насилие является выражением этого анти-светского протеста и симптомом

стремления к обновленному чувству нравственных ценностей в общественной жизни»⁶¹.

Вышеприведенные формы национализма не исчерпывают всего богатства национальных идеологий в разных обществах мира. Учитывая тот факт, что любая форма национализма — это всегда некоторая совокупность идей, формирующихся в головах людей, представляющих ту или иную нацию — историческую или современную, политическую, этническую, религиозную или «гражданскую» (в современном понимании этого слова) — анализ разновидностей национализма в системно-коммуникационном дискурсе представляется весьма перспективным.

Примечания

1. ГЕЛЛИНЕР Э. Нации и национализм. М. 1991, с. 34.
2. Nationalismus: Dokumentezur Geschichte und Gegenwart eines Phänomens. München. 1994.
3. SMITH A.D. The Nation in History: Historiographical Debates about Ethnicity and Nationalism. Hanover. 2000.
4. DEUTSCH K. Nationalism and Social Communication. Boston. 1966.
5. SMITH A.D. Theories of Nationalism. L. 1983.
6. HAYES C. Nationalism as Religion. In: Essays on Nationalism. N.Y. 1926, p. 93.
7. KOHN H. The Idea of Nationalism: A Study in Its Origins and Background. With a New Introduction by Craig Calhoun. N.Y. 2017.
8. SMITH A.D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford. 1986.
9. REX J. Ethnic Minorities in the Modern Nation State: Working Papers in the Theory of Multiculturalism and Political Integration. Palgrave Macmillan. 1996.
10. HERIBERT A. Exclusive Nationalism versus Inclusive Patriotism: State Ideologies for divided Societies. — Innovation: The European Journal of Social Science Research. Vol. 3, 1990, No. 4, p. 205—215.
11. KYMLICKA W. Misunderstanding Nationalism. In: Theorizing Nationalism. Albany-N.Y. 1999, p. 131—140.
12. МИЛЛЕР А. О дискурсивной природе национализмов. — Pro et Contra. Т. 2, № 4, 1997, с. 141—151.
13. BREUILLY J. Nationalism and the State. Manchester. 2001, p. 1.
14. КЕДУРИ Э. Национализм. СПб. 2010.
15. ГРОХ М. Формирование наций и национальные движения малых народов. В кн.: Национализм и формирование наций: Теории — модели — концепции. М. 1994, с. 70—93.
16. ARMSTRONG J.A. Nations before Nationalism. Chapel Hill. 1982.
17. ГЕЛЛИНЕР Э. Ук. соч., p. 127.
18. BRASS P. Ethnicity and Nationalism. New Delhi. 1991.
19. SHAFER V.C. Faces of Nationalism: New Realities and Old Myths. N.Y.-L. 1972.
20. ГРИНФЕЛЬД Л. Национализм. Пять путей к современности. М. 2012, с. 8—9.
21. SMITH A.D. Op. cit.
22. ГРИНФЕЛЬД Л. Ук. соч., с. 13.
23. SMITH A.D. Op. cit.
24. ГЕЛЛИНЕР Э. Ук. соч., с. 215.
25. COHEN A.P. Personal Nationalism: A Scottish View of Some Rites, Rights, and Wrongs. — American Ethnologist. Vol. 23, No. 4 (1996), p. 802.
26. Т, Эриксен утверждает, что на общественном уровне национализм проявляет себя «как в формальной организации государства, с одной стороны, так и в гражданском обществе — с другой. Формальный национализм связан с требованиями современного национального государства, включая бюрократическую организацию и меритократическую идеологию, культурную однородность и политический консенсус среди жителей». По мнению исследователя, эти два вида национализма являются одинаково «аутентичны-

- ми», но они могут быть противоречивыми. См.: ERIKSEN T.H. Formal and Informal Nationalism. — *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 16, 1993, No. 1, p. 1—25.
27. SHARIPOVA D., BURKHANOV A., ALPEISSOVA A. The Determinants of Civic and Ethnic Nationalisms in Kazakhstan: Evidence from the Grass-Roots Level. — *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 23, 2017, No. 2, p. 9.
 28. YUN M. Sh. Ethnonationalism, Ethnic Nationalism, and Mini-Nationalism: A Comparison of Connor, Smith and Snyder. — *Ethnic and Racial Studies*. Vol.13, 1990, No. 4, p. 527—541.
 29. SAXTON G., BENSON M. Means, Motives and Opportunities in Ethno-Nationalist Mobilization. — *International Interactions. Empirical and Theoretical Research in International Relations*. Vol. 34, 2008, No. 1, p. 53.
 30. LECOURE A. Ethnonationalism in the West: A Theoretical Exploration. — *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 6, 2000, No. 1, p. 103.
 31. GRÜBER K. The Contemporary Ethnonationalist Renaissance in Europe and its Implications for a Theory of Nationalism. — *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 3, 1997, No. 4, p. 128—151.
 32. BOLLENS S.A. The City, Substate Nationalism, and European Governance. — *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 14, 2008, No. 2, p. 189.
 33. GRÜBER K. Op. cit., p. 128.
 34. SHARIPOVA D., BURKHANOV A., ALPEISSOVA A. Op. cit., p. 203.
 35. SMITH A.D. Op. cit., p. 18.
 36. LECOURE A. Ethnic and Civic Nationalism: Towards a New Dimension. — *Space and Polity*. Vol. 4, 2000, No. 2, p. 153.
 37. SPENCER V.A. Rethinking Cultural and Political Nationalism — *Politics, Groups, and Identities*. Vol. 2, 2014, No. 4, p. 666—673.
 38. NAKANO T. Hegel's Theory of Economic Nationalism: Political Economy in the Philosophy of Right. — *The European Journal of the History of Economic Thought*. Vol. 11, 2004, No. 1, p. 33—52.
 39. GRABOWSKI R. Economic Nationalism, Economic Development, and the State. — *Asien, Afrika, Latinamerika*. Vol. 30, 2002, No. 1, p. 1.
 40. HEIN L. The Cultural Career of the Japanese Economy: Developmental and Cultural Nationalisms in Historical Perspective. — *Third World Quarterly. Developmental and Cultural Nationalisms*. Vol. 29, 2008, No. 3, p. 447—465.
 41. EATON K. Subnational Economic Nationalism? The Contradictory Effects of Decentralization in Peru. — *Third World Quarterly*. Vol. 31, 2010, No. 7, p. 1205.
 42. NIELSEN K. Cultural Nationalism, Neither Ethnic nor Civic. In: *Theorizing Nationalism*. Albany-N.Y. 1999, p. 119—130.
 43. CHATTERJEE P. Nationalist Thought and the Colonial World: A Derivative Discourse. L. 1986, p. 1—35.
 44. MILLER D. *On Nationality*. Oxford. 1995, p. 8.
 45. PLAMENATZ L. Two Types of Nationalism. In: *Nationalism: The Nature and Evolution of the Idea*. L. 1976, p. 7.
 46. ФИДАРОВА Ф.К. Германия: от «культурного национализма» к национал-социализму. М. 2016.
 47. MEINECKE F. *Zur Theorie und Philosophie der Geschichte*. Bd. 4. Stuttgart. 1965.
 48. GORDON A. *Towards Nationalism's End: An Intellectual Biography of Hans Kohn*. Brandeis University Press. 2017.
 49. KOHN H. Op. cit., p. 36.
 50. GORDON A. Op. cit.
 51. SPENCER V.A. Op. cit., p. 666—573.
 52. DESAI R. Conclusion: from Developmental to Cultural Nationalisms. — *Third World Quarterly*. Vol. 29, 2008, No. 3: Developmental and Cultural Nationalisms, p. 647.
 53. HEIN L. The Cultural Career of the Japanese Economy: Developmental and Cultural Nationalisms in Historical Perspective. — *Third World Quarterly. Developmental and Cultural Nationalisms*. Vol. 29, 2008, issue 3, p. 447—465.
 54. STURM T. Religion as Nationalism: the Religious Nationalism of American Christian Zionists. — *National Identities*. Vol. 19, 2017, No. 2, p. 1—21.

55. BHATT CH. Democracy and Hindu Nationalism. — Democratization. Vol. 11, 2004, No. 4, p. 133.
56. STURM T. Op. cit., p. 1.
57. ÖZDALGA E. Islamism and Nationalism as Sister Ideologies: Reflections on the Politicization of Islam in a Longue Durée Perspective. — Middle Eastern Studies. Vol. 45, 2009, No. 3, p. 407—423.
58. MATHEWSON D.F. The Meaning of “Ummah” in the Qur’an. In: History of Religions. Vol. 15 (1), Chicago. 1975, p. 34.
59. SERJEANT R.B. The Constitution of Medina. — Islamic Quarterly. 1964, No. 4, p. 3.
60. ДЕННИ Ф.М. Ислам и мусульманская община. В кн.: Религиозные традиции мира. Т. 2. М. 1996, с. 118—119.
61. JUERGENSMEYER M. The Global Rise of Religious Nationalism. — Australian Journal of International Affairs. Vol. 64, 2010, No. 3: Religious Nationalism and Nation-building in Asia, p. 262—273.

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201909Statyi10 ББК 63.3(2)/УДК 94(47)

История России, ее периодизация в контексте билинейности

Л. Н. Лютов

Аннотация. В публикации предлагается взглянуть на российскую историю и ее периодизацию исходя из билинейного подхода к историческому процессу. Дается вариант периодизации истории России с IX по XXI век.

Ключевые слова: билинейный, формационный, цивилизационный подходы к историческому процессу, периодизация истории России.

Abstract. The publication proposes a look at Russian history and its periodization based on a bilinear approach to the historical process. The variant of periodization of the history of Russia from the 9th to the 21st century is given.

Key words: bilinear, formational, civilizational approaches to the historical process, periodization of the history of Russia.

Основная проблема отечественной исторической науки — непротиворечивая концепция российской истории, на основании которой возможна ее периодизация. Несмотря на попытки анализировать отечественную историю с позиций от теории модернизации до социальной истории, все сводится к прежнему формационному подходу, корректируемому цивилизационным. В результате, исходя из последнего, Февраль и Октябрь 1917 г. объединяются в одну «гибридную» «Великую российскую революцию», хотя события Февраля и Октября имели противоположные векторы развития российского социума. Однако, с точки зрения формационного подхода, Октябрь 1917 г. по-прежнему — революция, хотя по сути это был возврат к политической системе до 1906 года. Это не случайно — в той или иной степени каждому из этих подходов присуща некая односторонность.

Один из подходов линейно-стадиальной парадигмы интерпретации истории человечества — *формационный*. Этот подход, вытекающий из марксистского учения¹ с его экономическим детерминизмом, имеет существенные недостатки — отсутствие учета других факторов (культур-

Лютов Лев Николаевич — доктор исторических наук, профессор Ульяновского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС) при Президенте РФ. E-mail: lutov2001@mail.ru.

Lyutov Lev N. — doctor of historical sciences, professor at the Ulyanovsk branch of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). E-mail: lutov2001@mail.ru.

ных, национальных, спонтанных), излишняя схематичность, оторванность от специфики общества, восходящая однолинейность, отсутствие подтверждения практикой (пропуск некоторыми обществами рабовладельческой или капиталистической формаций, нарушение линейности, крах коммунно-социалистической формации). Поэтому он не может служить основой периодизации исторического развития российского социума.

Цивилизационный подход рассматривает историю человечества как пространство, заполненное самобытными регионально-культурными сообществами (локальными цивилизациями), каждое из которых самобытно и проходит в своем развитии циклы: рождение, становление, расцвет, упадок и гибель. Однако его многолинейность не дает возможности для выявления общих закономерностей исторического процесса, ключевое значение отдается анализу культурных и не учитывается важность социально-экономических отношений, не выделены им и главные критерии вычленения цивилизаций.

Иной подход к осмыслению истории, в том числе и российской, — *билинейный*. В соответствии с ним, в государственный период истории человечества (IV тыс. до н.э. — начало III тыс. н.э.) существовали два типа социальных систем. Их противопоставление имело уже в античности ². О наличии двух общественных систем — Запад и Восток, их противоположности говорилось и в трудах мыслителей XVII—VIII веков ³. Билинейная традиция нашла отражение даже в рамках марксистской парадигмы — в идеи об азиатском способе производства ⁴. В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс высказал предположение о двух путях становления государства — восточном и античном ⁵. Позднее эту версию поддержал Г.В. Плеханов, который рассматривал данные способы производства «как два сосуществующих типа» ⁶.

О двух типах общества писали в 30—40-е гг. XX в. французский философ А. Бергсон (ввел понятия «открытого» и «закрытого» обществ) ⁷ и австрийско-британский философ и социолог К. Поппер (раскрыл понятие «открытого» общества и активно использовал его в критике политических режимов XX в.) ⁸. В середине столетия идеи билинейности были развиты «видным американским институционалистом» ⁹ К. Виттфогелем ¹⁰.

В 1950-е — 1980-е гг. в поддержку билинейности высказывались многие сторонники азиатского способа производства. В последние десятилетия XX в. у российских историков формировалось представление о том, что уже на ранних этапах истории человечества параллельно с созданием иерархических обществ (вождейств и государств) имела место другая линия социальной эволюции — неиерархические общества; что политические единицы в аграрную эпоху очень различаются по размерам и типу, но их можно разделить на два вида: локальные самоуправляющиеся сообщества и большие империи. С одной стороны, существуют города-государства, остатки родовых общин, крестьянские общины и т.д., ведущие свои собственные дела с очень высоким коэффициентом политического участия и с неярко выраженным неравенством; и с другой стороны — огромные территории, контролируемые сконцентрированной в одном месте силой. Допускалось, что данная билинейность имеет ка-

кие-то более фундаментальные основания, поскольку она характерна не только для развитых социумов, ее истоки можно проследить на самых ранних этапах истории человечества и даже у приматов ¹¹.

В конце XX в. идеи билинейности были развиты в работах российского историка и социолога Л. С. Васильева ¹². В начале XXI в. О. И. Шкаратан рассматривал советское общество как особый тип цивилизации, родственной азиатскому способу производства и именуемый им этакратическим ¹³.

Билинейность исторического процесса находит свое обоснование и в таком междисциплинарном направлении, как синергетика (изучает открытые самоорганизующиеся системы любой природы). Оказалось, что некоторые ее подходы применимы и для исследования общественных систем ¹⁴. В соответствии с ними, последние могут быть двух типов: открытые и закрытые ¹⁵.

Этакратическая («власть государства», от фр. *etat* — государство и греч. *krateia* — сила, власть, господство) — закрытая социальная система, не способная к качественному поступательному движению, так как в ней резко ограничена свобода и самостоятельность индивидуума в результате монопольного положения государственной собственности и централизованной формы управления (иерархичность, связи идут лишь сверху вниз, обратные и горизонтальные либо слабо выражены, либо вообще отсутствуют). То есть, это — система с жесткой централизацией экономической, политической и духовной жизни общества. В подобных социумах, тяготеющих к замкнутости, закрытости, идут энтропийные процессы (застой и распад). Это доказали общества, существовавшие в разных регионах мира на всем протяжении государственного периода истории человечества. К наиболее типичным можно отнести: Египет фараонов (с момента его объединения в XXXIII в. до н.э.), правление III династии Ура (Месопотамия конец XXIII— XII в. до н.э.), династии Цинь (Китай, III в. до н.э.), империю инков (Южная Америка, XV— VI вв.), период токугавского сёгунага (Япония, XVII— IX вв.). Их важнейшие характеристики — огосударствление экономики на базе монопольного положения государственной собственности, жестко централизованная форма управления, резко ограниченная свобода и самостоятельность индивидуума.

Либеральная (от лат. *liber* — свободный) — открытая социальная система, способна к саморазвитию в результате наличия адаптационных возможностей, которые определяются свободой индивидуума, опирающейся на частную собственность и демократическую политическую систему. Наиболее типичные либеральные общества древнего мира — греческие и римские полисы (V— II вв. до н.э.). Первые же свободные общественные системы, появившиеся с началом бронзового века на Древнем Востоке (IV тыс. до н.э.), — торговые города ¹⁶. После полисов либеральная система возрождалась в европейских средневековых городах, которые поглощались централизованными системами. Однако она вновь утвердилась в эпоху Нового времени в Западной Европе и Северной Америке. Волны либерализации-этакратизации продолжились и в Новейшее время.

В *российском социуме* естественноисторический процесс приводил к формированию демократических социально-политических и экономических отношений: достаточно вспомнить общинно-полисную социаль-

ную систему Древней Руси, республиканско-вечевую форму правления Северо-Западной Руси, купеческие корпорации, Земские соборы XVI — начала XVII в., представительские структуры на низовом уровне (сотни, слободы, сельские и волостные сходы) и прочее. Однако их становление затруднялось процессом *централизации* собственности, управления, власти. Этому способствовали следующие *факторы*: *природно-климатический* — короткий вегетативный период для созревания сельскохозяйственных культур, как результат — нехватка прибавочного продукта и необходимость его концентрации¹⁷); *геополитический* — военная угроза: азиатские кочевники, татаро-монгольское нашествие, Золотая орда, Великое княжество Литовское; *конфессиональный* — православное христианство с его «государственнической» церковью и меньшей, по сравнению с другими ветвями христианства, значимостью земной жизни, сниженной в результате этого социальной активностью человека.

Конкуренцией в отечественном социуме элементов *либеральной* и *этакратической* (а в XX в. ее крайней формы — тоталитарной) общественных систем определяется не только дискурс пути развития, национального интереса, характера реформирования (либерального или этакратического), но и *периодизация* истории России. Ниже приводится ее вариант с общей характеристикой периодов и этапов.

I. *Древняя Русь (IX—II)*. *Общество с преобладанием элементов «либеральной» системы*. В российском социуме распространялся городской образ жизни, торгово-денежные отношения, крупная индивидуальная земельная собственность (вотчина), складывалась «вечевая монархия» (княжеская власть ограничена вече городской общины)¹⁸. Проводились налоговая реформа княгини Ольги и религиозная Владимира Святославича (принятие христианства способствовало европейской интеграции Руси).

II. *Удельный период (XII—V)*. *Альтернативность в российском социуме*. «Либеральная» тенденция в Северо-Западной (республика) и Юго-Западной (олигархия), «этакратическая» в Северо-Восточной Руси (монархия). Стремление владимиристо-суздальской великокняжеской власти к самодержавию, ее отказ от европейской интеграции в противостоянии татаро-монгольскому нашествию, в результате которого вместе с городами ликвидировалась важнейшая социальная база либерального социума; мощное «этакратическое» воздействие Золотой орды (от экономики до управления) способствовали движению Северо-Восточной Руси по «этакратическому» вектору.

III. *Московское государство (конец XV — конец XVII)*. *Становление в российском социуме «этакратической» системы (ЭС)*. С захватом Новгородской республики госсобственность на землю приобретала монопольный характер. Она дала возможность Ивану III осуществить поместную реформу и создать массовую опору своей власти — служилое дворянство. Централизация собственности способствовала централизации управления (дворцово-вотчинная система преобразуется в приказную). Порожденное приказной реформой дьячество (чиновничество), так же как и дворянство, было заинтересовано в этакратизации. Становление и развитие поместного землевладения, централизованной системы управления стимулировало закрепощение крестьянства.

Реформы Ивана IV центрального и местного управления (учреждение Земского собора, губная, земская), призванные усилить этакратическую тенденцию, несли и «либеральные» черты. Однако форсирование процесса этакратизации (политика опричнины) привело российский социум к кризису (Смута). Преодоление кризиса шло за счет опоры самодержавия на «либеральные» институты — сословно-представительные органы (земские соборы, выборные местные органы самоуправления). Тенденция ограничения самодержавия рядом «конституционных» актов в начале XVII в.¹⁹ и Церковью (Филарет, Никон) развития не получила. Этакратизацию же российского общества усиливали и правовые (Судебники 1497, 1550, Соборное уложение 1649), и фискальные (введение ясака, винной монополии), и военные (переход к постоянной (стрелецкое войско), регулярной (полки нового строя) армии) реформы. Одновременно с этим шло ослабление сословно-представительных институтов (Земского собора, Боярской думы). Осуществленные в последние десятилетия XVII в. преобразования (замена в 1679 г. посошного обложения подворной податью, военная реформа 1680 г., отмена местничества в 1682 г. и др.) вели к завершению процесса становления в российском обществе ЭС.

IV. Российская империя (конец XVII — начало XX). Утверждение и функционирование в российском социуме ЭС. Этапы:

1. *Завершение становления и утверждение ЭС (конец XVII — конец XVIII).* Реформы Петра I — не «окно в Европу», а форсированное завершение этакратической тенденции предшествующего периода. Дальнейшие меры по усилению крепостничества, позиций дворянства, государственного контроля над экономикой, политическому и экономическому подчинению Церкви государству, административной централизации и бюрократизации государственного аппарата, несмотря на просвещенный абсолютизм Екатерины II, вели к кризису ЭС, который проявился в социальных катаклизмах, попытках ограничить верховную власть (кондиции 1730), череде дворцовых переворотов.

2. *Кризис ЭС (первая половина XIX).* Реформы, которые осуществлялись в первой половине царствования Александра I, не способствовали выходу этакратической системы из кризиса, обозначившегося на рубеже XVIII—IX веков. Негативные последствия его консервации во второй половине правления Александра I и, особенно, Николая I ярко проявились в ходе Крымской войны (1853—1856).

3. *Либеральная модернизация ЭС (середина XIX — октябрь 1917).* Ее фазы: *начало* — отмена крепостного права, реформы 1860—1870 гг.; *торможение* — контрреформы 1880—1890 гг.; *возобновление* — революция, политические и социально-экономические реформы 1905—1913 гг.; *торможение* — с 1914 по февраль 1917 г.; *продолжение* — февраль-октябрь 1917 года.

Ограниченность, фрагментарность, непоследовательность и незавершенность реформ 60—70-х гг. XIX в., начала XX в., а также первая мировая война и двоевластие не способствовали реализации в российском социуме либеральной альтернативы.

V. Россия в годы тоталитаризма (октябрь 1917 — август 1991). Утверждение и функционирование в российском социуме крайней формы

ЭС — коммуно-советской тоталитарной системы (КСТС) ²⁰. Ее основы закладывались партией, коммунистическая доктрина которой выражала этакратическо-тоталитарную альтернативу в российском социуме: централизация власти, собственности, управления, контроля над личностью. Этапы:

1. *Советская Россия — становление КСТС (октябрь 1917—1920)*. Форсированное становление КСТС в результате осуществления «красногвардейской атаки на капитал», политики «военного коммунизма» и других этакратических мер, охватывавших все сферы жизни российского общества. В экономике на базе тотальной национализации и ликвидации товарно-денежных отношений устанавливалась централизованно-распределительная экономическая система (ЦРЭС), в политике — олигархический авторитаризм. В результате — гражданская война, социально-экономический и политический кризис КСТС (падение в разы промышленного и сельскохозяйственного производства, антикоммунистические крестьянская война 1920—1921 гг., восстание Кронштадта в начале 1921 г.).

2. *Советская империя в годы нэпа (1921 — конец 1920-х)*. Частичная либерализация КСТС для вывода ее из системного кризиса 1920—1921 гг.: ограниченный допуск в ЦРЭС, основанную на государственной собственности, элементов рыночной системы. Однако уже в первые годы нэпа началось их вытеснение, а затем ликвидация в ходе контрреформ конца 1920 — начала 1930-х годов. В конце 1920-х гг. — переход от авторитарно-олигархического режима к единоличному.

3. *Завершение становления и утверждение КСТС (1930-е — начало 1950-х)*. Контрреформы первой половины 1930-х гг. во всех сферах жизни советского общества завершились к началу 1940-х гг. утверждением в российском социуме КСТС. ЦРЭС 1917—1920-х гг. в результате проведения индустриализации и коллективизации трансформировалась в основанную исключительно на госсобственности неэффективную централизованно-плановую экономическую систему (ЦПЭС). Уже в конце 1930-х гг. это привело к застойным явлениям в экономике, снижению жизненного уровня населения.

В начале 1930-х гг. завершилась трансформация авторитарно-олигархического режима в авторитарно-единоличный (деспотический) с фиктивно-демократическим принятием решений, номинальным конституционализмом, абсолютно бесконтрольной властью генерального секретаря ЦК ВКП(б), с прямой опорой на карательный аппарат и широким использованием террористических методов подавления инакомыслия, с культивируемым в массах энтузиазмом и страхом, поддерживаемым массовыми репрессиями.

В духовной жизни общества осуществлялась жесточайшая регламентация творчества в искусстве и науке, пресечение всего того, что официально не санкционировано сверху. Идеологизированные культура и искусство призваны были унифицировать личность.

Условия войны в 1941—1945 гг. потребовали повышения эффективности КСТС. В ЦПЭС произошло некоторое смягчение степени централизма (несколько расширены права народных комиссаров СССР, РСФСР и Украинской ССР, директоров предприятий и т. п.). В политической системе — легализация режима личной власти: генеральный секретарь ЦК

ВКП(б) занял посты председателя СНК и ГКО СССР, наркома обороны, Верховного Главнокомандующего. В идеологии — власть корректировала отношение к Русской православной церкви, идее патриотизма, странам Запада. После победы в советском обществе возникла атмосфера ожидания либеральных преобразований. Однако в послевоенные годы осуществлялись меры, направленные на сохранение КСТС в неизменном виде. Это усилило ее системный кризис на рубеже 1940-х — 1950-х годов.

4. *Модернизация КСТС («оттепель»)* (начало 1950-х — середина 1960-х). Осуществлялась административными методами, свелась к допуску лишь некоторых элементов рыночного механизма, формальному восстановлению «советской демократии», несущественной децентрализации в сфере экономики и политики, что не затрагивало основ КСТС.

5. *Системный кризис КСТС («застой»)* (конец 1960-х — середина 1980-х) В результате консервативного курса конца 1960-х — начала 1980-х гг. кризис КСТС вновь, как в послевоенные годы, становился системным (социально-экономический, общественно-политический, духовный).

Результатом провала экономической реформы 1965 г. явилась стагнация, все более стремительное технологическое отставание от либеральных социумов — стран с развитой рыночной экономикой. Усиливался разрыв в качестве и уровне жизни основной массы населения и партийно-государственной, хозяйственной номенклатуры.

Правящая КПСС, юридически закрепив в Конституции СССР 1977 г. свое монопольное положение в политической системе, усилила идеологический контроль над всеми сферами общественной жизни, ужесточила преследование инакомыслящих, диссидентского движения, возникновение которого шло при нарастании в обществе пассивности и апатии. Усилился процесс идейно-нравственного разложения общества, что выразилось в двойной морали, двойных стандартах жизни, утрате частью населения веры в ценности советской системы.

6. *Модернизация КСТС («перестройка»)* (середина 1980-х — август 1991). Кризис КСТС заставил часть партийно-государственного руководства, обеспокоенную перспективой утраты СССР статуса мировой сверхдержавы и своей власти в стране, пойти на либеральную трансформацию КСТС. Однако экономические реформы, не затрагивавшие основ ЦПЭС, вели к обострению экономического кризиса (усиливались диспропорции, углублялись финансовый и другие кризисы). В политической сфере происходило развитие институтов формальной демократии. В целом же политический режим не претерпел серьезных изменений (его стержнем оставалась коммунистическая партия). Кризисные процессы привели к ослаблению унитарного характера государства («парад суверенитетов»), наметился переход к федеративному государству, который, не получив развития, завершился прекращением существования СССР в декабре 1991 года. В условиях «гласности», отсутствия позитивных результатов реформ, проводимых руководством КПСС, в обществе происходила эрозия коммунистических идеологических и нравственных ценностей.

VI. *Российская Федерация (начало 1990-х — конец 2010-х): утверждение и функционирование такратической системы (ЭС.)* Этапы:

1. *Форсированный переход от КСТС к ЭС (август 1991—1993)*. После событий августа 1991 г. (попытка консервативной части руководства

СССР остановить трансформацию советской общественной системы) к власти в стране пришла та часть партийно-государственной элиты, которая была вынуждена идти на углубление реформирования КСТС. Однако вторая попытка в 1991—1993 гг. использовать рыночные отношения, как и первая в 1921—1923 гг., носила поверхностный характер: частная собственность не стала основой российской экономики. На практике приватизация означала концентрацию большей части прав собственности в руках администрации предприятий, государственных чиновников. Сохранялась система бюрократически-номенклатурного контроля над экономикой. В политической сфере, несмотря на в целом либеральный характер Конституции 1993 г., сохранялись основы авторитаризма.

2. *Становление ЭС (середина — 2-я половина 1990-х)*. Реализации этакратической альтернативы в российском социуме способствовали: наличие широкой социальной базы, не готовой к поддержке либеральной альтернативы; гиперинфляция 1992 г.; криминальная приватизация (залоговые аукционы); использование административного ресурса и политтехнологий на выборах в 1996—1997 гг., хотя они еще были конкурентными; усиление госконтроля над СМИ 1996—1998 гг.; отказ правящей элиты от переосмысления советского периода, от государственной оценки большевизма и сталинизма, от установления правовой преемственности с Российской империей. Таким образом, после 1993 г. в России наблюдалось торможение процессов либерализации, а к концу 1990-х — их стагнация.

3. *Утверждение ЭС (2000-е)*. В результате осуществленных контрреформ происходило не только торможение либеральных реформ, но и их выхолащивание (судебная, управления, военная, образования, социальная). В экономике возрастала централизация. Усиление роли государственной собственности являлось одной из доминирующих институциональных тенденций 2000-х годов. Устранялись условия для формирования полноценного собственника.

Усиливалась тенденция формирования авторитарного бюрократического режима консервативно-застойного типа («суверенная или управляемая демократия»), который соответствовал господствующему положению государственной собственности и номенклатуры, контролировавшей эту собственность. В рамках такого режима в российском обществе происходило выхолащивание демократического содержания властных институтов, превращение общественных структур, представительной и судебной ветвей власти в ширму для претворения в жизнь любых решений власти исполнительной. Привычными становились предсказуемость выборов, осторожная пресса, телевидение как средство манипуляции общественным сознанием. Снова усиливалась роль спецслужб с их процессами над «учеными-шпионами». Во внешней политике под прикрытием поисков «русской идентичности» и «национальных интересов» укреплялся традиционный советский антиамериканизм, привычное антизападничество.

4. *Кризисные явления в ЭС (с конца 2000-х)*. В результате увеличения государственного присутствия в экономике, возрастал уровень ее централизации (госхолдинги, госкорпорации и т.п.). Не осуществлялось даже то, что властью было обещано: либерализация уголовного преследования предпринимателей и реальная амнистия для них, мораторий на увеличе-

ние налоговой нагрузки, доступные кредиты малому и среднему бизнесу, борьба с монополией на рынках.

Неэффективная экономическая система с монополией госсектора и привязкой к нефтяным котировкам вела к «оптимизации» социальной сферы: закрытию медучреждений, школ, как бы неэффективных вузов, научных институтов, академий, покушению на пенсионные накопления и фактическому отказу от индексации текущих пенсий, сокращению субсидий, дотаций и компенсаций, росту цен. В результате с 2012 по 2015 г. падение социальных расходов составило в реальном выражении 40—50% ²¹. С конца ноября 2014 и по начало 2017 г. официальная статистика фиксировала сокращение реальных доходов населения ²².

В политике продолжалось строительство «новой» политической системы — усиление авторитаризма, бюрократизация госуправления, формализация демократических институтов (выборов, свободы информации, разделения властей), усиление клерикально-националистических тенденций, активизация антидемократического законотворчества (особенно в 2012—2014 годы).

Билинейный подход и основанная на нем периодизация не только позволяют осмыслить прошлое российского социума, но и дают возможность прогнозировать его будущее. Исходя из предлагаемой периодизации, что есть в истории России 1917 год? Февраль — это проявление (наряду с общинно-полицейской системой Древней Руси; республиканско-вечевыми Новгородом и Псковом; отменой крепостного права и реформами 1860—1870-х гг. Александра II; революцией 1905—1907 гг.; трансформацией Горбачёва-Ельцина второй половины 1980-х — начала 1990-х гг.) либерально-демократической альтернативы в истории России. Октябрь — консервативная реакция на нее, то есть проявление (наряду с началом становления поместной системы, крепостного права и централизованной системы управления при Иване III; опричниной Ивана IV; утверждением абсолютизма при Петре I; полицейским государством при Николае I; контрреформами 1880—1890-х гг. при Александре III; становлением и утверждением КСТС при В.И. Ленине и И.В. Сталине) этакратической альтернативы в истории России.

Отсюда следует, что революция была в Феврале, в Октябре же — контрреволюция, которая не только противодействовала выходу из кризиса этакратической общественной системы, но и способствовала становлению в российском социуме ее крайней формы — тоталитарной, которая консервировала кризисность в российском социуме. События Февраля и Октября 1917 г., выразившие две альтернативы не только 1917 г., но и всей истории российского общества в его государственный период, неисторично объединять в рамках единой «Революции 1917 года» или «Великой российской революции».

Что же касается будущего, то понятно, что российское общество и государство в результате «нынешней модели политического менеджмента» ²³ приближаются к точке бифуркации, альтернативность в которой задается наличием двух типов социальных систем — либеральной и этакратической, которые конкурируют в российском обществе с IX по XXI в., а в мировой истории — с возникновением феномена государственности.

1. Положения которого, даже базисные, были недостаточно четкими. См.: АНИКИН В.В. О понятии «способ производства». — Вопросы истории. 2018. № 3.
2. «Билинейность» просматривается у многих древнегреческих авторов. Так, у Эхила в «Персах» победа греков над империей Ахеменидов — следствие превосходства свободных людей, сознательно, по своей воле встающих на защиту семей и имущества, над восточными народами, где все люди — подданные, по мнению эллинов, рабы. См.: Античная литература. Греция. Ч. 1. М. 1989, с. 143.
3. БЕРНЬЕ Ф. История последних политических потрясений в государстве Великого Могола. М. 2008; МОНТЕСКЬЕ Ш. О духе законов. В кн.: Избранные произведения. М. 1955.
4. В марксизме — особая общественно-экономическая формация и способ производства, следующие за первобытнообщинным строем. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/94994>.
5. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20. М. 1961, с. 183—185.
6. ПЛЕХАНОВ Г.В. Избранные философские произведения. Т. III. М. 1957, с. 165.
7. БЕРГСОН А. Два источника морали и религии. 2-е изд., испр. М. 2010.
8. ПОППЕР К. Открытое общество и его враги. В 2-х томах. М. 1992.
9. ЛАТОВ Ю.В. «Восточный деспотизм» К.А. Виттфогеля (к 50-летию «странной» книги). — Историко-экономические исследования. 2007, т. 8, № 2, с. 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/vostochnyy-despotizm-k-a-vittfogelya-k-50-letiyu-strannoy-knigi>.
10. WITTFOGEL K. A. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. New Haven. 1957. На русском яз.: Деспотизм Востока. Сравнительное исследование тотальной власти. URL: <https://www.rulit.me/books/despotizm-vostoka-sravnitelnoe-issledovanie-totalnoj-vlasti-read-498182—1.html>.
11. КРАДИН Н.Н. Политическая антропология: Учебник. М. 2004, с. 135—136.
12. ВАСИЛЬЕВ Л.С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики). В кн.: Альтернативные пути к цивилизации: Коллективная монография. М. 2000, с. 96—114.; ЕГО ЖЕ. История Востока. В 2-х томах. М. 1993.
13. ШКАРАТАН О.И. Этакратизм и российская социетальная система. — Общественные науки и современность. 2004, № 4, с. 54.
14. О корректности использования синергетического аппарата в социальных исследованиях в середине 1980-х гг. писал О. Тоффлер. См. его предисловие к книге: ПРИГОЖИН И., СТЕНГЕРС И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М. 1986.
15. Открытая и закрытая системы. URL: <http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0128225>.
16. ИВАНОВ В. Целесообразность человека: публичная лекция. — Новая газета. 2012, 3, 9 сентября.
17. МИЛОВ Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса. — Вопросы истории. 1992, № 4—5.
18. Подробнее см.: ПОЛЯКОВ А.Н. Древнерусская цивилизация: основы политического строя. — Вопросы истории. 2007, № 3.
19. Подкрестная запись царя Василия Шуйского, условия договора 4 февраля 1610 г. об избрании на русский престол польского королевича Владислава, московский договор 17 августа 1610 г. с присягой Владиславу, земский приговор 1-го ополчения 30 июня 1611 г. временному правительству — «троеначальникам». См.: КЛЮЧЕВСКИЙ В.О. Сочинения. В 9-и томах. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М. 1988, с. 34—44.
20. Коммуно-советская тоталитарная система (КТС) — одна из разновидностей тоталитарных социумов, появившихся в XX столетии, таких, как: корпоративно-фашистская, национал-социалистическая, исламо-фундаменталистская. Главные их различия выражены в целях — коммунизм, возрождение империи, мировое господство арийской расы, восстановление «зоны ислама» — и социальных предпочтениях — рабочий класс, потомки римлян, германская нация, правоверные.
21. Новая газета. 2015, 4 декабря, с. 14.
22. Население России в 2018 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. I квартал. М. 2018. URL: https://isp.hse.ru/data/2018/05/28/1149493427/Мониторинг_ВШЭ_2018_1квартал
23. ОРЕШКИН Д. Государство и вождество. — Новая газета. 2018. 6 июля.

Особенности кадрового делопроизводства в Тобольской губернии в конце XVIII в. (на примере указов Тобольского наместнического и губернского правлений)

О.В. Кирилова, О.В. Устинова

Аннотация. Публикация посвящена одному из важных аспектов становления местного управления в российских губерниях в конце XVIII в. — кадровому делопроизводству в губернском аппарате, регулировавшему вопросы, связанные с организацией труда должностных лиц, их движением, учетом рабочего времени и оплатой труда. По результатам исследования указов Тобольского наместнического и губернского правлений за 1797 г. делается вывод, что кадровые изменения и структурные преобразования в государственном и местном управлении в обозначенный период имели постоянный характер и касались: установления рабочих, выходных, праздничных, траурных дней, а также продолжительности отпусков: назначения и увольнения с должностей; структурных преобразований в органах государственного и местного управления; организации, регулирования и контроля деятельности служащих в части их поведения, общения и внешнего вида.

Ключевые слова: Российская империя, губерния, наместничество, губернское правление, наместническое правление, должностные лица, кадровое делопроизводство.

Abstract. The publication is devoted to one of the important aspects of the formation of local government in the Russian provinces at the end of the XVIII century, namely personnel records management in the provincial apparatus, regulating issues related to the organization of labor of officials, their movement, time and wages. According to the results of the study of the Decrees of the Tobolsk Provincial and Provincial Governments for 1797, it is concluded that the personnel changes and structural changes in the state and local government in the designated period, were permanent and concerned: the establishment of working, weekends, holidays, mourning days, as well as the duration of holidays; appointment and dismissal from office; structural changes in the state and local government; organization, regulation and control of the activities of employees in terms of their behavior, communication and appearance.

Key words: Russian Empire, province, vicegerency, provincial government, local government, officials, personnel records management.

Тобольская губерния как самостоятельная административная единица России была образована 12 декабря 1796 г. в результате упраздне-

ния Павлом I института генерал-губернаторств¹ и включала 16 уездов: Кунецкий, Семипалатинский, Красноярский, Ишимский, Ялуторовский, Курганский, Березовский, Тарский, Туринский, Тюменский, Тобольский, Сургутский, Томский, Нарымский, Енисейский, Туруханский². В 1790 г. губернский аппарат состоял из 174 служащих, на каждого из которых приходилось 2900 жителей губернии³.

Губернское правление представляло собой высший уровень исполнительной власти на подведомственной ему территории. Соотношение в историографии понятий «наместничество» и «губерния»⁴, а также архивные документы, анализ которых будет представлен в публикации, позволяют говорить о тождественности этих понятий. Поэтому, оговоримся, что Тобольское губернское правление и Тобольское наместническое правление представляют собой одну и ту же структуру.

Тобольское губернское правление (а до февраля 1797 г. — Тобольское наместническое правление), помимо прочего, имело своей непосредственной обязанностью объявление в наместничестве законов и указов императора и надзор за их исполнением. Губернское правление заседало фактически каждый день за исключением выходных и праздников, регламентируемых императором.

Указы Тобольского губернского правления за исследуемый период по тематической направленности можно условно сгруппировать следующим образом: посвященные вопросам организации власти и управления на местах — 19%, кадровому делопроизводству — 15%; к остальным относятся: распределение ресурсов, их продажа, а также наложение ограничений на них; разделение наследства, передача титула, фамилии; закрепление или лишение прав; военная дисциплина, иностранные граждане; коронация, титулы, обращения; рапорты и т. д. Таким образом, регламентация кадрового делопроизводства исследуемого периода представляет особый интерес в контексте становления и развития местной власти в Российской империи.

Авторами изучены указы Тобольского наместнического и губернского правлений, датированные 1797 г., которые представляли собой юридические документы и служили основным инструментом, позволявшим регулировать и внедрять государственные решения на местном уровне как повсеместно, так и в конкретной сфере деятельности. Всего проанализированы 262 указа, из которых отобраны лишь те, которые касаются кадрового делопроизводства, регулирующего вопросы, связанные с организацией труда должностных лиц (служащих), их движением и учетом, а также учетом рабочего времени и оплатой труда.

Кирилова Ольга Викторовна — кандидат экономических наук, доцент Государственного аграрного университета Северного Зауралья. Тюмень. E-mail: o-kirilova2009@yandex.ru; *Устинова Оксана Вячеславовна* — кандидат социологических наук, доцент Тюменского индустриального университета. E-mail: ustinoavaov@tyuiu.ru.

Kirilova Olga V. — PhD (Economics), associate professor of the Northern Trans-Ural State Agricultural University. Tyumen. E-mail: o-kirilova2009@yandex.ru; *Ustinova Oksana V.* — PhD (Sociology), associate professor of the Tyumen Industrial University. E-mail: ustinoavaov@tyuiu.ru.

Решение исследовательских задач осуществлялось посредством использования научных методов, таких как метод контент-анализа, с помощью которого были отобраны и подробно исследованы указы, касающиеся организации кадрового делопроизводства за конкретный календарный год; системный подход, который позволил рассматривать кадровое делопроизводство как совокупность документов, взаимообусловленных формально-логическими связями; исторический анализ, посредством которого прослеживалась эволюция документооборота и ее взаимосвязь с социально-политическими и экономическими преобразованиями, вызванными происходившими реформами.

Кадровое делопроизводство в губернских аппаратах обычно рассматривается учеными в трех направлениях: в контексте истории российской бюрократии; становления институтов местного управления; развития делопроизводства.

К наиболее ранним научным трудам, посвященным рассмотрению и изучению особенностей губернского управления, можно отнести работы, вышедшие в свет еще в конце XIX в. (И. Е. Андриевский, Ф. Дмитриев, А. Д. Градовский, Е. Н. Анучин) ⁵. Примерно в этот же период появляются работы по становлению и развитию местного управления в Сибири (В. К. Авдриевич, В. Л. Вагин, С. М. Пругченко) ⁶.

Организация делопроизводственного обслуживания губернского аппарата подробно описывается в дореволюционных (Н. В. Варадинов, Б. Г. Литвак) ⁷ и современных (Л. Е. Шепелев) ⁸ работах. Единичные научные труды посвящены особенностям делопроизводства конкретных органов власти дореволюционной России (Л. В. Виноградова) ⁹.

В рамках заявленной темы особый интерес представляют работы ученых, исследующих особенности становления и развития местного управления в губерниях, в частности в Тобольской (Н. В. Гриценко, А. Б. Храмцов) ¹⁰.

Поскольку на губернских правлениях лежала основная ответственность за осуществление императорской воли и правительственных решений, особое значение приобретало делопроизводство на местах. Основная часть решений Его Императорского Величества Правительствующего Сената фиксировалась в виде указа и рассылалась по всей территории страны с пометками подобного рода: «О сем Высочайшем Его Императорского Величества повелении объявить всенародно; что сим и исполняется» (Указ Его Императорского Величества Самодержавца Всероссийского из Правительствующего Сената от 10 декабря 1796 г.) ¹¹ или «Для должного по сему Высочайшему Его Императорского Величества повелению исполнения, объявить всенародно публичными Указами. О чем сим и публикуется» (Указ Его Императорского Величества Самодержавца Всероссийского из Правительствующего Сената от 16 декабря 1796 г.) ¹².

Соответственно далее на местах губернскими и наместническими правлениями издавались указы, дублировавшие государственное решение и определявшие масштабы их распространения по территории: «И по тому Его Императорского Величества указу Тобольское Наместническое Правление определило: с прописанием онаго указа дать знать Палатам сего Наместничества и Приказу Общественного Призрения сообщениями, Совестному суду предложением, средним и нижним Присутственным

Местам, Коммендантам, Городничим и нижним Земским судам указами» (Указ Тобольского Наместнического Правления от 9 января 1797 г.)¹³.

В большинстве указов, изданных на местном уровне, фиксировалась дата получения государственного документа — «каков получен при Указе Правительствующего Сената из 1 го департамента, от ... под № ...»

За год Правительствующим Сенатом издавалось большое число указов, которые в обязательном порядке должны были быть продублированы органами управления на местах. Существенная доля (15%) указов Тобольского губернского правления за исследуемый период посвящена кадровому делопроизводству, а именно — организации труда должностных лиц, их движению и учету, отбору на должность, кадровым перестановкам (назначениям и снятиям с должности), учету рабочего времени и оплате труда.

В исследуемых документах по поводу регулирования работы должностных лиц часто встречаются ссылки на церковные праздники, например, Великий пост (первую и страстную недели, недели сырную и святую, святки). «Страстную недели также неделю сырную и Святую, согласно означенного в регламенте постановления от приказных дел иметь свободу, разумея кроме самых нужд; к сему же прибавить и Святки» (Указ Тобольского губернского правления от 7 февраля 1797 г.)¹⁴.

Указами закреплялись рабочие и выходные дни. Например, в праздничные дни, которые начинались от католического Рождества (25 декабря) и заканчивались 7 января (Рождество христианское), проведение заседаний было обусловлено высокой нагрузкой: «... принимая в уважение множество дел по Присутственным Местам в нерешении остающихся, и от времени до времени накапливаемых... повелеваем чтобы от ныне в положенные по Регламенту с 25 декабря по 7 января неприсутственные дни, иметь от заседания свободу только три первые дни праздника 25, 26, 27 декабря, в прочие же между сим временем обыкновенные дни, кроме Воскресных и Табельных, быть присутствию во всех приказах...» (Указ Тобольского губернского правления от 29 января 1797 г.)¹⁵.

Обращая внимание на сроки, указанные в документообороте, можно предположить, что некоторые документы не исполнялись на местах. Так, вышеупомянутый Указ Его Императорского Величества Самодержавца Всероссийского от 23 декабря 1796 г., «а в здешнем Губернском Правлении полученном» 23 января 1797 г., продублирован лишь 29 января 1797 года. Речь же в документе идет об установлении праздничных и «обыкновенных» дней в период с 25 декабря по 7 января.

Таким образом, примерно месяц Указ Его Императорского Величества Самодержавца Всероссийского «шел» до Тобольской губернии и только еще через 6 дней был издан на местном уровне.

Присутствовала в делопроизводстве исследуемого периода и последовательная зависимость новых указов от принятых ранее. Например, на вышеприведенный Указ содержится ссылка в другом Указе, принятом спустя несколько месяцев, регулирующем летний отдых должностных лиц: «В уважение многого числа нерешенных дел по Сенату Нашему и другим Приказам, издав Указ Наш в 23й день Декабря ... нужным признали изъять волю нашу и о постановленном в 9й главе Генерального Регламента среди лета отдохновений от трудов... чтобы разъезд Членов на положен-

ный срок не был в течение лета более двух раз, и каждый раз отъезжало бы не более половины членов...» (Указ Тобольского губернского правления от 7 февраля 1797 г.)¹⁶.

Проводилось регулирование не только праздничных, но и траурных дней. Так, 19 марта 1797 г. появился Указ Тобольского губернского правления¹⁷, изданный на основании объявления от Церемониальных дел по высочайшему Его Императорского Величества повелению «Об отмене траура на нижеследующем основании». В данном нормативном документе содержалось семь пунктов, суть которых сводилась к тому, что снимается траур в тех населенных пунктах, через которые будет следовать Его Императорское Величество на время его пребывания в них: «Снимается траур во всех городах тех Губерний, через кои имеет следовать Высочайшее шествие из Санкт-Петербурга...» В последнем пункте указан конкретный срок окончания годового траура — 24 ноября 1797 года¹⁸.

Документально фиксировалось перемещение по стране (которое в современном делопроизводстве называется командировкой) не только императорских особ, но и должностных лиц. В документе прописывались фамилии, должности и звания, а также цель визита, например, «повелеть соизволить отправиться в Москву на время Высочайшего Его Величества в сей столице присутствия всем наличным господам Сенаторам...» (Указ Тобольского губернского правления от 27 марта 1797 г.)¹⁹.

Такого рода указы издавались по всей стране и были связаны с масштабными государственными событиями. В приведенном Указе, принятом на основании Указа Его Императорского Величества, полученном в Тобольском губернском правлении 15 марта 1797 г., речь идет о коронации Павла I, взошедшего на престол после смерти его матери Екатерины II 6 ноября 1796 года.

Тема назначений и увольнений с должности представляется самой популярной в исследуемых документах. Одновременно с назначением на должность и получением чина, в некоторых указах фиксировалось и окладное жалованье (Указ Тобольского наместнического правления от 16 января 1797 г.)²⁰, но в каких-то оно не указывалось (Указы Тобольского наместнического правления от 15 и 16 января 1797 г.; Указ Тобольского губернского правления от 19 марта 1797 г.)²¹. Встречаются и уточняющие формулировки, например, «получая жалованье и столовые деньги по сему чину сходно, как в штате Коллегии иностранных дел положено» (Указ Тобольского наместнического правления от 9 января 1797 г.)²².

Работа должностных лиц допускала так называемое совместительство, за которое была положена оплата. Другими словами, при существовании вакансии имелась возможность получать доплату при совмещении функций (Указ Тобольского губернского правления от 20 февраля 1797 г.)²³.

Закрытие вакансии отражалось в указах назначением на должность конкретного человека, например: «всемилоостивейше повелеваем на вакансии при общем собрании временных департаментов Сената Нашего быть Обер-Секретарем Надворному Советнику Михайлу Ковалеву...» (Указ Тобольского губернского правления от 7 февраля 1797 г.)²⁴.

Рассматривая кандидатов на вакантные позиции «руководству» хотелось видеть лучших, однако требования были весьма размыты: «Пред-

ставить нам из людей достойных и способных по два кандидата» (Указ Тобольского наместнического правления от 16 января 1797 г.)²⁵.

Нередко акцент делался на необходимость обучения: «о возстановлении определения и обучения при Сенате в Санкт-Петербурге и Москве и при всех Коллегиях Юнкеров из молодых дворян...» (Указ Тобольского губернского правления от 20 февраля 1797 г.)²⁶. Так, согласно Приложению к Указу Тобольского наместнического правления от 20 февраля 1797 г., молодых дворян поощряли к изучению наук, судопроизводства, чтобы они могли профессионально развиваться и приносить пользу русскому государству: «Весьма желательно, да и Наместнику Государеву нужно поощрять, чтоб молодые дворяна по окончании наук употребляли себя к научению не меньше для них полезному, знать законы своей земли и образ судопроизводства; а для сего бы определялись в Присутственные Места, не вмняя отнюдь в предосуждение благородству приобретать от первых степеней канцелярских сведения и способности в делах, и в них столько изощряться, чтоб могли, поступая в чины высшие, достойно и похвально исправлять свое звание к пользе общей; ибо таковым преимущество всегда отдается при выборе и определении в почетнейшие места гражданских должностей»²⁷.

Некоторые исследуемые документы содержат одновременно несколько волеизъявлений в отношении должностных лиц, например, увольнение и назначение: «уволив от службы Господина Действительного Тайного Советника... сию часть поручить Господину Генералу от Инфантерии, Московскому Военному Губернатору, Князю Долгорукову» (Указ Тобольского губернского правления от 3 июля 1797 г.)²⁸. Также не было ограничений по должностям: одним указом могли назначить советника, действительного статского советника, статского советника, коллежского советника, надворного советника, титулярного советника, вице-губернатора, коллежского асессора, коллежского секретаря, коллежского регистратора, губернского секретаря (Указ Тобольского губернского правления от 9 июля 1797 г.)²⁹.

Так, 17 апреля 1797 г. появился Указ Тобольского губернского правления, фиксирующий увольнение со службы действительного статского советника и тверского губернатора Поликарпова «за непорядочное распоряжение», тем же указом обозначены переводы тамбовского губернатора в Тверскую губернию, а калужского губернатора — в Тамбовскую (Указ Тобольского губернского правления от 17 апреля 1797 г.)³⁰.

Стоит отметить, что структурные преобразования в органах государственного и местного управления проводились постоянно. Какие-то решения принимались единожды, какие-то отменялись, как признанные неэффективными: «Разные Комиссии и Конторы, признавая к существованию иныя вовсе не нужными, повелеваем «одни уничтожить, другие же и самые их дела распределить» сообразно воли Нашей в той росписи изъявленной» (Указ Тобольского губернского правления от 19 марта 1797 г.)³¹.

На основании росписи «Какие именно Комиссии и Конторы к уничтожению назначены», порядка пяти структурных организаций были назначены к уничтожению (Контора главного кригс-коммисариата в Петербурге; Контора военная в Москве; Контора артиллерийская и фортификацион-

ная в Москве; Духовная комиссия в Петербурге; Контора строения Адмиралтейства), по которым нет комментариев по поводу ведения и хранения дел. По остальным восьми есть комментарии — кому передать дела ³².

Зафиксированы случаи, когда государственные структурные преобразования были признаны неэффективными и принималось первоначальное решение: «усматриваем крайнюю неудобность в раздроблении важных отделений Государственной экономии, каковы суть произведения горные, мануфактуры и коммерция, на столько частей разных, сколько находится Губерний, и в присоединении их к Казенным Палатам, которые без того упражнены будучи многими другими делами... в рассуждении чего заблаго признали мы, к успешнейшему вышеизъясненных отделений управлению, возобновить бывшие пред сим Берг, Мануфактур и Коммерц-Коллегии». Далее фиксируется, что необходимо восстановить штатный состав: «штаты восстановить, изданные в 1763 году» или «внести к нам проекты новых штатов на апробацию» (Указ Тобольского наместнического правления от 16 января 1797 г.) ³³. Или, например, «восстановить все те Присутственные Места, которые по прежним тамошним правам и привилегиям существовали до открытия в оной Наместничества, как в Губернском городе, так и по другим городам и уездам» (Указ Тобольского губернского правления от 29 января 1797 г.) ³⁴.

Фиксировались в указах и так называемые сокращения какого-либо структурного подразделения, включая вывод и переименование должностей. Например, Указом Тобольского губернского правления от 26 февраля 1797 г. по Указу Его Императорского Величества Правительствующего Сената от 17 января 1797 г., Артиллерийская канцелярия причислялась к Военной коллегии. Квартирмейстеры переименованы в капитанов, должности обер-квартирмейстера и обер-контролера, обер-кригс-комиссара необходимо было «уничтожить» ³⁵.

Принимались решения о создании и упразднении временных учреждений, например комиссий: «Разсмотрев причины, бывшие поводом ко учреждению в 762 и последующих годах Коммисии о строении Санктпетербурга, Москвы и других городов в 763 Коммисии о коммерции, а в 786 годах Коммисии о дорогах в Государстве, и соображая оные с настоящим положением Нашего Государства, находим существование их более не нужным. И для того повелеваем оные упразднить...» (Указ Тобольского губернского правления от 29 января 1797 г.) ³⁶. Подобные преобразования, в свою очередь, подразумевали формирование или сокращение штата должностных лиц (Указ Тобольского наместнического правления от 16 января 1797 г.) ³⁷.

Актуальными в делопроизводстве исследуемого периода представлялись переименование должностей, изменение структуры подчинения, классов и рангов. Например, Указом Его Императорского Величества Самодержавца Всероссийского из Правительствующего Сената от 19 января 1797 г., опубликованным Тобольским губернским правлением 6 марта того же года, объявлялось: всенародно «всех состоящих в статской службе с рангами службы военной, повелеваем переименовать в классы службы статской». Если же из военной службы будет переход в статскую — «считать старшинство со дня пожалования в тот самый ранг, из которого в класс статской службы переименуется» ³⁸.

Штатный состав коллегий, экспедиций фиксировался в так называемой Стати или Положении, утверждаемых указом (Стать Мануфактур-Коллегии с Экспедицею заготовления и хранения Гербовой бумаги и Мануфактур-Кантор от 28 апреля 1797 г.; Штат Коммерц-Коллегии от 16 февраля 1797 г.)³⁹. В подобных документах были отражены наименования должностей, количество единиц, окладное годовое жалованье на одного человека и всего по каждой должности, а также итоговая сумма.

Фиксировались случаи не только сокращения, но и расширения штата. Так, например, в Всеподданнейшем докладе от генерал-прокурора князя Куркина от 13 декабря 1796 г. отражено обоснование увеличения количества канцелярских служителей Сената, «ибо опыты прошедших пред сим лет показывают, что число вошедших в Сенат, было больше, нежели число решенных, а по сему необходимость требует Канцелярию Сената умножить». Далее излагается, что времени господам сенаторам выслушать всех своевременно недостаточно, «рассуждение всех сих обстоятельств сделал я примерный штат, какое число и в какой Департамент прибавить канцелярских служителей, сумма на жалованье им потребная... На все в год двести две тысячи двести девяносто четыре рубля» и прилагается «Примерный Стать каких чинов и сколько в Правительствующий Сенат прибавить прилагается, с каким жалованьем и сколько всего на одного в год потребно»⁴⁰.

В некоторых документах присутствуют ссылки, которые выступают в качестве оснований для принятия решений: «... из рапортов Губернских прокуроров...» или «Слушав Рапорты Военной Коллегии» (Указ Тобольского губернского правления от 26 февраля 1797 г.).

Но иногда основанием могли служить доносы: как устные — «Дошло до нашего сведения, что с великим пренебрежением разбор чинится в Дворянских собраниях по просьбам ищущих Дворянства, и дворянское к тому право обращается в злоупотребление» (Указ Тобольского губернского правления от 16 января 1797 г.)⁴¹, так и письменные — «Канцелярский служитель Судебного места объявил просителю сделанной в оном протоколе прежде, нежели он был подписан, которой за сей противный законами поступок подвергнут строгому суждению»; «Донесением Господин Губернский Прокурор Замощиков прописывает...» (Указы Тобольского губернского правления от 24 июля 1797 г. и от 5 февраля 1797 г.)⁴².

Отдельные указы посвящены организации, регулированию и контролю деятельности служащих. Например, одним из указов утверждались правила речи: «... по каким бы то ни было делам изъясняться самым чистым и простым слогом, употребляя всю возможную точность и стараясь изъяснять лучше самое дело, а высокопарных выражений, смысл потемняющих, всегда избегать», «причем Его Светительство повелевает о исполнении сего дать кому следует знать, дабы оное в самой точности исполняемо было...» Другим указом оговаривался внешний вид, обязывающий служащих носить униформу: «установить Губернские Статские мундиры» (Указ Тобольского губернского правления от 16 апреля 1797 г.)⁴³.

Тема доходов и жалованья раскрыта в указах достаточно обобщенно. Интересен Указ 1797 г. (изданный Правительствующим Сенатом по

Первому Департаменту 8 декабря 1796 г.), который регламентирует получение жалованья только при условии фактического нахождения в должности: «всем чинам, кои к определению в должности назначены, но мест еще не получили, жалованья не производить, доколе не будут отправлены к должностям» (Указ Тобольского наместнического правления от 16 января 1797 г.)⁴⁴.

Важно отметить, что к большинству указов Тобольского губернского правления в качестве первоисточника прилагались указы Его Императорского Величества, о которых шла речь в документе и на которые ссылалось губернское правление.

Делая вывод, необходимо отметить, что кадровые изменения и структурные преобразования в государственном и местном управлении в исследуемый период фиксировались документально. Кадровое делопроизводство в губернском аппарате тематически условно можно подразделить на следующие группы: 1) установление рабочих и выходных праздничных дней; 2) установление и ограничение продолжительности отпусков; 3) установление и снятие траура; 4) перемещение императорских особ и должностных лиц по стране с государственной целью; 5) назначение и увольнение с должностей, нередко с указанием требований к кандидату, которыми он обязан обладать на момент назначения или которые должен приобрести в перспективе; 6) структурные преобразования в органах государственного и местного управления, связанные с улучшением их деятельности (изменением штата, созданием или сокращением структурного подразделения, переименованием должностей, изменением структуры подчинения, классов и рангов), отменой оказавшихся неэффективными изменений, утвержденных документально ранее; 7) организация, регулирование и контроль деятельности служащих в части их поведения, общения и внешнего вида.

Также необходимо отметить, что в значительной части исследованных нормативных актов присутствуют формулировки, не дающие однозначного понимания, которые могут быть истолкованы по-разному. Например, «... никому частых отпусков не делали» или «доложить в самоскорейшем времени... разослать по потребному количеству в палаты», «представить нам из людей достойных и способных по два кандидата», «иметь свободу... кроме самых нужд», «дать кому следует знать».

Сроки документооборота позволяют сделать вывод о некоей «медлительности» в делопроизводстве, нередко приводящей к несвоевременному выполнению указов или их невыполнению вовсе.

Примечания

1. О новом разделении Государства на Губернии: именной указ императора Павла I от 12 дек. 1796 г. № 17634. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ) с 1649 года. Т. 24. СПб. 1830, с. 229—230.
2. Высочайше утвержденный доклад Сената 2 ноября 1797 г. № 18233 «О числе городов в Тобольской Губернии». ПСЗ РИ, т. 24 (6 ноября 1796—1797), ст. 789.
3. ГРИЦЕНКО Н.В. Хозяева края. Карьера высшего чиновничества в Тобольской губернии. — Родина. Специальный выпуск: Тобольск — живая былина. 2004, с. 56—59.

4. УТКИН Д.Е. Наместнические Правления в системе органов государственной власти в последней четверти XVIII века. — Научные ведомости. Серия: История. Политология. 2015, № 13 (210), вып. 35, с. 98—103.
5. АНДРИЕВСКИЙ И.Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб. 1864; ДМИТРИЕВ Ф. Сперанский и его государственная деятельность. — Русский архив. 1868, № 10, с. 5—12; ГРАДОВСКИЙ А.Д. История местного управления в России. Т. 1. СПб. 1868; Начала русского государственного права: Собрание сочинений А.Д. Градовского: Т. 9. Ч. 3: Органы местного управления. 1908. VI; АНУЧИН Е.Н. Исторический обзор развития административно-полицейских учреждений в России с Учреждения о губерниях 1775 г. до последнего времени. СПб. 1872; КАРНОВИЧ Е.П. Русское чиновничество в былое и настоящее время. СПб. 1897.
6. АНДРИЕВИЧ В.К. Сибирь в XIX в. СПб. 1889; ВАГИН В.И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 гг. В 2-х томах. СПб. 1872; ПРУТЧЕНКО С.М. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко-юридические очерки: в 2-х томах. СПб. 1899.
7. ВАРАДИНОВ Н.В. Делопроизводство или теоретическое и практическое руководство к гражданскому и уголовному, коллегияльному и одноличному письмоводству, к составлению всех правительственных и частных деловых бумаг и к ведению самих дел, с приложением к оным образцов и форм: В 2-х частях. СПб. 1857; ЛИТВАК Б.Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVII— IX вв. (К постановке вопроса). В кн.: Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. М. 1984, с. 48—55.
8. ШЕПЕЛЕВ Л.Е. Проблемы источниковедческого изучения делопроизводственных документов государственных учреждений XIX — начала XX вв. В кн.: Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М. 1976, с. 266.
9. ВИНОГРАДОВА Л.В. Основные виды документов Сената и организация его делопроизводства. В кн.: Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX вв. Л. 1967, с. 111—132.
10. ГРИЦЕНКО Н.В. К вопросу об управлении делами «общественного призрения» в Тобольской губернии. В кн.: Проблемы истории местного управления Сибири конце XVI— X веков. Материалы четвертой регион. научной конференции, 11—12 ноября 1999 г. Новосибирск. 1999; ЕГО ЖЕ. Хозяева края, с. 56—59; ХРАМЦОВ А.Б. Губернаторы и городские власти в западной Сибири: конфликты и способы их разрешения (1892—1917 гг.). — Муниципальное право. 2013, № 2 (62), с. 71—77.
11. Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске), ф. И8, оп. 1, д. 5, л. 85.
12. Там же, л. 80.
13. Там же, л. 21.
14. Там же, л. 129.
15. Там же, л. 102.
16. Там же, л. 129.
17. Там же, л. 228.
18. Там же, л. 229.
19. Там же, л. 231.
20. Там же, л. 46.
21. Там же, л. 216.
22. Там же, л. 24.
23. Там же, л. 143.
24. Там же, л. 120.
25. Там же, л. 56.
26. Там же, л. 139.
27. Там же, л. 67.
28. Там же, л. 267.
29. Там же, л. 271.
30. Там же, л. 259.
31. Там же, л. 205.
32. Там же, л. 206.

33. Там же, л. 56.
34. Там же, л. 103.
35. Там же, л. 147.
36. Там же, л. 101.
37. Там же, л. 56.
38. Там же, л. 177.
39. Там же, л. 255.
40. Там же, л. 89.
41. Там же, л. 44.
42. Там же, л. 118.
43. Там же, л. 251.
44. Там же, л. 36.

Городское самоуправление: историческое развитие или возврат к прошлому?

В. Н. Есаулов, В. Г. Лизунков

Аннотация. Цель публикации — изучение и анализ исторического опыта местного самоуправления. Используя принципы научного историзма и объективности, учитывая опыт предыдущих поколений, установлены характерные общие черты устройства городского самоуправления России прошлых лет и современного муниципального управления. Авторами исследован огромный зарубежный опыт в этой области и возможности применения его в нашем государстве. Анализ концепций исследователей, изучающих городское самоуправление, как прошлых веков, так и нашего времени, позволил сформулировать рекомендации по увеличению местных бюджетов и собственных средств муниципалитетов.

Ключевые слова: Городовые положения, хартии вольностей, муниципалитет, появление городов, общественная жизнь, избирательная система, местное самоуправление.

Abstract. The purpose of the article is to study and analyze the historical experience of local self-government. Using the principles of scientific historicism and objectivity and taking into account the experience of previous generations, the characteristic similarities of the structure of urban self-government in Russia of past years and modern municipal government have been established. The authors have studied the vast foreign experience of urban self-government and the possibility of using it in our state. An analysis of the concepts of researchers studying urban self-government, both past centuries and modern times, made it possible to formulate recommendations for increasing local budgets and municipal funds of their own.

Key words: City regulations, charters of liberties, the municipality, the emergence of cities, social life, the electoral system, local self-government.

Актуальность данной темы заключается в том, что изучение опыта городского самоуправления прошлых столетий дает богатую теоретическую и практическую основу для решения крупных муниципальных задач, особенно по усовершенствованию коммунального хозяйства. Городовые положения 1870 и 1892 гг. давали избранным представителям городской власти определенные полномочия и самостоятельность при решении проблем удовлетворения потребностей городского населения, да и сами они были заинтересованы в рациональном функционировании городского хозяйства и должны были за свою работу отчитываться перед избирателями: «... никто не может так глубоко осознать недостатки деятельности местного самоуправления, как те, для которых и существует городское самоуправление, т.е. все местные жители»¹. Исследование результатов работы городского самоуправления прошлых лет — как положительных, так и отрицательных — позволит сегодняшним подобным

структурам, используя положительные практики городских властей прошлых поколений, избежать многих ошибок.

«Первые города появились около 3 500 лет до нашей эры. Если принять во внимание, что современный человек появился около 40 000 лет назад, то в городах люди живут меньше 10% времени своей истории»². В средние века на Руси сложилась объективная ситуация для зарождения первых городов, ставших местом производства и обращения товаров, а также защитой от врагов³. Немногим более 100 лет назад в России возникло «новое движение городской жизни»⁴, которое назвали муниципальным. М. В. Загоскин — известный общественный деятель, писатель — выдвинул три принципа устройства нового городского управления: оно должно соответствовать средствам и состоянию города, иметь простейшее устройство, а в нем необходимо участие большинства горожан⁵. Участие в городской жизни всех сословий должно было придать этому движению необходимую самостоятельность и освободить от излишнего административного контроля⁶.

Н. М. Ядринцев — писатель, инициатор сибирского областничества — считал, что местное общество интересуется только материальным достатком, а потребность в духовном развитии отсутствует, поэтому здесь нет развития общественной жизни⁷, а «общественное пробуждение» только начинается⁸. На собрании городской думы Иркутска еще в 1905 г. мнение большинства участников сводилось к тому, что основанием для дальнейшего развития страны должна стать реформа местного самоуправления на всей территории России. «При выборах соответствующих органов принципа всеобщего, равного, прямого и закрытого голосования; расширению их компетенции на всю область местного управления; обеспечению независимости от администрации»⁹. В архивах Тобольска хранятся документы, которым более века. Они свидетельствуют о том, что в то время быть в оппозиции, высказывать либеральные взгляды было модно, но как только на обсуждение выносился вопрос о прибыли, либеральные предложения иссякали и предприниматели-оппозиционеры меняли свои убеждения «как флюгера, где им выгоднее»¹⁰. Известно, что лучшие представители купечества активно занимались благотворительностью, делали значительные пожертвования на образование, культуру,

Есаулов Владимир Николаевич — кандидат экономических наук, доцент Юргинского технологического института (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет». E-mail: elaresy@mail.ru; *Лизунков Владислав Геннадьевич* — кандидат педагогических наук, доцент Юргинского технологического института (филиал) федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский политехнический университет». E-mail: vladeslave@rambler.ru.

Yesaulov Vladimir N. — PhD (Economics), associate professor at the Yurga Technological Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of higher education “National Research Tomsk Polytechnic University”. E-mail: elaresy@mail.ru; *Lizunkov Vladislav G.* — PhD (Pedagogics), associate professor of the Yurga Technological Institute (branch) of the Federal State Autonomous Educational Institution of higher education «National Research Tomsk Polytechnic University». E-mail: vladeslave@rambler.ru.

строительство школ, больниц, приютов и другие цели. Но если такой щедрый человек был избран главою городского управления или его членом, то, по словам декабриста Н. В. Басаргина, «он в ту же минуту забывает прежний свой быт и становится чиновником, со всеми дурными свойствами и, сверх того, без всякого знания дела»¹¹.

М. Вебер считал, что определение города многозначно, но главное, это — населенный пункт с близко расположенными домами, где жители заняты специализированным трудом и где есть рынок¹². Сосредоточение ремесел и торговли в городах Западной Европы началось уже в IX веке. Ученый сравнивал средневековые города с городами Западной Европы начала XX в. и находил достаточное количество совпадений: постоянное увеличение бюрократии, сменяемость демократий и правительств, наличие купечества, создание первых капиталистических предприятий. И сейчас, в начале XXI в., наблюдается то же самое: рост чиновников, смена правительств и демократий, создание благоприятных ситуаций для предпринимательства и торговли.

В социологии наиболее авторитетной считается «Чикагская школа социологии». Чикаго, являвшийся поселком с численностью населения 350 чел. в 1833 г., в 1890 г. был уже городом, в котором проживал 1,1 млн. человек. В город прибывали иммигранты, стремительно увеличивалась численность населения и за счет приезжавших из малонаселенных городков и сел. Чикаго познал все трудности быстро разрастающегося города: высокая плотность населения, катастрофическая нехватка доступного жилья, преступность, рост девиаций. В 1890 г. был основан знаменитый Чикагский университет, ученые которого на практическом материале и разработали социологическую концепцию городского развития.

М. Кастельс — современный основатель новой социологии города — считает, что его главная функция — экономическая. Здесь возобновляется рабочая сила, идет потребление товаров и услуг наемными рабочими и служащими. Для воспроизведения качественных трудовых ресурсов необходимы комфортное жилье, учреждения здравоохранения, культуры, образования, качественные и доступные продукты питания, домашняя техника и т. д. Подобные вложения не приносят капиталисту максимальной прибыли, и в то же время это делать необходимо для развития бизнеса. В этом и проявляется основное экономическое противоречие капитализма — стремление к максимизированию прибыли и потребность вкладывать средства в невысоко доходный бизнес¹³.

Недостаточность ресурсов для воспроизведения квалифицированной рабочей силы приводит к ухудшению жизни наемных работников, что вызывает социальную напряженность. В таких ситуациях необходимо вмешательство государства. Д. Харвей — американский социолог — пришел к выводу, что городское устройство активизирует капитал на поиск максимальной прибыли¹⁴. Французский социолог А. Лефевр определил, что городское развитие — это один из показателей капиталистической системы при производстве продукта¹⁵.

Научные работы Вебера, Кастельса, Лефевра, Харвея дали пояснения происходящим городским процессам и этим внесли неоценимый вклад в изучение социологии городской жизни.

Лидер «Чикагской школы социологии» Роберт Э. Парк называл социологию наукой о коллективном поведении. Поскольку цивилизация предполагает широкую кооперацию, то отдельному представителю общества необходимо определять свое место в узкой специализации. Продолжительность жизни отдельной личности значительно меньше, чем сообщества, к которому она принадлежит. И эта ситуация неизбежно приводит к конфликтам между необходимыми потребностями индивида и интересами общества ¹⁶.

А.Д. Градовский отмечал в своих сочинениях, что государственные интересы должны быть превыше всего, но задача государства состоит в обеспечении материального благополучия каждого гражданина страны ¹⁷. Городовое Положение 1870 г. А.А. Кизеветтер представлял значительным продвижением вперед в развитии общественного самоуправления, но «зависимость городского самоуправления от коронной администрации» осталась ¹⁸. Городовое положение 1892 г. увеличило «зависимость городского самоуправления от администрации» ¹⁹. Далее автор подчеркивает: «Ни в одну эпоху нашей истории устройство местного управления не обходилось без участия представителей самого местного населения», эта «самопомощь» применялась «на почве народного обычая, а не положительного закона» ²⁰.

Методология данного исследования основана на принципах научного историзма, с помощью которых деятельность городского самоуправления рассматривается в развитии, в динамике и с учетом исторических ситуаций конкретного времени. Используя принцип объективности, изучение данной темы проведено комплексно, с учетом взаимосвязи с другими событиями, происходящими в определенных условиях. Социальный подход позволил проанализировать влияние принимаемых решений органов городского самоуправления на различные социальные слои городского населения. Изучение закономерностей исторического развития дает ключ к пониманию современных явлений в обществе с опорой на опыт предыдущих поколений.

Исследования городского самоуправления, особенно местного, — недостаточно изученная тема. А. Д. Градовский считал, что такие житейские каждодневные нужды населения, как «поправки дороги, открытие сельской школы, открытие больниц, исправление общественных зданий» ²¹ относятся к вопросам местного самоуправления, а образование, соблюдение санитарных норм, вопросы продовольствия, охрана общественного порядка, государственная безопасность и другие важные задачи являются государственными делами.

Известный общественный деятель XIX в. А.А. Головачёв считал ошибкой взятый из прусского законодательства порядок выборов в городское управление, основанный на имущественном праве и несправедливый по сути, поскольку «городские средства будут тратиться исключительно в интересах достаточных классов, а нужды бедных будут совершенно забыты» ²².

Социальное управление представляет собой процесс влияния на общество, отдельные социальные группы и личности для упорядочения их деятельности, повышения в целом уровня организованности всей социальной системы. Б.Н. Чичерин считал, что самоуправление — это ор-

ган, объединяющий местное население общей заинтересованностью²³. У Н.И. Лазаревского самоуправление — это децентрализация государственного управления и создание условий взаимодействия местного государственного управления с жителями данной местности²⁴.

К 80-м гг. XIX в. в России фабрики активно перешли от применения ручного труда к использованию машин. В связи с этим началось стремительное увеличение городского населения за счет притока людей из деревень и сел. Согласно переписи 1897 г., численность городского населения составляла 9894 тыс. чел. или 15% от общей численности, по переписи 2010 г., его доля составила 74% (105 314 тыс. чел.)²⁵.

Для России характерно считать город дополнением, не наделенным самостоятельностью, зависящим от действующих предприятий: шахт, рудников, заводов и др. До 1970-х гг. присутствовала экстенсивная форма социального управления с принуждением, подчинением общества властным государственным структурам, уничтожением индивидуальной самостоятельности. Для интенсивной формы социального управления, развивающейся в настоящее время, характерно контролируемое развитие общества, когда проблемы местного значения находятся в ведении органов местного самоуправления.

В 1985 г. была принята «Европейская хартия местного самоуправления», которую подписала Россия, как член Совета Европы. В статье 3 этого документа написано: «Под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть государственных дел и управлять ею, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения»²⁶. Хартия, ратифицированная Федеральным законом № 55-ФЗ от 11.04.1998, является основой российского муниципального законодательства.

Местное самоуправление — это управление делами жителей данной местности в их интересах и в соответствии с законом. Одна из важных функций городского управления — координирование сборов налогов и распределение средств. Как и в начале зарождения процесса городского управления, приход во власть и сегодня в основном связан с возможностью принимать личное участие в продвижении решений, в которых заинтересован конкретный представитель городского управления. Методы управления городом, применяемые в конце XIX в., во многом похожи на современные технологии. Повышение результативности работы городского руководства напрямую зависит участия в нем лидеров всех социальных групп населения, проживающих в данной местности. В этом случае при принятии управленческих решений наиболее полно будут учитываться интересы местных жителей.

В советское время, как в довоенный период, так и во время войны, промышленные предприятия создавались на востоке страны или эвакуировались туда из европейской части. В основном населенные пункты создавались благодаря этим градообразующим предприятиям. В условиях развития рыночных отношений подобные предприятия из-за удаленности по своей экономической эффективности отставали от аналогичных предприятий, находящихся в более выгодных географических условиях. Поэтому они или закрывались, или сокращались, оставляя только наибо-

лее востребованные производства. Моногорода без государственной поддержки попали в критическую ситуацию.

Постановление Правительства РФ № 614 от 22.06.2015 «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» создало благоприятную экономическую ситуацию для диверсификации экономики городов, ухода от зависимости от обанкротившихся и нерентабельных градообразующих предприятий. Первые территории опережающего развития (ТОР) моногородов появились в 2016 г. со сроком реализации проекта — 10 лет. Пока в этом направлении сделаны первые шаги, и подводить какие-то итоги рано.

Характерно, что, с одной стороны, российским законодательством созданы условия для самостоятельной и эффективной работы городского управления в сфере использования муниципальной собственности, с другой стороны, отсутствие необходимых знаний у руководителей местного самоуправления приводит к дефициту муниципального бюджета.

В то же время в наиболее крупных городах, местное управление которых возглавляют профессионалы высокого уровня, достигается определенный успех. Согласно «Рейтингу городов — 2017» это, в первую очередь, Тюмень, Казань, Краснодар, Владивосток, Ярославль, Екатеринбург ²⁷.

Российская история местного самоуправления имеет древние истоки — вече на Руси (народные собрания), просуществовавшие в разном статусе с X по XVI век. Примером начала самоуправления является и крестьянская община, действовавшая в России с IX по XX в. вплоть до периода коллективизации.

Результаты исследования дополняют научные работы по проблемам исторического развития местного самоуправления, при этом прослеживается определенный исторически закреплённый порядок функционирования городского самоуправления и участия государства в его формировании. Горожанин получал возможность быть избранным в городскую думу, решать проблемы местного значения и быть ответственным за свои действия. Однако заимствованная прусская система местного самоуправления ограничивала участие представителей интеллигенции в управлении городским хозяйством, поскольку был высокий имущественный ценз, и избирательное право предоставлялось наиболее зажиточным горожанам, имеющим недвижимое имущество, облагаемое налогами ²⁸, к власти доступ имели «городские толстосумы и лавочники, ставящие интересы своего кармана превыше всего» ²⁹.

Тем не менее, в начале прошлого века в состав городского самоуправления стали входить представители интеллигенции: учителя, инженеры, врачи и другие образованные горожане. Развитие городского хозяйства нуждалось в таких квалифицированных специалистах. Поскольку города испытывали значительные финансовые трудности, активно велась работа по созданию и расширению муниципальных предприятий, а также выкупу у владельцев существующих предприятий в городское управление. Члены городского самоуправления хорошо знали проблемы своих территорий, им приходилось решать не только хозяйственные задачи, но также

социальные и культурные. Самоуправление не должно рассматриваться как поддержка каких-либо политических партий, у него другая цель и область функционирования при любом государственном устройстве.

При написании данной статьи впервые была сделана попытка детального изучения малоизвестных научных работ Д.Д. Семёнова «Городское самоуправление. Очерки и опыты», а также Гуго Линдемана «Пролетариат и городское хозяйство». Исследована специфика городского самоуправления на региональном уровне.

Деятельность городского самоуправления направлена на обеспечение главных и необходимых потребностей проживающих в данной местности и требует постоянного совершенствования, для этого необходимо иметь в достаточном объеме свои муниципальные финансовые и материальные ресурсы. Таким образом, муниципальная собственность является источником роста материального благополучия и коллективного потребления жителей конкретной территории.

Источник доходов городского самоуправления известный исследователь Семёнов видел в муниципализации городских предприятий. Согласно городскому положению 1870 г., руководство городскими предприятиями передавалось богатым представителям торгово-промышленной элиты, которые искали в городском хозяйстве возможность частного обогащения, а не заботу о нуждах горожан. Часто эти прибыльные предприятия и акционерные общества попадали в руки «вершителей судеб города». Автор называет «муниципализацию разных отраслей городского хозяйства» «одной из важнейших задач, поставленных современной жизнью», поскольку, когда возрастает финансовый поток в городскую казну, повышается качество обслуживания городского населения, максимально удовлетворяются его потребности при наименьших затратах ³⁰.

Для подтверждения необходимости муниципализации городского хозяйства Семёнов приводит пример эксплуатации конно-железных дорог в 1896 г. в Петербурге частным обществом, которое получило чистого дохода 850 тыс. руб., а в городскую кассу внесено, согласно смете, 130 тыс. руб., то есть городу досталось только 15% из почти миллионной прибыли ³¹. В конце XIX в. в Петербурге остро стоял вопрос об электрическом освещении и использовании электричества для технических целей. Дума не прислушалась к общественному мнению и передала частным компаниям право прокладки подземных кабелей для производства электрического освещения и отпуска электрической энергии для технических целей. В результате город, не имея собственных электрических станций, попал в полную зависимость от частного бизнеса. Такая же ситуация сложилась и с газовым освещением. В то время многие большие заграничные города выкупали газовые предприятия, при этом увеличивалось потребление газа, а цены понижались, становясь доступными для малоимущих слоев населения ³².

В области водоснабжения Петербурга действия городской думы были более последовательными. Плохое снабжение водой города частными компаниями заставило муниципалитет в 1890 г. выкупить водопроводы. Для этого пришлось брать заем и исправлять технические ошибки приобретенных водопроводов. И все-таки, даже при значительных и порой непредвиденных расходах, городская казна получила прибыль от этой

сделки. Понятно, что экономичнее для города было за свой счет построить водопроводы, а не выплачивать кредиты и не исправлять технические просчеты частных компаний. Рачительно подошла городская дума к вопросу создания скотобоен, построенных в 1882 году. Все затраты на этот объект окупились за 3 года³³. К муниципальному имуществу Петербурга того времени относились также рынки и телефонная сеть, приносившие значительные средства в городскую казну.

А.Г. Михайловский — современник Семёнова — считал, что когда в городское управление переходит снабжение продуктами, водой, благоустроенными квартирами, транспортом, доступными по цене точками питания, то это выгодно населению, так как муниципалитет не ставит задачу получения прибыли, а заботится об удобствах населения³⁴. Ученый подчеркивал, что главная задача городского самоуправления — это снижение цен. Он выражал уверенность, что городское управление и в будущем пойдет по пути муниципализации городского хозяйства, а это немало улучшит финансовое положение горожан, особенно малоимущих³⁵.

Препятствие для успешного городского хозяйствования Михайловский видел только в применяемой в то время избирательной системе. Важно, чтобы избирательные права имели «... все совершеннолетние граждане, без различия состояний, не исключая женщин. Тогда городское дело пойдет правильно... и жизнь в городах для всех будет дешевле, удобнее и счастливее»³⁶.

Спустя более 120 лет, еще в дореволюционной России, известные исследователи городского самоуправления пришли к выводу, что с переходом частных предприятий в руки городских управлений значительно улучшается положение городского населения, так как снижается оплата за коммунальные услуги, обеспечение водоснабжением, электроэнергией, углем, газом, дровами. При этом даже при снижении цен города получают доходы. Муниципалитет следит за качеством продаваемых продуктов, устраивает свои скотобойни. Частные пекарни не могут конкурировать с городскими, так как хлеб здесь лучшего качества. В Западной Европе в это же время за счет городских средств строятся дома с дешевыми квартирами, и чтобы не было перепродажи по более высокой цене, предусмотрено, что сначала эта квартира предлагается городу, который и покупает ее по своей цене. Также эти квартиры отдаются в наем. Этот хороший опыт исследователи предлагали применять в России еще в XIX веке.

Кроме этого городские управления заботятся о предоставлении «населению дешевого кредита, основывая ломбарды и ссудно-сберегательные кассы, устраивают кассы страхования жизни, выступают на борьбу с безработицей и т.д.»³⁷. Михайловский выражал уверенность, что в будущем обновится «устройство городского управления на справедливых основаниях»³⁸.

Известный специалист по городскому планированию начала XX в. И. Х. Озеров указывал, что городское управление должно быть «построено на принципах широкого самоуправления с хорошей организацией избирательного права»³⁹. В Москве с населением «в 1 млн. 200 тыс. лиц, имеющим право принимать участие в выборах, т.е. вершить судьбы города, в 1900 году было всего 7252 и из них воспользовались своим правом только 26,2%, т.е. значительно менее 2 тыс. В Германии явка избирателей

для участия в выборах 1898 года была 68,1%»⁴⁰, что говорит о меньшем административном контроле и большем представительстве имеющих право голоса на выборах. Таким образом, управление российскими городами в начале прошлого века имело свои недостатки: отражало интересы наиболее богатых горожан, средства городского бюджета не всегда тратились рационально, во многих городах вопрос муниципализации никогда не возникал.

Рождение муниципального самоуправления в Европе произошло на основе Хартии вольностей. В конце XIX в. муниципалитеты европейских городов вплотную занялись улучшением жилья для малообеспеченных сограждан, особенно в Германии, Швейцарии и Англии. Городское управление в Швейцарии было самым крупным собственником жилых домов. Плохие жилищные условия напрямую связывались с распространением эпидемий (тиф, скарлатина, холера, дифтерия, чахотка) и преступлениями⁴¹. Европейскими управлениями городов выкупались у частного бизнеса водопроводные системы и строились новые, при этом стоимость воды для населения снижалась. В Англии многие города имели собственные газовые предприятия, которые обеспечивали потребности населения. К XX в. в европейских, а также некоторых американских и азиатских странах муниципальное самоуправление в основном сложилось. В дальнейшем его совершенствование носило социальный характер. Главная проблема для всех стран — финансовое управление деятельностью муниципалитетов и сбор ими денежных средств. Отсюда можно сделать вывод, что основой местного бюджета является муниципальная собственность. Государство также обязано выделять органам местного самоуправления определенные средства, а каждый муниципалитет обязан самостоятельно составлять свой бюджет с учетом всех денежных поступлений — это основа муниципального управления.

Что же наблюдаем мы в городском управлении в XXI в., какие разумные прогрессивные мысли из прошлого, опережающие время, используются в настоящее время в городском самоуправлении.

Жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) оказывает следующие виды жилищных услуг:

- предоставление жилой площади;
- капитальный ремонт жилых помещений;
- техническое обслуживание жилых помещений;
- вывоз мусора;
- поддержание в исправности лифтового хозяйства.

Кроме того ЖКХ предоставляет коммунальные услуги:

- обеспечение электроэнергией;
- обеспечение холодной и горячей водой;
- газоснабжение;
- центральное отопление;
- канализация⁴².

При этом необходимо отметить, что сфера жилищных услуг существует в конкурентной среде, а коммунальные услуги относятся к локальным естественным монополиям. Обычно такие монополии имеют адресную направленность, от их услуг нельзя отказаться или заменить на что-то подобное, они действуют постоянно на определенной территории.

Основная проблема ЖКХ — рост износа жилищного фонда и объектов коммунального хозяйства, при этом до 30% объектов ЖКХ работает больше нормативного срока⁴³. Вследствие этого увеличиваются затраты на капитальный ремонт и на техническое обслуживание оборудования, коммуникаций, что ведет к росту цен и тарифов на услуги ЖКХ.

В показателях Росстата «Число муниципальных образований и муниципальных учреждений по Российской Федерации и по федеральным округам на 1 января 2010 года» числятся муниципальные унитарные предприятия, муниципальные банки и иные финансовые организации, а также муниципальные учреждения здравоохранения.

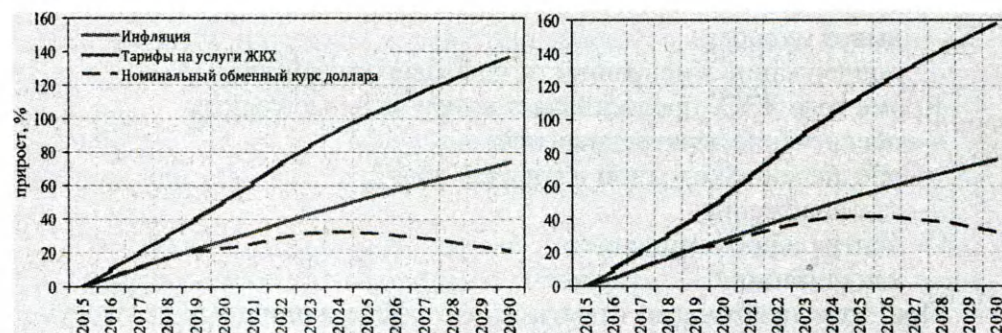
В отчетности «Характеристика муниципальных образований в субъектах Российской Федерации» за 2017 к муниципальным организациям отнесены только структуры образования, спорта и культуры.

Таблица 1. Стоимость жилищно-коммунальных услуг

	2000	2005	2010	2013	2014	2015
Стоимость жилищно-коммунальных услуг на человека в месяц, руб.	274,35	780,33	1530,02	1968,58	1837,38	1959,96
в том числе:						
жилищных	64,09	179,93	433,30	635,89	435,27	509,60
коммунальных	210,26	600,40	1096,72	1332,69	1402,11	1450,36

Федеральная служба государственной статистики. Жилищное хозяйство в России 2016 г., таблица 1.1. Основные социально-экономические показатели.

Как показывает отчетность Росстата, стоимость ЖКУ на человека в месяц за 15 лет увеличилась более чем в 7 раз⁴⁴. Согласно «Прогнозу долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года», разработанному Минэкономразвития, тарифы на услуги ЖКХ будут продолжать расти:

Федеральная служба государственной статистики.
Жилищное хозяйство в России 2016 г.
Рисунок 1. Инфляция и рост тарифов на услуги ЖКХ

Используя таблицу вышеназванного документа «Прогноз роста тарифов на товары (услуги)», можно определить, что по самому оптимистичному варианту ежегодный рост цен на услуги ЖКХ предполагается в 2016—2020 гг. на 7,4%⁴⁵. Таким образом, с 2000 по 2018 г. цены на услуги ЖКХ увеличились в 8,8 раза, в то время как инфляция за этот период составила 6,2 раза. Согласно приведенной диаграмме из этого документа, в дальнейшем ожидается еще больший разрыв между инфляцией и ростом тарифов ЖКХ, в том числе и по оптимистичному варианту⁴⁶.

В связи с этим встает вопрос о необходимости увеличения доходной части городского бюджета и максимально эффективном управлении общественной собственностью. Авторы убеждены, что если имущество обеспечивает комфортность проживания граждан данной местности, то оно должно входить в состав муниципальной собственности. Это не только структуры образования, спорта и культуры, но и объекты благоустройства, бытовых и коммунальных услуг, обеспечения безопасности и основ жизнедеятельности; жилой и нежилой фонд, здания, сооружения. В структуре этого имущества превалирует социальная направленность, которая постоянно требует материальных вложений. Эта ситуация сложилась в конце прошлого века, когда проходила реорганизация государственной собственности и в местных муниципалитетах в основном сосредотачивались неприбыльные объекты, а эффективные закреплялись за региональными и федеральными органами управления.

Различают три типа местного самоуправления. Тип первый — преобладание муниципальной собственности; используются в основном арендные отношения, при обязательном условии сбережения и увеличения собственности муниципалитета. Это характерно для Швейцарии, Канады, Финляндии. Тип второй — свободный рынок муниципальной собственности. Характерен привлечением инвестиций на строительство нежилых объектов с последующей приватизацией, что улучшает экономическое положение городов. Применяется эта схема в Греции, Испании, Франции, Португалии, на Кипре. Тип третий — смешанный. Применение отдельных компонентов, характерных для первых двух типов. Этот тип управления муниципальной собственностью применяется в Англии, Германии, Италии, США. Россия относится к третьему типу, при этом количество нежилых объектов снижается, а новые предприятия не строятся.

Повсеместный дефицит собственных средств российских муниципальных образований показывает низкую квалификацию в управлении муниципальной собственностью. Используя положительный зарубежный опыт, необходимо заинтересовывать потенциальных инвесторов в строительстве нежилых объектов, что приводит к росту муниципальной собственности, появлению новых рабочих мест, повышению материального благосостояния местного населения, увеличению доходной части городского бюджета.

К главным источникам финансирования муниципальных бюджетов относят местные займы, сборы, налоги, компенсации и рачительное использование объектов муниципального нежилого фонда, а также земли. Собственные доходы местных бюджетов в 2017 г. составили 55,6% от общего бюджета⁴⁷. Это говорит о значительных дотациях в муниципальные

бюджеты и о том, что доход от местных налогов в муниципалитетах значительно ниже поступлений от федеральных налогов.

Доходная часть муниципального бюджета может быть увеличена за счет повышения платежей за аренду, наряду с этим необходимо предусматривать при арендных соглашениях возможности решения проблем муниципального образования: расширение или усовершенствование арендуемых объектов недвижимости с включением потраченных средств в счет оплаты за аренду. В западноевропейских странах успешно работает схема SLB (sale&leaseback). Более 20% инвестиционных сделок проходят по этой схеме: продажа недвижимого имущества с возможностью его аренды бывшим собственником. SLB активно применяется и ЖКХ: в водоснабжении, водоочистке, а также при эксплуатации электростанций, трубопроводов, автодорог, мест массового отдыха и других важных инфраструктурных объектов. В Америке муниципалитетами также успешно апробирована эта форма: в конце прошлого века закупалось до 30% услуг по концессионным контрактам. В России применения SLB почти нет. Перспективно и государственно-муниципально-частное партнерство на долгосрочной основе по удовлетворению основных коллективных потребностей жителей данной местности: материальных, духовных, социальных.

Следует отметить, что сейчас, как и в XIX в., в городскую власть стремятся попасть предприниматели, чтобы продвигать свой бизнес. В такой ситуации очень важно не противопоставить их выгоду и благо города.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые исследовано историческое развитие городского самоуправления вплоть до сегодняшних дней и отмечено, что происходящий в XXI в. переход объектов городского хозяйства в частные руки, учеными, исследовавшими эту проблему в начале прошлого века, считался ошибочным⁴⁸.

Современный американский исследователь в области муниципального управления В. Остром подчеркивал, что человеческое общество учится «развивать способности к самоуправлению двояко, на жестком опыте истории и на опыте друг друга»⁴⁹. Для России это высказывание особенно актуально, поскольку опыт муниципального управления, накопленный за сотни лет, был потерян, забыт на пути социалистических перемен, а существующее местное самоуправление по советской модели было разрушено в 1993 году. Авторы считают, что необходимо вводить в современную практику городского самоуправления положительный опыт царского периода муниципального управления и мировой опыт с учетом национальной уникальности развития и традиций населения. Практическая реализация рекомендованных авторами мер позволит пополнить местный бюджет, а при квалифицированном управлении муниципальным образованием избежать дефицита средств.

Примечания

1. СЕМЁНОВ Д.Д. Городское самоуправление. Очерки и опыты. СПб. 1901, с. 101.
2. ВАГИН В.В. Городская социология. Учебное пособие для муниципальных управляющих. М. 2000, с. 7.
3. Там же, с. 15.
4. МИХАЙЛОВСКИЙ А.Г. Как лучше устроить городскую жизнь. М. 1906, с. 1.
5. ЗАГОСКИН М.В. Иркутские заседания для составления соображений об улучшении городского управления. — Акционер. 1863, № 2, с. 10.
6. НАРДОВА В.А. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в. Л. 1964, с. 17.
7. Литературный сборник: собрание научных и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке. СПб. 1885, с. 8.
8. ЯДРИНЦЕВ Н.М. Литературные и студенческие воспоминания сибиряка. — Восточное обозрение. 1884, № 26, 28 июня, с. 6.
9. ХАРУСЬ О.А. Либерализм в Сибири начала XX века: Идеология и политика. Томск. 1996, с. 125—126.
10. Государственный архив Тюменской области (ГАТО), ф. 152, оп. 29, д. 285, л. 22.
11. Мемуары декабристов. Южное общество. М. 1982, с. 118.
12. Weber, Max. Wirtschaft und Gesellschaft. Tübingen. 1922, S. 514—527.
13. CASTELL M. The Urban Question. A Marxist Approach. L. 1977, p. 456.
14. HARVEY D. Social Justice and the City. Basil Blackwell. Oxford. 1973.
15. LEFEBVRE H. La production de l'espace. L'Homme et la société. Fait partie d'un numéro thématique: Sociologie de la connaissance marxisme et anthropologie. 1974, N. 31—32, p. 15—32.
16. PARK R. The Urban Community as a Spatial Pattern and a Moral Order. 2006, vol. 5, No. 1, p. 11—18.
17. ГРАДОВСКИЙ А.Д. Собрание сочинений. Т. 2. История местного управления в России. СПб. 1899, с. 22—25.
18. КИЗЕВЕТТЕР А.А. Местное самоуправление в России IX— IX ст.: исторический очерк. 2-е изд. Пг. 1917, с. 116—117.
19. Там же, с. 116—117.
20. Там же.
21. ГРАДОВСКИЙ А.Д. Начала русского права: Органы местного самоуправления. Т. 9. Ч. 3. СПб. 1908, с. 7.
22. ГОЛОВАЧЁВ А.А. Десять лет реформ. 1861—1871. СПб. 1872, с. 227—228.
23. ЧИЧЕРИН Б.Н. О народном представительстве. М. 1899, с. 6.
24. ЛАЗАРЕВСКИЙ Н.И. Лекции по русскому государственному праву: Конституционное право. 2-е изд. СПб. 1910, с. 24.
25. Изменение численности населения России. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01—01_02.pdf.
26. Европейская хартия местного самоуправления от 15.10.1985. ETS № 122. URL: <https://www.admmegion.ru/gov/laws/detail.php?ID=44909>.
27. ВЕСЕЛОВ А., ЛЕЙБИН А. Рейтинг городов — 2017. — Русский репортер. 2017, № 7 (424). URL: http://expert.ru/russian_reporter/2017/07/rejting-gorodov—2017/.
28. Городовое положение 1892 года. СПб. 1910, ст. 24. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/grd1892.htm>.
29. ВАСИЛЬЧИКОВ А.В. О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Т. 1. СПб. 1872, с. 5.
30. СЕМЁНОВ Д.Д. Ук. соч., с. 275—279.
31. Там же, с. 284.
32. Там же, с. 292—294.
33. Там же, с. 294—295.
34. МИХАЙЛОВСКИЙ А.Г. Ук. соч., с. 1.
35. Там же, с. 16.
36. Там же, с. 31—32.
37. Там же, с. 25.
38. Там же, с. 27.

39. ОЗЕРОВ И.Х. Большие города, их задачи и средства управления. С 15 диаграммами (публичная лекция). М. 1906, с. 27.
40. Там же, с. 28.
41. МИХАЙЛОВСКИЙ А.Г. Ук. соч., с. 7—12.
42. РУТКАУСКАС Т.К. и др. Тенденции изменения цен и тарифов на жилищно-коммунальные услуги в современных условиях. — Экономика и управление в отраслях и сферах деятельности. 2014, № 4 (10), с. 35.
43. СПИРИНА Л.И. Анализ основных проблем в сфере жилищно-коммунальных услуг республики Башкортостан. — Российское предпринимательство. 2012, № 16 (214), с. 83—87.
44. Жилищное хозяйство в России. 2016: Статистический сборник. М. 2016, с. 63.
45. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития российской федерации на период до 2030 года. М. 2013, с. 144.
46. Там же, с. 143.
47. Министерство финансов Российской Федерации. Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2017 год. Документ от 29.06.2018.
48. МИХАЙЛОВСКИЙ А.Г. Ук. соч., с. 2—4.
49. ОСТРОМ В. Смысл американского федерализма. Что такое самоуправляющееся общество. М. 1993, с. 293.

Русскоязычное образование в Азербайджане вчера и сегодня: возможности и перспективы

Г.А. Алиева

Аннотация. Публикация посвящена внедрению русскоязычной системы образования в Северном Азербайджане после его присоединения в начале XIX в. к Царской России и последующему ее развитию. Отмечается, что русские школы всегда были неотъемлемой частью национальной образовательной системы Азербайджана.

Ключевые слова: Северный Азербайджан, Российская империя, реформы, образование, народ, школа, русскоязычная система.

Abstract The publication is dedicated to introduction of Russian language education system in the Northern Azerbaijan after its annexation by the Tsarist Russia in early XIX century and the development processes that followed. Russian schools always constituted an organic component of the national educational system of Azerbaijan.

Key words: Northern Azerbaijan, Russian Empire, reforms, education, people, school, Russian language system.

В начале XIX в. после заключения Гюлюстанского и Туркменчайского договоров Южный Азербайджан был присоединен к Ирану, а Северный Азербайджан перешел в ведомство Российской империи. На территории, присоединенной к России, в течении короткого времени произошли коренные изменения. Царское правительство начало проводить реформы во многих сферах, в том числе в образовании. Ему нужны были, в первую очередь, владеющие русским языком местные кадры. Именно им предстояло сыграть роль моста между русскими и местным населением. Кроме того, для детей приехавших в Азербайджан русских чиновников нужны были русскоязычные школы. В связи с этим адмирал Мординов писал: «Для того, чтобы воздействовать на традиции местного населения, а также, чтобы привить наши традиции и обряды им, целесообразно было бы открыть школы нашего типа в их городах. И эти школы нужно организовать так, чтобы местное население видело бы в них свои традиции и обычаи, свое законодательство»¹.

Алиева Гюлара Алван кызы — доктор философии по истории, старший преподаватель Гянджинского государственного университета. E-mail: gularaalvan@gmail.com.

Aliyeva Gulara A. — PhD (History), senior lecturer at the Ganja State University. E-mail: gularaalvan@gmail.com.

В начале XIX в. в Северном Азербайджане основными образовательными учреждениями являлись традиционные национально-религиозные школы (мектебе), которые функционировали при всех мечетях, и университеты (медресе) — имевшиеся только при больших мечетях. Обучение велось обычно группами, состоявшими в мектебах из 4—6 учеников, а в медресе — из 10—15. В школах образование, как правило, получали мальчики, девочки были лишены этого права, за исключением представительниц зажиточных семей, которые обычно обучались дома. Только в Баку в начале XIX столетия существовали две небольшие школы для девочек. Мулла выступал в роли учителя в школе, которая, как правило, находилась в его ведении. Там он обычно сидел среди учеников, а в медресе располагался на кафедре. Рядом с ним размещались его помощники, доводившие до студентов слова педагога и отвечавшие на их вопросы. Отдельные медресе находились на обеспечении крупных религиозных организаций².

Обучение в школах подобного типа начиналось с заучивания арабской письменности и Корана. Выучившего Коран наизусть называли хафизом. После этого приступали к изучению персидского языка, исламского права, истории ислама. Также здесь преподавались светские науки (философия, арифметика, астрономия, астрология и др.). Следует отметить, что в этих учебных заведениях порой применялись телесные наказания. Окончившие школу ехали в ведущие университеты Шемахи, Гянджи, Тебриза и Багдада. Уже в начале XIX в., после реализации русскоязычной системы образования, эти учебные заведения стали европеизироваться.

Первым шагом на пути реформы местного образования стала организация русскоязычных учебных заведений — уездных, начальных и школ для девочек. С этой целью был подготовлен проект специального положения. Этот документ составил командующий русскими войсками на Кавказе, главный начальник Кавказа граф Паскевич по инициативе военного губернатора Тбилиси, а также попечителя Кавказа в области образования³. Уже 5 августа 1829 г. Николай I одобрил его и подписал⁴. Согласно положению, в уездные школы могли поступать дети из вольных семей, преподавание велось на русском и азербайджанском языках по программе, принятой в христианской России (28-я статья)⁵. Таким образом, уже в декабре 1830 г. в Шуше⁶, 17 января 1832 г. в Баку⁷, 18 февраля 1833 г. в Елизаветполе⁸, в 1837 г. в Дербенте⁹, 15 марта 1837 г. в Нахичеване¹⁰, 20 мая 1838 г. в Шемахе¹¹ были учреждены уездные школы.

На тот период времени царское правительство также вело активную деятельность в сфере учреждения государственных мусульманских школ. Программа обучения в них была более близкой к традициям, принятым в мектебах, а оснащение и методика преподавания куда более современными. Срок обучения здесь составлял 6 лет — по два года на курс. Выпускники этого училища имели право поступления в гимназию. Уже 18 апреля 1847 г. был утвержден устав школы для мусульманских шитов¹², которая открылась 12 декабря в Тбилиси¹³. Сунниты, узнав об этом, попросили учредить и для них школу такого же типа¹⁴. Именно поэтому 10 мая 1848 г. был утвержден устав суннитских школ¹⁵. 10 апреля 1849 г. в Елизаветполе, 23 апреля в Шуше, потом в Баку открылись первые шиитские мусульманские государственные школы, 2 мая в Ше-

махе были учреждены шиитская и суннитская государственные школы, впоследствии суннитские школы начали действовать в Ленкоране, Нухе, Закалате и Дербенте ¹⁶.

Уже в 1874 г. Шушинская и Шемахинская, в 1877 г. Нухинская, в 1879 г. Нахичеванская, в 1884 г. Елизаветпольская уездные школы преобразовались в одно-, двух- и трехклассные городские школы. В 1897 г. количество подобных школ достигло 8, в 1902 г. их стало уже 10 (в этот период в Баку и Шуше было по две такие школы, в Елизаветполе, Шемахе, Закалате, Нахичеване и Ордубаде — по одной). В течении первого десятилетия XX в. были учреждены городские школы в Ленкоране, Губе и Сабунчинском районе города Баку. В 1912 г. эти учебные заведения были переименованы в высшие начальные школы. В 1914—1915 учебном году их количество достигло 18. В целом, следует отметить, что политика царского правительства в области просвещения на практике способствовала подготовке грамотных учителей и чиновников ¹⁷.

В последней четверти XIX столетия развивающаяся капиталистическая экономика ощущала потребность в квалифицированных рабочих, образованных специалистах, которые могли бы грамотно использовать технику в отдельных областях промышленности, рационально развивать сельское хозяйство и управлять новыми видами транспорта. Этот вопрос волновал не только правительство, но и национальную буржуазию. Все это сподвигло правительство в 80-х гг. XIX в. увеличить количество общеобразовательных и профессиональных школ, а также повысить уровень образования в действующих учебных заведениях.

27 октября 1896 г. в Мардакане по инициативе представителя местной буржуазии Г.З. Тагиева была открыта школа садоводства ¹⁸. В 1899 г. очередное учебное заведение такого типа было учреждено в Кубе ¹⁹. 1 сентября 1904 г. начала функционировать школа садоводства в одном из древних городов региона Дербенте ²⁰. Уже к концу XIX столетия функционировали сельскохозяйственные школы в Баку и Елизаветполе. Они готовили низкоквалифицированные кадры для таких отраслей, как скотоводство, садоводство, шелководство и т.д. Специализированные школы в конце XIX — начале XX в. были сосредоточены в основном в Баку.

В конце XIX столетия стали учреждаться одно- и двухклассные железнодорожные школы. В 1887 г. одноклассные железнодорожные учебные заведения начали функционировать в Елизаветполе ²¹, 23 сентября 1896 г. — в Гаджигабуле ²², 21 января 1901 г. — в Акстафе ²³. Обычно в этих школах девочки и мальчики обучались отдельно. В основном их посещали девочки из приехавших сюда русских семей. 14 октября 1901 г. в Баку была открыта первая торговая школа ²⁴.

В 80-х гг. XIX в. в одном из самых больших портов Каспийского моря — Баку — значительно расширилось судоходство. Уже в 1881 г. в городе был организован отдельный мореходный класс, ставший первым профессиональным учебным заведением Северного Азербайджана, в 1902 г. он был преобразован в среднюю мореходную школу, которая готовила специалистов дальнего плавания. Здесь обучалось 87 студентов ²⁵.

В этот период в Северном Азербайджане для содействия развитию ковроткачества и других видов народного творчества была организована комиссия с целью создания школ художественного искусства. Было ре-

шено учредить учебные заведения четырех типов. В 1910 г. впервые на территории Российской империи в Бакинской среднетехнической школе были открыты кузнечная мастерская, а также мастерская по нанесению эмали. Они опирались на богатые традиции прикладного искусства Азербайджана ²⁶. В 1912—1913 учебном году в Бакинской среднетехнической школе наряду с курсами техников были организованы курсы художников ²⁷.

С 1880 г. при Шушинской городской школе, а с 1882 г. при Нухинской городской школе начали функционировать музыкальные классы. Уже в конце XIX в. в 42-х деревнях Елизаветпольской губернии пение преподавали как отдельный предмет. В 1896 г. в Баку Е. А. Ермолаевой была основана первая музыкальная школа ²⁸.

Очередным мероприятием царской России на пути реализации идеи русскоязычного образования стала организация русско-татарских школ нового типа. 27 сентября 1887 г. было дано разрешение на открытие в Баку первого подобного русско-азербайджанского учебного заведения нового типа. Его организаторами стали выпускники Александрийского учительского института Г. Махмудбеков и С. Ганизаде. В течении короткого времени школа приобрела большую популярность среди населения. Русско-татарские учебные заведения отличались от других школ империи ²⁹.

В 1891 г. 150 человек обратилось в Бакинскую городскую Думу с просьбой увеличить количество русско-татарских школ и перевести их на государственный бюджет. Они хотели, чтобы Дума организовала за счет казны открытие трех новых русско-татарских учебных заведений. В результате был издан указ об учреждении в сентябре 1891 г. в Байршехире двух, а в 1892 г. в Ичеришехире второй русско-татарских школ. После Баку такие учебные заведения начали функционировать: в 1894 г. — в Нахичевани, в 1901 г. — в районе Багбанлар г. Гянджи, в 1911 г. — в Ленкорани и в деревне Маштага ³⁰.

Следует отметить тот факт, что в Баку в таких русско-татарских школах могли обучаться и девочки. Таким образом, были организованы: в 1909 г. первая, в 1910 г. вторая и третья, в 1916 г. четвертая русско-татарские школы для девочек ³¹. Уже в 1898 г. в Баку начала функционировать первая неполная среднеобразовательная школа. В 1901 г. в городе Эривани было учреждено русско-татарское учебное заведение. Следует отметить, что в 1914 г. в Баку действовало 12 русско-азербайджанских школ, где обучалось 2546 чел. (в 4-х из них обучались девочки). Учебные заведения подобного типа функционировали в Елизаветполе, Нухе, Шуше, Нахичевани и Шемахе. В целом во всем Северном Азербайджане их было свыше 25 ³². Эти учебные заведения несомненно сыграли положительную роль в распространении знаний и подготовке высококвалифицированных кадров.

Увеличение в Южном Кавказе количества русскоязычных общеобразовательных школ сподвигло правительственные круги вплотную заняться вопросом подготовки для них учительских кадров. Уже 12 сентября 1876 г. начала свою деятельность Южно-Кавказская учительская семинария, сыгравшая огромную роль в подготовке учителей для начальных, а также русско-азербайджанских школ ³³.

В 1879 г. была учреждена Азербайджанская секция этой семинарии. В списке первых ее учеников, отобранных первым руководителем этой секции А. Черняевским, были Фиридун бек Кечерли, Сафарали бек Велибеков, Рашид бек Ефендиев, Махмуд бек Махмудбеков и другие. Следует отметить, что именно они впоследствии внесли значительный вклад в развитии просвещения в Азербайджане ³⁴.

Наряду с этим, в 1881 г. в центре Западного Азербайджана Эривани была основана Эриванская семинария, состоявшая из трех секций: русской, армянской и азербайджанской ³⁵.

В результате деятельности этих семинарий примерно за пятьдесят лет (до 1920-го г.) ее окончили 262 чел., из них 185 чел. — Горийскую семинарию, 63 чел. — Эриванскую семинарию, 13 чел. — Тбилисский учительский институт, 1 чел. — Северо-Кавказскую семинарию. Впоследствии эти выпускники не только внесли огромный вклад в дело просвещения азербайджанского народа, но и сыграли важную роль в формировании и развитии его национального самосознания.

В 1865 г. в Баку на основе четырехклассной высшей начальной школы была учреждена реальная прогимназия. Именно этим была заложена основа светской средней школы в Северном Азербайджане. В 1874 г. Бакинская реальная гимназия превратилась в реальную школу, где процесс обучения составлял 6 лет. Вместо 7-го класса было учреждено специальное химико-техническое отделение ³⁶.

20 марта 1874 г. было принято решение выделить из городских средств на открытие прогимназии в Шуше 5 тыс. рублей ³⁷. Уже в декабре 1881 г. Государственный Совет учредил в Шуше реальную школу, состоявшую из 6 классов. Ее официальное открытие состоялось 20 сентября 1882 года ³⁸. Дербентская реальная школа начала функционировать в конце XIX столетия ³⁹. В 1906 г. реальная школа впервые открылась в Шемахе ⁴⁰. Алфавитный класс для мусульманских детей на базе Бакинской реальной школы был утвержден в 1908 году. В Бакинском нефтепромышленном районе в деревне Балаханы в 1911 г. местной общиной была открыта специальная реальная школа ⁴¹.

К концу XIX столетия потребность в среднем образовании начала ощущаться и в Баку. Она обусловила учреждение здесь прогимназии. В 1897 г. учитель И. А. Лавров открыл специальную 4-классную школу, курс обучения в которой соответствовал курсу прогимназии ⁴².

Учитель Бакинской реальной школы А. Н. Победоносцев 14 сентября 1891 г. добился открытия за счет городских средств специальной школы I степени. Курс обучения в ней соответствовал курсу 6-классной гимназии ⁴³. Бакинская классическая гимназия для мальчиков, названная в честь императора Александра III, была организована 1 сентября 1896 г. на основе специальной прогимназии Победоносцева. В 1874 г. на базе школы для девочек «Святой Нины» была основана первая гимназия для девочек ⁴⁴. В 1903 г. на основе специальной школы для девочек Софии Валдини I степени была учреждена II Бакинская гимназия для девочек. Бакинская девичья гимназия О. Д. Зотикова, начавшая функционировать в 1906 г. как реальная школа, в 1913 г. получила статус гимназии ⁴⁵. Уездная школа, открывшаяся в Елизаветполе в 1830 г., с 1 июля 1870 г. была преобразована в 4-классную прогимназию ⁴⁶. 16 марта 1881 г. император

дал разрешение на открытие Елизаветпольской гимназии. Именно после этого прогимназия получила статус 8-классной гимназии. Учебное заведение начало функционировать с 31 марта ⁴⁷.

Елизаветпольская школа «Святой Нины», учрежденная в 1884 г., с 1889 г. продолжила свою деятельность как прогимназия. Это учебное заведение, функционировавшее в течении трех лет как прогимназия, с 1902 г. преобразовалось в гимназию для девочек ⁴⁸. В 1868 г. на базе Эриванской уездной школы была учреждена прогимназия, а через год рядом с ней был построен пансион для 20 девочек ⁴⁹. В основанную в Эривани гимназию в 1884 г. поступила 91 девочка ⁵⁰.

В 1881 г. в самом северном городе Азербайджана Дербенте была учреждена 4-классная мужская гимназия ⁵¹. Дербентская прогимназия для девочек открылась в 1900 году. В 1910 г. в Ленкорани начала функционировать прогимназия ⁵².

Царское правительство посредством европейско-русской школьной системы преследовало цель постепенного распространения образования в регионе. В результате в XIX столетии в Северном Азербайджане начала развиваться система образования европейского типа. Нельзя не отметить тот факт, что открытие прогимназий, гимназий и реальных школ сыграло в истории просвещения азербайджанского народа незаменимую роль.

В дело распространения образования в Северном Азербайджане внесла огромный вклад местная интеллигенция. Такие личности, как просветитель-педагог Гасан бек Зардаби, общественный деятель Нариман Нариманов, поэт Мирза Алекбер Сабир, известный учитель Махмудбек Махмудбеков, педагог и писатель Султан Меджид Ганизаде, просветители Рашид бек Ефендиев, Фиридун бек Кечерли, Аббас Сахат, Узеир бек Гаджибеков, писатель-драматург Джалил Маммедкулизаде и др. сыграли огромную роль в организации школ на родном языке, расширении сети русско-татарских школ, распространении русскоязычного образования, в подготовке учителей, одинаково хорошо владеющих обоими языками. Они считали неудовлетворительной деятельность консервативных школ, опиравшихся на старые традиции медресе. Именно благодаря им русскоязычные учебные заведения смогли заслужить доверие местного населения.

В начале XX в. Баку превратился в один из крупных промышленных и экономических центров России. Развитие нефтяной промышленности, судостроительства, торговли, а также увеличение потребности в сельскохозяйственной продукции, особенно в хлопке и шелке, привело к тому, что наряду с Баку, в Елизаветполе, Нухе, Шуше и в других городах были основаны предприятия легкой и пищевой промышленности. В результате в отдельных областях промышленности начала ощущаться нехватка образованных, квалифицированных специалистов. Именно это побудило Российскую империю повысить уровень русскоязычного образования в провинциях, а также уделить внимание подготовке местных кадров. В результате в регионе резко увеличилась сеть русскоязычных школ, а также возросло число учащихся в них.

Представители местной буржуазии сыграли немаловажную роль в развитии национального образования и просвещении народа. Среди них следует особо отметить крупного нефтепромышленника и благотворителя Г.З. Тагиева. Требовалось огромное мужество, чтобы в тех усло-

виях сказать, что «народ, у которого матери безграмотны — слеп», и преодолев неисчислимое количество препятствий, открыть женскую школу, которая начала свою деятельность в Баку в 1902 году. В начале XX в. учреждение в городе русско-азербайджанского учебного заведения для девочек-азербайджанок стало знаменательным событием⁵³. Впоследствии многие выпускницы этой школы составили передовой отряд женской интеллигенции Азербайджана, посвятили свою жизнь развитию просвещения и культуры.

Очередным шагом на пути внедрения Российской империей русскоязычной системы образования стало учреждение семинарий. Уже 5 ноября 1914 г. в Елизаветполе, в ноябре 1916 г. в Баку были основаны Учительские семинарии⁵⁴.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. русскоязычная система образования сыграла очень важную роль в развитии народного просвещения этого региона. Азербайджанская молодежь посредством русского языка получила доступ к русской культуре, русской печати. Среди молодого образованного поколения получили распространение национально-освободительные идеи. Бушевавшая в Российской империи революция не обошла стороной и Азербайджан.

После основания Азербайджанской Демократической республики 28 мая 1918 г. Правительство приступило к национализации учебных заведений. Однако в первое время полностью реализовать этот процесс не удалось. Поэтому, значительное количество школ, с объявлением в них азербайджанского языка обязательным предметом, продолжало функционировать на русском языке. Следует также отметить, что в основанном 15 ноября 1919 г. и известном на сегодняшний день как Бакинский государственный университет первом высшем учебном заведении Азербайджана на момент его открытия ощущалась резкая нехватка местных кадров, владеющих азербайджанским языком. Поэтому университет начал свою деятельность на русском языке. На первое время сюда были приглашены учителя Южно-Кавказского университета: В.И. Разумовский (ректор), И.И. Широкогоров, А.М. Левин, Н.А. Дубровский и другие⁵⁵.

В 1920 г. после установления в Азербайджане советской власти русский язык не утратил свою значимость, а наоборот поднялся до уровня государственного языка. Доминирование русского языка в республике привело к тому, что сформировалось целое поколение русскоязычных кадров, значительная часть литературы стала издаваться на этом языке. Обучение на нем считалось престижным и качественным.

В 1991 г. Азербайджан объявил свою независимость. После этого во всех сферах сотрудничества между Россией и Азербайджаном наступил качественно новый период. В настоящее время русский язык не имеет официального статуса в республике, но продолжает активно использоваться в повседневной жизни местных жителей.

По данным Министерства образования Азербайджана, в настоящее время в республике действуют 16 школ, где обучение ведется только на русском языке, кроме того, в 330 средних школах и в 18 высших учебных заведениях наряду с азербайджанским используется и русский язык. Согласно последним данным, количество людей, которые в республике изучают русский язык, превышает 100 тыс. человек. Порядка 17 тыс. сту-

дентов по всей стране получают образование на русском языке при государственной поддержке, также свыше трех тысяч студентов обучается за свой счет. Из высших учебных заведений, действующих на территории Азербайджана, стоит отметить такие, как Бакинский славянский университет, филиалы российских вузов: Академии права и управления, Южно-Российского гуманитарного института, Московского государственного открытого университета, Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права, Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и другие.

В 1998 г. русский язык в школах с азербайджанским языком обучения стал изучаться как иностранный, с 2002 г. как факультативный предмет. В 2010—2011 учебном году в 50 школах с преподаванием на азербайджанском языке изучение русского языка стало вновь обязательным для учащихся 1—5 классов с перспективой превращения этого предмета в обязательную дисциплину в старших классах⁵⁶. В настоящее время в стране действует Ассоциация преподавателей русскоязычных учебных заведений Азербайджана.

По данным Министерства образования республики, в Азербайджане популярность образования на русском языке, несколько спавшая после распада СССР, в последние годы резко возросла. Например, в 2015—2016 учебном году в первые классы с обучением на русском языке общеобразовательных школ было принято 7080 учеников (377 классов), в минувшем году их число достигло отметки 10 255 чел. (469 классов), а в 2018 г. дошло до отметки 11 106 чел. (480 классов)⁵⁷.

Большинство родителей, отмечают, что отдают своих детей в русские школы вовсе не с той целью, чтобы они потом уехали из республики. Они уверены, что в Азербайджане достаточно возможностей для того, чтобы выпускники русских школ продолжили здесь свое образование, а затем трудоустроились. Следует отметить, что при поддержке государства во всех государственных вузах Азербайджана действуют русские отделения, а одним из самых престижных вузов, дающих русскоязычное образование, является Бакинский филиал Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

В настоящее время связи между двумя государствами во многих сферах общественной и политической жизни, в том числе и в культурной, успешно развиваются.

Примечания

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК), т. 5, док. 1068, с. 952.
2. История Азербайджана, в VII томах. Т. IV. Баку. 2000.
3. АКАК, т. 7, док. 73, с. 66.
4. Высочайшее утвержденное положение о Закавказских училищах. Полное Собрание Законов Российской империи (ПСЗ РИ). 1829, с. 3060.
5. АКАК, т. 7, док. 73, с. 66.
6. Государственный исторический архив Грузинской Республики (ГИА ГР), ф. 423, оп. 1, д. 32, л. 1.
7. АХМЕДОВ Г. М. Азербайджанская школа XIX века. Баку. 2006, с. 282.

8. ЕВЕЦКИЙ О.С. Статистические описания Закавказского края. СПб. 1836, с. 97.
9. Кавказский календарь на 1846 г. Отд. 2. Тифлис. 1845, с. 145.
10. МАГЕРРАМОВ З.Г. Школьное дело и просвещение в Эривани (в 1800—1920 гг.: литературно-культурная среда). Баку. 2010, с. 57.
11. Государственный исторический архив Азербайджанской республики (ГИА АР), ф. 845, оп. 4, д. 7, л. 21.
12. АКАК, т. 10, док. 107, с. 130.
13. Там же, док. 484, с. 857.
14. Там же, т. 8, док. 249, с. 336
15. Кавказский календарь на 1851 г. Отд. 3. Тифлис. 1850, с. 307.
16. АКАК, т. 11, док. 735.
17. Там же, т. 8, док. 249, с. 456.
18. АХМЕДОВ Г.М. Ук. соч.
19. ГИА АР, ф. 58, оп. 1, д. 21
20. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) РФ в Санкт-Петербурге, ф. 40, оп. 1, д. 29, л. 145—146.
21. ГИА ГР, ф. 423, оп. 1, д. 32, л. 45.
22. Там же, ф. 422, оп. 1, д. 6282, л. 10.
23. АХМЕДОВ Г.М. Ук. соч., с. 142.
24. ГИА ГР, ф. 423, оп. 1, д. 32, л. 99.
25. ЦГИА РФ в Санкт-Петербурге, ф. 40, оп. 1, д. 29, л. 100—101.
26. Каспий. 20 января 1900 г., № 11.
27. ДЕМЬИН И. Бакинское средне-техническое училище. Исторический очерк. Баку. 1913, с. 60.
28. История Азербайджана, т. IV.
29. МАМЕДОВ Х.Г. Султан Меджид Ганизаде. Баку, 1983.
30. ГИА АР, ф. 309, оп. 2, д. 944, л. 10.
31. Там же.
32. Там же.
33. СЕЙИДОВ Ф. А. Горийская семинария и ее выпускники. Баку. 1988, с. 7.
34. НАБИЕВ Б. А. Фиридун бек Кечерли. Баку. 1984, с. 145.
35. ЦГИА РФ в Санкт-Петербурге, ф. 1268, оп. 25, д. 25.
36. Циркуляр по управлению КУО. 1891, № 11, с. 758.
37. Там же 1874, № 2, с. 24.
38. ЦГИА РФ в Санкт-Петербурге, ф. 1268, оп. 25, д. 150, л. 190.
39. Отчет о состоянии учебных заведений Кавказского округа за 1906—1907 учебный год. Тифлис. 1908, с. 25—42.
40. Там же, с. 25—42.
41. РУДОЛЬФ Н. Ф. Обзор деятельности Кавказского учебного округа 1908—1912 гг. Тифлис. 1914, с. 81.
42. АХМЕДОВ Г.М. Ук. соч., 2006, с. 195.
43. Циркуляр по управлению КУО. 1891, № 11, с. 786.
44. История Азербайджана, т. IV, с. 329.
45. РУДОЛЬФ Н. Ф. Ук. соч., с. 79.
46. ЦГИА РФ в Санкт-Петербурге, ф. 1268, оп. 25, д. 25, л. 12.
47. Там же, л. 13.
48. ГИА АР, ф. 312, оп. 1, д. 279.
49. МАГЕРРАМОВ З.Г. Ук. соч., с. 46.
50. Там же, с. 55—56.
51. ЦГИА РФ в Санкт-Петербурге, ф. 1268, оп. 25, д. 190, л. 3—14.
52. РУДОЛЬФ Н. Ф. Ук. соч.
53. Каспий. 18 ноября 1903 г., № 218.
54. ГИА АР, ф. 312, оп. 1, д. 279.
55. АТАКИШИЕВ А.М. История Бакинского Государственного Университета. Баку. 1991.
56. <https://Rusputnik.Az/Science/20180726/416371388/Russkij-Sektor-Obrazovanie-Azerbaijan.Html>.
57. Там же.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

Ипполитов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, преподаватель Многопрофильного колледжа Тамбовского государственного технического университета. E-mail: vladimir.ippolitov@mail.ru; *Слезин Анатолий Анатольевич* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Тамбовского государственного технического университета, E-mail: anatoly.slezin@yandex.ru.

Ippolitov Vladimir A. — candidate of historical sciences, teacher of Multidisciplinary College TSTU. E-mail: vladimir.ippolitov@mail.ru; *Slezin Anatoly A.* — doctor of historical sciences, professor, head of the Department of the Tambov State Technical University, E-mail: anatoly.slezin@yandex.ru.

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201909Statyi08 ББК 63. 3 (0) 61 / УДК 94(47).084.6

Механизм привлечения комсомольцев к участию в сплошной коллективизации сельского хозяйства

В. А. Ипполитов, А. А. Слезин

Аннотация. В публикации показано, что подвергаясь наиболее сильному воздействию коммунистической индоктринации на рубеже 1920—1930-х гг., молодежь была объективно вынуждена вступить в борьбу за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства. Выявлены конкретные механизмы привлечения комсомольцев к активному участию в сплошной коллективизации сельского хозяйства на ее начальном этапе. Доказано, что настойчивая пропаганда сочеталась с широким применением административных методов. В то же время изученные архивные материалы свидетельствуют, что комсомол не был монолитной организацией, имело место массовое сопротивление комсомольцев политике насильственной коллективизации.

Ключевые слова: крестьянство, коллективизация, комсомол, насилие, протесты, настроения.

Abstract. The publication shows that, under the strong influence of Communist indoctrination at the turn of the 1920—1930s, the youth had to join the struggle for socialist reconstruction of agriculture. Specific mechanisms to involve Komsomol members in active participation in the initial stage of collectivization campaign are identified. It is proved that insistent propaganda was widely used along with the administrative methods. At the same time analyzed archival materials testify that Komsomol was not monolithic organization, there were frequent cases of Komsomol members' resistance to the policy of entire collectivization.

Key words: peasantry, collectivization, Komsomol, violence, protests, moods.

В СССР, как правило, подавали участие комсомола в коллективизации как череду успехов и побед. Ошибки комсомольцев оценивались как незначительные, объяснялись их неопытностью. В XXI в. появились новые подходы к изучению проблемы. Доказано, что «перегибы» являлись сознательной, навязанной сверху политикой. Причем опубликованы исследования, посвященные как региональным организациям¹, так и союзу

молодежи в целом ². Но следует отметить, что многие аспекты изучены недостаточно, особенно важно, на наш взгляд, проследить механизм вовлечения рядовых комсомольцев в процесс коллективизации, стиль их деятельности и сопротивление ее проведению.

Хотя еще в 1927 г. руководство ВКП(б) декларировало «постепенный переход распыленных крестьянских хозяйств на рельсы крупного производства» ³, массового вступления крестьянства в колхозы долгое время не наблюдалось. По данным на начало октября 1929 г., в колхозы вступило не более 7,5% крестьянских хозяйств страны. В ряде регионов показатель был значительно ниже: в Белоруссии — 5%, в Ивановской области — 3%, в Западной области — 2,6% ⁴.

В ноябре 1929 г. был провозглашен лозунг ускорения темпов коллективизации. Партийное руководство вновь сделало ставку на противопоставление «кулакам» бедняков и батраков. Причем в «кулаки» фактически записывали всех противников коллективизации.

Беднякам импонировала идея быстрого достижения социального равенства. При этом они рассчитывали получить часть имущества репрессированных крестьян. Именно с ними комсомольцы вели особенно широкую разъяснительную работу. Многие недавно выделившиеся комсомольцы-домохозяева также относились к бедноте. Членами союза организовывались многочисленные митинги, слеты, беседы, встречи и т.д. Часто под влиянием пропаганды беднота активно вступала в коллективные хозяйства. Так, в Ржевском округе комсомольцы организовали колхоз, куда вошла «исключительно беднота» ⁵. Недостаточное усердие в работе с беднотой могло привести к репрессивным мерам со стороны партии. Например, в Средне-Волжском крае правым уклоном был назван отказ комсомольцев участвовать в создании групп бедноты в колхозах ⁶.

Множество фактов говорит о неоднозначном отношении крестьянства к коллективизации. Распространялись слухи, что в колхозе будут бить плетьюми, а доходы ограничат ежемесячной выдачей 30 фунтов хлеба ⁷. Крестьянки опасались, что в колхозах станут клеймить детей, а муж не будет знать своей жены. Подобные страхи были характерны и для девушек-комсомолок. В Велико-Лукском округе школьные работники говорили: «В колхозах детей посадят в ясли, откуда кормят коров» ⁸. Власти расценивали это как кулацкую агитацию и сплетни.

Постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. предписывало завершить коллективизацию Нижней Волги, Средней Волги и Северного Кавказа осенью 1930 г., либо весной 1931 г., остальные зерновые регионы (ЦЧО, Украина и др.) могли закончить реконструкцию сельского хозяйства осенью 1931 или весной 1932 года ⁹. Но эти сроки воспринимались на местах лишь как общее указание, поэтому началась безудержная гонка за увеличение темпов коллективизации.

Местные комсомольские руководители не только чутко реагировали на призывы властей, но и сами проявляли инициативу. Так, 25 января 1930 г. на совещании секретарей окружкомов ВЛКСМ представитель Северного Кавказа Андреев, заявил: «Мы можем констатировать, что в эту весеннюю посевную кампанию весь край будет коллективизирован» ¹⁰. Аналогичные решения принял Обком Центральночерноземной области (ЦЧО), Сибирский и Средневолжские крайкомы ВЛКСМ.

При этом ни ЦК ВЛКСМ, ни комитеты комсомола областей, краев и республик не давали ясных практических указаний по реконструкции сельского хозяйства. В угаре коллективизации все задачи казались легко выполнимыми: комитеты ВЛКСМ были охвачены едиными «ура — на-строениями, ура — цифрами»¹¹. Позднее на апрельском пленуме ЦК ВЛКСМ отмечалось, что активистами «считалось вполне возможным вовлечение крестьян в колхозы методом приказа»¹².

Комсомольские газеты призывали молодежь к решительным мерам, заголовки буквально кричали: «Нам нужны Чапаевы земледелия, нам нужны Буденные полей», «Совхоз — окоп, колхоз — борьба, коммуна — победа»¹³. Милитаристская риторика способствовала восприятию молодежью реконструкции деревни как своего рода военного похода. Радикальные лозунги легко проникали в ряды политически незрелых молодых энтузиастов.

Таблица 1

Соотношение партийной и комсомольской организаций в деревне
в 1929 г.¹⁴

Дата	ВКП(б)			ВЛКСМ		
	Всего членов и кандидатов	В деревне	Сельских ячеек	Всего членов	В деревне	Сельских ячеек
1929 г.	1 972 483	37 700	29 204	2 317 358	1 516 500	59 770

Учитывая немногочисленность сельских партийных ячеек, огромная работа была возложена на молодежную организацию. Таблица 1 показывает, что количество комсомольцев в деревне в четыре раза превышало численность коммунистов, ячеек молодежного союза было больше партийных на 30 тысяч. Кроме того, 60% первичных организаций находились в селах, где вообще не было ячеек компартии¹⁵.

Необходимо также учесть, что молодежь составляла большинство населения доколхозной деревни. В 1926 г. возрастная группа до 25 лет насчитывала около 60% сельских жителей¹⁶. В начале 1930-х гг. произошло значительное омоложение состава ВЛКСМ (см. Таблицу 2). Кроме того, 73% комсомольцев вступило в организацию в 1928—1930 гг.¹⁷, то есть именно в те годы, когда начался переход к «чрезвычайным мерам» в отношении деревни.

Таблица № 2.

Возрастной состав ВЛКСМ на 1 июня 1930 года¹⁸

Всего членов ВЛКСМ	2 885 697
16 лет	421 312
17—20 лет	1 024 432
21—22 года	958 052
23 года и более	481 911

Еще в 1920-е гг. возрастание роли комсомольцев в жизни деревни предрекал выдающийся крестьяновед А.М. Большаков¹⁹. Важную роль в этом играли психологические особенности юношества, «некрестьян-

ские или даже антикрестьянские» (по словам Х. Окуды) представления комсомольцев, мечтавших «иметь при себе портфель»²⁰. Призыв к коренной ломке казавшегося отсталым патриархального уклада жизни был близок многим комсомольцам. К радикальным преобразованиям сельской жизни многие из них были готовы, не хватало лишь одобрения данных настроений сверху.

Активное привлечение комсомольцев к решению хозяйственных вопросов началось еще в 1920-е гг. («поход за урожай и коллективизацию» и др.). 23 декабря 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «Об участии ВЛКСМ в хозяйственном строительстве», в котором разъяснялись задачи союза в индустриализации и коллективизации. Партия подчеркивала еще «чрезвычайно слабое участие деревенского комсомола в коллективизации сельского хозяйства»²¹. Кроме перечисления многочисленных хозяйственно-политических задач, в постановлении рекомендовалось проводить реконструкцию сельского хозяйства методом социалистического соревнования, тем самым готовилась почва для будущих «перегибов». Соревнования проходили под лозунгами: «Кто первый организует колхоз»; «Чья ячейка быстрее полным составом вступит в колхоз»; «Кто крупнее организует колхоз»; «Кто организует высшую форму колхоза»²². Так, обком комсомола ЦЧО заключил договор о соревновании по коллективизации с Нижневолжской организацией. Господствовали настроения: «Лучше забежать вперед, чем отстать»²³.

ВЛКСМ выступал и как субъект, и как объект коллективизации. Комсомольцы, являвшиеся частью крестьянского мира, фактически приступали к его уничтожению. В условиях, когда партийные органы требовали от членов союза скорейшего выполнения заданий, тамбовская организация взяла обязательство реализовать своими силами треть плана создания колхозов в округе. Каждый райком был обязан создать не менее одного крупного хозяйства на площади от 5000 га. Каждая ячейка получила задание организовать хотя бы один колхоз площадью свыше 1000 га. Более того, каждый член ВЛКСМ должен был завербовать три крестьянских хозяйства в колхоз²⁴. На Северном Кавказе любая деревенская ячейка должна была объединить в коллективное хозяйство всех жителей своего аула, села или станции²⁵. Еще дальше пошел Сибирский крайком ВЛКСМ, который обязал комсомольцев своими силами коллективизировать весь край²⁶.

Особая роль возлагалась на так называемые «ударные» бригады, которые должны были ездить по селам и убеждать крестьян вступать в коллективные хозяйства. В Средневолжском крае были созданы 293 ударные бригады по коллективизации, включавшие в себя 1547 членов²⁷. В ЦЧО были «брошены в бой» еще большие силы — 1149 ударных бригад численностью 6991 человек²⁸. Зачастую уполномоченные в этих бригадах были вынуждены действовать в спешке. Например, в Бугурусланском округе им давалось задание в течение недели объехать пять сельских советов²⁹.

Юношам и девушкам приятно было слышать на митингах о том, что «они находятся на переднем крае борьбы за социализм», что «они являются надеждой деревни на освобождение от царского наследия» и т.п. В то же время, вопреки широкой и настойчивой пропаганде, часто фикси-

ровались случаи непонимания комсомольцами самого слова «коллективизация». Типичны воспоминания ветерана ВЛКСМ о коллективизации в селе Большая Липовка. Он подчеркивал, что молодые коллективизаторы имели слабые представления о внутренней жизни колхоза. («Но почувствовав, что мы участвуем в революционном событии, ... мелочами как то не интересовались»³⁰).

В вопросах переустройства деревни слабо разбирались даже сельские специалисты. Так, в Минусийском округе старший агроном говорил: «Я совершенно не понимаю, каким образом эти колхозы должны получить свое организационное оформление. Прислали кучу директив, поставили задачу организовать 3 крупных колхоза, а с чего начать, никто не знает»³¹. Вынужденные импровизировать активисты часто применяли насилие вместо разъяснительной работы.

В первую очередь местные партийные организации использовали комсомольцев для решения административно-хозяйственных вопросов. Так, в Тверском округе одной из ячеек поступил приказ мобилизовать всех своих комсомольцев на 48 часов для ликвидации кулачества как класса и проведения за этот срок коллективизации района³². Неудивительно, что, по сообщениям секретарей окружкомов, «многие ячейки растерялись в связи с быстрым темпом, который взяла партия в области сплошной коллективизации»³³.

Мелкие технические вопросы также ложились на плечи членов союза. В Суренском районе ЦЧО, например, комсомольцы по поручению уполномоченных по коллективизации вынуждены были заниматься как сбором семенного фонда и раскулачиванием, так и разноской повесток и составлением описей. Уполномоченные считали нормой обязать комсомольцев ночевать в сельском совете, будить их ночью, чтобы запрячь или распрячь лошадей³⁴. Деятельность по коллективизации и раскулачиванию заслонила собой все другие формы работы молодежного союза.

В условиях насильственной коллективизации партийному руководству не хватало «обычных» силовых структур в деревне. Для решения этой проблемы был мобилизован молодежный союз. Члены ВЛКСМ быстро привыкали к милицейскому подходу и командным методам работы. Так, комсомольцы Украины в отношениях с крестьянством выполняли несвойственные им функции — производили обыски, аресты, стрижки хвостов у лошадей³⁵. Еще дальше пошли в Сызранском округе, где большая часть комсомольской организации была превращена в отряды милиции³⁶. В Мордовии секретарь Кочкуровского райкома ВЛКСМ Беспалов проводил аресты среди крестьян, а созданный колхоз назвал своим именем³⁷.

Каждый член ВЛКСМ из сельской местности обязан был вступить в колхоз. Все комсомольцы, уклонявшиеся от этого, исключались и из коммунистического союза молодежи. В результате чисток организации повышался процент комсомольцев-колхозников. В комплексе это обеспечивало стремительный рост доли сельских комсомольцев, состоявших в коллективных хозяйствах. Если в декабре 1929 г. в ЦЧО из 38 997 сельских членов союза колхозниками были 17 997 (33,3%), то на пике «успехов» коллективизации в марте 1930 г. из 331 409 комсомольцев-крестьян в колхозах состояло 301 914 (91,1%)³⁸. В Средневолжском крае на

28 января 1930 г. в колхозах насчитывалось 76,8% комсомольцев³⁹. Таким образом, на момент выхода статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» под действием пропаганды и репрессий большинство сельских комсомольцев являлись колхозниками.

На комсомольцев возлагалась обязанность вести разъяснительную работу с членами своих семей, обеспечивать вступление в колхозы родителей. Для значительной части распропагандированной молодежи было характерно легкомысленное отношение к хозяйству родителей, которое они «не наживали». Если члены семьи упорно не вступали в колхоз, комсомольцу надлежало отделить хозяйство и вступить в колхоз самостоятельно. Часто это приводило к семейным трагедиям. Но нередко комсомольцы оставались верны патриархальной традиции подчинения старшим. В Западной области молодые комсомольцы на вопрос о вступлении в колхоз отвечали: «Если батька пойдет, то и я тоже». В Вяземском округе комсомольцы заявляли: «В колхозы вступать пока подождем или пока отца не сагитирую, до тех пор сам не пойду»⁴⁰. Впрочем, встречались случаи, когда комсомольцы отказывались идти в коллективные хозяйства, несмотря на согласие своих родителей. В Елецком округе комсомольцы Троекуровской ячейки вступили в колхоз, но при этом уговаривали своих родственников в него не вступать⁴¹. В целом коллективизация разрушала институт патриархальной семьи, так как комсомольцы-колхозники переставали зависеть от своих родителей.

Очевидцы утверждают, что в период коллективизации в жизнь деревни прочно вошли собрания, митинги и демонстрации. Часто собрания шли целыми сутками. Члены ВЛКСМ, как «застрельщики» колхозного строительства, должны были способствовать принятию на них решений о создании колхоза.

Зимой 1930 г. собрания редко проходили мирно и спокойно. Так, в Пензенском округе в селе Иванырс собрание по коллективизации превратилось в антиколхозное выступление, была избита учительница-комсомолка⁴². Неудивительно, что в Новосибирском округе председатель сельского совета перед собранием вооружил двух комсомольцев⁴³.

Многие члены ВЛКСМ стремились добиться согласия на вступление в колхозы угрозами, насилием и провокациями. В их устах стандартным стало предложение: «Выбирай: колхоз или Соловки». На Северном Кавказе комсомольцы на собраниях предостерегали крестьян: «Вступай в колхоз сегодня, иначе будет поздно»; «Думали: 13 лет хватит»; «Всякого, кто не пойдет в колхоз, мы сошлем на Соловки»⁴⁴. В Тайшинском районе (Томский округ) комсомолец на собрании крестьян о создании колхоза задавал вопрос: «Кто против мероприятий Советской власти — подними руку»⁴⁵. Другим наиболее распространенным способом запугивания была угроза раскулачивания сомневающихся крестьян. В Сызранском округе колхоз в Гурьевске был создан комсомольцами с помощью шантажа («или вступаете в колхоз или раскулачим») ⁴⁶. В Казахстане члены союза ставили крестьян перед выбором: «Не пойдешь в колхоз — заберем имущество и пошлем туда, где солнце не бывает»⁴⁷.

Известны случаи, когда крестьян обманом записывали в коллективные хозяйства. Так, николаевские комсомольцы собирали сельский сход, где каждый подписывался для регистрации на входе, а затем президиум

зачитывал на собрании этот список как перечень вступивших в колхоз ⁴⁸. В Орловском округе комсомольцы просто записывали в колхоз всех отсутствовавших на собрании крестьян ⁴⁹. Подобные методы работы серьезно подрывали авторитет ячеек ВЛКСМ среди крестьян. Комсомольцы стали восприниматься как проводники чуждой крестьянству политики. Неслучайно в станице Темиргоевской Армавирского округа крестьяне отстранили комсомольцев и коммунистов от голосования на собрании ⁵⁰. Члены союза выпадали из «крестьянского мира», следовательно, по мнению сельчан, должны были лишиться права голоса.

Нередко активисты применяли чрезмерно жестокие методы, доказывая крестьянам неизбежность вступления в колхоз. Так, в Харьковском округе в селе Сухоны комсомольцы вначале избили кулака, а затем водили его с веревкой на шее по улицам ⁵¹. В Россошанском округе комсомольцы с криками «Руки вверх!» отбирали у кулаков все имущество, а их самих выгоняли из домов ⁵². В Вольском округе (Нижеволжский край) в селе Полчаниновка комсомолец за неуплату членских взносов в только что организованный колхоз арестовал 35 бедняков и середняков и держал их двое суток в холодном амбаре ⁵³. Возможность применения насилия, часто с оружием в руках, для решения болезненных социальных вопросов глубоко укоренилась в умах активистов. Нередко молодые люди совершали аморальные поступки даже по отношению к своим родственникам.

В разгар коллективизации никого не смущало применение оружия комсомольскими активистами. В Кривом Роге при конфискации имущества комсомольцем был застрелен напавший на него с ножом кулак ⁵⁴. В Анкарском округе (Нижеволжский край) член союза Макаров без постановления общего собрания ходил по крестьянским дворам с револьвером описывать имущество ⁵⁵. Наличие оружия создавало у активистов иллюзию вседозволенности. Так, в Тамбовском округе комсомолец Семёнов по своей инициативе арестовал женщин, выступавших против колхоза, кроме того, отобрал у беднячек два бревна и шубу ⁵⁶. Общечеловеческая мораль в годы коллективизации уступала место насаждаемой сверху «классовой борьбе».

Нередко агитаторы использовали популистские обещания, призывая крестьян вступать в коллективные хозяйства. В Рубцовском округе (Сибирь) комсомольцы заявляли: «Товарищи, идите в наш колхоз, у нас есть все что хочешь, мы дадим автомобили на весну, сколько угодно тракторов, что будут даже стоять лишние» ⁵⁷. Поверившие в эти обещания крестьяне вскоре вышли из колхоза, усомнившись в их реалистичности.

Вместе с тем, массированное давление на крестьянство было вполне эффективным. Только по Курскому округу силами комсомольцев было создано 30 новых колхозов и переведено на сплошную коллективизацию 15 сельских советов. В Измайловском районе (Елецкий округ) членами союза было завербовано в колхозы более 3000 едоков ⁵⁸.

Увлеченные преобразованием деревни комсомольские организации иногда принимали довольно странные постановления. Например, в ЦЧО на собрании одной из ячеек по вопросу о сборе утильсырья постановили: «Ликвидировать собак как класс, мешающий трудовому крестьянству» ⁵⁹. В Кромском районе комсомольцы стреляли собак на улице ⁶⁰. Подобные

«решения» и действия, свидетельствующие о чрезмерном фанатизме комсомольцев, приводили к падению авторитета союза в деревне.

В то же время опрометчиво было бы заявить об однозначном отношении сельских комсомольцев к работе по коллективизации. Партийные органы нередко сетовали на то, что комсомольские организации не принимают активного участия в колхозном строительстве. В январе 1930 г. уполномоченный по коллективизации в Сызранском округе отмечал, что в работе местных комитетов не было боевого темпа: «некоторые райкомы, не говоря о ячейках, даже не проработали план действия»⁶¹. Причем аналогичные оценки встречаются в документах партийных и комсомольских комитетов всех уровней. Особенно часто за слабое внимание к проблемам коллективизации критиковались низовые организации союза.

За низкую активность комсомольцев в коллективизации, как правило, наказывали исключением из ВЛКСМ, которое вело к лишению шансов на дальнейшее продвижение по социальной лестнице. Тем не менее, значительная часть молодых людей заняла выжидательную позицию.

Массовым можно смело назвать и открытое сопротивление молодежи коллективизации. В связи с проведением линии на обязательное вступление комсомольцев в колхозы зафиксировано множество случаев добровольного выхода из союза. В Татарской республике против коллективизации выступали целые волостные организации⁶². В том же регионе комсомольцы Спасского округа срывали собрания, посвященные созданию колхоза, а после этого устраивали танцы и пели: «Мы в колхозы не пойдем»⁶³. В Западной области комсомолец Заборовской ячейки вышел из организации, «опасаясь растущей активности комсомола в деревне»⁶⁴. В том же регионе Ново-Дугинская организация в количестве 20 чел. отказалась вступить в колхоз, секретарь ячейки прямо заявил представителю райкома: «Нечего нас тут собирать, в колхоз мы не пойдем»⁶⁵. В феврале 1930 г. в Хоперском районе (Нижеволжский край) процент коллективизации единоличников был выше, чем комсомольцев⁶⁶.

Неприятие политики партии выражалось в сомнениях по поводу успеха преобразования деревни. В Оренбургском округе комсомольская ячейка вынесла решение: «Принимая во внимание отсутствие необходимых сил, необходимых средств механизации сельского хозяйства — снизить темп коллективизации»⁶⁷. Белорусский комсомолец заявлял: «Зачем нам коллективизация, когда ее не проводят за границей?»⁶⁸ Отдельные члены союза говорили: «В коллективе последние портки снимут» или: «Загоняют в колхоз, чтобы еще больше обдирать»⁶⁹. В Томском округе молодые люди соглашались вступить в коммуны, но считали: «там будем голодать». В том же округе комсомолец Пospelихинской ячейки Семёнов заявил о выходе из комсомола в связи с тем, что со стороны партии чувствуется «программный перегиб в сторону репрессий против кулака»⁷⁰.

Многие комсомольцы, понимая негативные последствия реконструкции сельского хозяйства, вели антиколхозную агитацию. В Западной области комсомолец Новогрудненского сельского совета указывал на объективные причины невозможности коллективизации, так как в данной области отсутствовал строительный материал и было мало удобрений⁷¹. Эти взгляды поддержала вся ячейка. В Якимовском округе (Западная область) ячейка Быстреповской сельскохозяйственной школы в количестве

22 чел. отказалась участвовать в работе по коллективизации ⁷². Подобные факты свидетельствуют: сопротивление колхозному строительству объяснялось не столько «отсталостью» (как утверждала официальная пропаганда), сколько конкретными убеждениями молодых людей.

В Сызранском округе некоторые комсомольские ячейки не вступали в колхоз, потому что остальная часть деревни не принимала коллективизацию ⁷³. В Пензенском округе, по словам уполномоченного, множество комсомольцев стояли в стороне от коллективизации. Их позиция была по-крестьянски прагматична: «Вот организуйте колхоз, мы посмотрим, может быть, и вступим» ⁷⁴. В Западной области Заборовская комсомольская ячейка развалилась в связи с проведением коллективизации, в ней осталось два комсомольца. Затем один был исключен за антиколхозную агитацию, которая выражалась в том, что он считал колхоз сборищем «лентяев-бедняков». Второй сдал билет сам, заявив, что «не хочет оставаться одним комсомольцем на всю деревню» ⁷⁵. Подобные факты свидетельствуют о солидарности сельских комсомольцев с интересами и настроениями крестьянства.

Более «мягкой» формой противодействия коллективизации стало бегство в город. В Вяземском округе среди комсомольцев были распространены подобные настроения: «Да что там колхозы, я работаю на заводе, землю не обязательно отдавать в колхоз, лучше построить домик себе — вот это дело» ⁷⁶.

В Западной области к 20 февраля 1930 г. за выступления против колхозного строительства было распущено 13 ячеек, 21 бюро ячеек, исключено 664 комсомольца ⁷⁷. В документах ЦК ВЛКСМ отмечались случаи, когда комсомольцы становились организаторами не только антиколхозных выступлений, но и демонстраций ⁷⁸. В Семипалатинском районе четверо комсомольцев состояли в группе, ставившей целью убийство секретаря партячейки, председателя сельского совета и колхоза ⁷⁹. Во время крестьянских волнений были отмечены случаи, когда деревенская молодежь собиралась в группы по 100—200 чел., «и они чуть не кидались в бой» ⁸⁰. В Тайшенском районе Сибирского края комсомольцы перебежали на сторону восставших ⁸¹. Активно противостоявшие коллективизации комсомольцы являлись составной частью общекрестьянского сопротивления насильственной ломке деревенского уклада жизни.

Тем не менее, комсомол был не только объектом коллективизации. В первую очередь он играл роль ее субъекта. Для привлечения комсомольцев к активному участию в коллективизации власть использовала разнообразные инструменты. Настойчивая пропаганда сочеталась с противопоставлением объявленных кулаками и всех противников коллективизации батракам и беднякам, с широким применением административных методов. Многим комсомольцам оказались психологически близки призывы к радикальным преобразованиям сельской жизни. Подстегивающую роль сыграло вовлечение комсомольских организаций в соревнование за увеличение темпов коллективизации. Причем от молодых передовиков социалистического строительства не требовалось глубокого знания проблем сельского хозяйства. Допускалась подмена разъяснительной работы насилием: в первую очередь критериями эффективности считали количественные показатели коллективизации.

Примечания

1. СОБОЛЕВА А.Н. Участие молодежи БМА ССР в модернизационных процессах 1920—1930-гг. Улан-Удэ. 2014; НИКУЛИН Р.Л. Социально-политические аспекты деятельности комсомола на начальном этапе сплошной коллективизации (1929—1930 гг. На материалах Тамбовского и Козловского округов ЦЧО): дисс. канд. ист. наук. Тамбов. 2003; МИТИНА Е.А. Государственная молодежная политика в деревне юга Дальневосточного края периода коллективизации (1927—1937 гг.): дисс. канд. ист. наук. Хабаровск. 2008; АНДРИЕЦ У.М. Комсомольские организации как политический ресурс в коллективизации сельского хозяйства Дальнего Востока. — Россия и АТР. Владивосток: Президиум ДВО РАН, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2016, № 1, с. 250—260.
2. Очерки истории ВЛКСМ: в 2-х частях. Ч. 1. Саратов. 1991; СОКОЛОВ В.И. История молодежного движения России (СССР) со второй половины XIX века до XXI века. Рязань. 2002; СТЕЦУРА Ю.А. Молодежь в постреволюционной модернизации России. Армавир. 2013. и др.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М. 1970, с. 17.
4. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1. М. 2000, с. 747.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. М-1, оп. 23, д. 976, л. 70.
6. Там же, оп. 3, д. 66, л. 187.
7. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИ ТО), ф. П-379, оп. 1, д. 171, л. 65.
8. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 976, л. 72.
9. Трагедия советской деревни, т. 1, с. 85.
10. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 3, д. 64, л. 239.
11. Там же, д. 66, л. 147.
12. Там же, л. 144.
13. Комсомольская правда. 1930. 3, 5 февраля.
14. ОСТРОВСКИЙ В.Б. Комсомол — помощник партии в борьбе за коллективизацию сельского хозяйства (в годы первой пятилетки): автореф. дисс. канд. ист. наук. Саратов. 1953, с. 7.
15. Очерки истории ВЛКСМ, ч. 1, с. 111.
16. ОКУДА Х. «От сохи к портфелю»: деревенские коммунисты и комсомольцы в процессе раскрестьянивания. В кн.: История сталинизма: итоги и проблемы изучения. М. 2008, с. 511.
17. Отчет о состоянии областной организации ВЛКСМ ЦЧО к III областной конференции. Воронеж. 1930, с. 75.
18. ОСТРОВСКИЙ В.Б. Ук. соч., с. 24.
19. БОЛЬШАКОВ А.М. Деревня 1917—1927 гг. М. 1927, с. 234.
20. ОКУДА Х. Ук. соч., с. 511.
21. Документы КПСС о Ленинском комсомоле и пионерии. М. 1987, с. 138
22. ГАСПИ ТО, ф. П-379, оп. 1, д. 148, л. 60.
23. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 2, д. 79, л. 17.
24. ГАСПИ ТО, ф. П-1214, оп.1, д. 106, л. 15.
25. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 3, д. 64, л. 241.
26. Курс лекций по истории ВЛКСМ. Т. 1. М. 1976, с. 193.
27. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 3, д. 64, л. 193.
28. Там же, оп. 23, д. 976, л. 2.
29. Там же, оп. 3, д. 64, л. 211.
30. ПОПОВ В. Комсомол в коллективизации (с. Большая Липовка). —Коммунистический труд. 1988. 20 октября.
31. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы. Т. 3. Кн. 1. М. 2001, с. 157.
32. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 81, л. 77.

33. Там же, д. 64, л. 241.
34. ГАСПИ ТО, ф. П-379, оп. 1, д. 151, л. 86.
35. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 2, д. 82, л. 42.
36. Курс лекций по истории ВЛКСМ, т. 1, с. 193.
37. НАДЬКИН Т.Д. Сталинская аграрная политика и крестьянство Мордовии. М. 2010, с. 81.
38. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 976, л. 4.
39. Там же, оп. 3, д. 64, л. 193.
40. Там же, д. 976, л. 73.
41. Там же, л. 8.
42. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, т. 3, кн. 1, с. 174.
43. Там же, с. 159.
44. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 2, д. 80, л. 17.
45. Там же, оп. 23, д. 967, л. 5.
46. Там же, л. 2.
47. Там же, оп. 3, д. 66, л. 154.
48. Там же, оп. 2, д. 82, л. 97.
49. Там же, оп. 3, д. 66, л. 151.
50. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, т. 3, кн. 1, с. 78.
51. Трагедия советской деревни, т. 2, с. 295.
52. Там же, с. 190.
53. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, т. 3, кн. 1, с. 93.
54. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 3, д. 64, л. 250.
55. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, т. 3, кн. 1, с. 93.
56. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 976, л. 6.
57. Там же, д. 81, л. 7.
58. Там же, д. 976, л. 2.
59. Там же, оп. 2, д. 82, л. 51.
60. Там же, оп. 3, д. 66, л. 152.
61. Там же, д. 64, л. 207
62. Там же, д. 66, л. 193.
63. Там же, л. 194.
64. Там же, оп. 23, д. 976, л. 74.
65. Там же, л. 75.
66. Там же, оп. 3, д. 66, л. 223.
67. Там же, д. 64, л. 206.
68. Там же, оп. 23, д. 81, л. 51.
69. Там же, оп. 2, д. 68, л. 77; ГАСПИ ТО, ф. П — 379, оп. 1, д. 146, л. 29.
70. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 23, д. 967, л. 5.
71. Там же, л. 74.
72. Трагедия советской деревни, т. 2, с. 202.
73. РГАСПИ, ф. М-1, оп. 3, д. 64, л. 207.
74. Там же, л. 208.
75. Там же, оп. 23, д. 976, л. 74.
76. Там же, л. 73.
77. Там же, л. 80.
78. Там же, д. 967, л. 2.
79. Там же, оп. 3, д. 66, л. 154.
80. Там же, л. 159.
81. Трагедия советской деревни, т. 2, с. 585.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201909Statyi13 ББК 63.3(0)64.5

Международная правовая оценка армяно-азербайджанского конфликта

И. Т. Нуриева

Аннотация. В публикации дается политический анализ того, что бездействие, промедление в сдерживании агрессии и наказании агрессора, ведение политики двойных стандартов не только уменьшают эффективность обеспечения международной безопасности, но и создают чувство безнаказанности, открывают путь к новой агрессии.

Ключевые слова: государственный суверенитет, территориальная целостность, безнаказанность агрессора, двусторонняя политика, бездействие мирового сообщества.

Abstract. In the publication provides the political analysis of inactivity, delay in restraining aggression and punishing the aggressor, implementation of double standards policy which not only reduces the effectiveness of international security, but also creates feelings of impunity, leads the way to a new aggression.

Key words: state sovereignty, territorial integrity, aggressor's impunity, bilateral policy, inaction of the world community.

Современное международное право предполагает равноправие и независимость субъектов международных отношений. Без этого невозможно добиться политического равновесия в мире. Хотя суверенные государства имеют право на нейтралитет, однако для сохранения стабильности в мире и для получения необходимых гарантий целостности территорий и неприкосновенности границ, каждое государство старается войти в разные международные организации, экономические союзы и военные блоки, тем самым получая гарантии безопасности, возможность экономить на военных расходах, средства для развития экономики, науки, культуры, повышения общего уровня жизни населения и т. д.

Однако это налагает на государство общепринятые обязательства: уважать права других стран и наций, отказаться от агрессии, неукоснительно соблюдать все общепризнанные международные нормы и прин-

Нуриева Ирада Тофик кызы — доктор политических наук, профессор Азербайджанского государственного университета нефти и промышленности. Баку. E-mail: iradanuri@gmail.com.

Nuriyeva Irada T. — doctor of political sciences, professor of the Azerbaijan State University of Oil and Industry. Baku. E-mail: iradanuri@gmail.com.

ципы, выполнять решения, принятые международными организациями, членами которых оно является. Государства должны знать, что внешнеполитические акции, нарушающие эти правила, влекут за собой серьезные последствия.

В конкретных международно-правовых отношениях государство выступает носителем как прав, так и обязанностей. Сам принцип суверенного равенства предполагает обязанность уважать суверенные права других участников международных отношений.

Целесообразность предписаний международного права и связанных с ним обязательств не находится и не может находиться в противоречии с коренными интересами суверенных участников международно-правовых отношений. Государство в праве выразить свое несогласие с решением организации (например, ООН), членом которой оно является, выходя из нее. Оставаясь же в составе организации, оно обязано выполнять принятые на себя обязательства. Несмотря на это, Армения, будучи членом Организации Объединенных Наций, по сей день игнорирует резолюции Совета Безопасности ООН 822 от 30 апреля 1993 г., 853 от 29 июля 1993 г., 874 от 14 октября 1993 г. и 884 от 11 ноября 1993 г. о безоговорочном выводе своих вооруженных сил с оккупированных территорий Азербайджана.

Государственный суверенитет включает такие основополагающие принципы, как единство, неделимость территории, неприкосновенность государственных границ, невмешательство во внутренние дела. Территориальное верховенство — это право государства осуществлять полную и исключительную власть в пределах своей территории¹. Оно закрепляется как внутренним законодательством государства, так и нормами международного права. Сама государственная территория — эта принадлежащая данному государству и находящаяся под его исключительной властью часть земного пространства, состоящая из суши с ее недрами, вод, воздушного пространства над сушей и водами².

Оккупированные Арменией Нагорный Карабах и примыкающие к нему 7 районов — международно-признанная территория Азербайджана. Все архивные и исторические документы, подтверждают это. Среди них:

1. Курекчайский договор 14 мая 1805 года. Подписан между правителем Карабаха Ибрагим-Халил ханом и Российской империей. Ханство приняло покровительство России;

2. Гюлистанский договор 12 октября 1813 г. и Тюркменчайский договор 10 февраля 1828 года. Заключены между Россией и Ираном. Азербайджан с Карабахскими землями принял покровительство России.

Вышеназванные договоры подтверждают неотделимое и законное право азербайджанского народа на свои исторические земли³.

3. «Договор о дружбе и братстве» от 16 марта 1921 г. между Турцией и Россией, подписанный в Москве. Нахичевань и Карабах «оставались» в составе Советского Азербайджана⁴.

4. 2 марта 1992 г. на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Азербайджан со всеми регионами был принят в члены ООН⁵.

5. В 1996 г. Генеральная Ассамблея ООН в Резолюции «О сотрудничестве ООН и ОБСЕ» подтверждает территориальную целостность

Азербайджанской Республики (конфликт в Нагорном Карабахе и вокруг него) ⁶.

6. На 59-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2004 г. в документ о сотрудничестве между ООН и ОБСЕ была включена поправка, подчеркивающая принадлежность Нагорного Карабаха и других оккупированных территорий Азербайджанской Республике ⁷.

Все договоры подтверждают территориальную целостность Азербайджана, а также тот факт, что Карабах являлся и является составной частью и исторической землей Азербайджана.

Только государство, которое имеет право осуществлять территориальное верховенство в пределах конкретной территории, имеет полномочия установить и закрепить здесь политические, государственно-правовые и международно-правовые отношения. Из этого следует, что функционирование самозваной «Нагорно-Карабахской Республики» на международно признанной территории Азербайджана является незаконным, внеправовым по всем международным нормам. По внутригосударственному законодательству Азербайджана функционирование правительства «НКР» является государственным преступлением, принятые им решения и заключенные договоры считаются недействительными. «Карабах является исторической территорией Азербайджана, “НКР” несет временный характер и противоречит международным юридическим нормам» ⁸.

Разграничительной линией пределов государственного властвования служит государственная граница, которая устанавливается в соответствии с заключаемыми между сопредельными государствами соглашениями, либо на основе исторически сложившихся традиций. Государство вправе самовольно устанавливать и изменять режим своих границ, но не саму границу. Одностороннее изменение границы может считаться оккупацией. Страны, подписавшие соглашения о государственной границе, автоматически признают территориальную целостность и неприкосновенность территорий сопредельных государств. В противном случае каждое суверенное государство в пределах своей территории может применять все соответствующие его законам средства властного принуждения по отношению к агрессору. В то же время, никакое государство не вправе применять такие меры на территории другого государства под предлогом защиты интересов соплеменников, проживающих вне собственных границ.

Каждое государство выступает как собственник своей территории. Право собственности государства на часть земли или всю землю в пределах государственной территории производно от суверенитета государства, его правомочия суверенно устанавливать правовой режим земельной собственности, недр, природных богатств и др., уступать или обменивать отдельные части своей территории и т. п.

Из содержания понятия «государственное верховенство» вытекает, что любое посягательство на территориальную неприкосновенность государства представляет собой грубейшее нарушение государственного суверенитета. Общепринятый межгосударственный принцип неприкосновенности и целостности государственной территории запрещает захват чужих территорий, а если это все-таки случается, то не признает результатов такой акции. В межгосударственных отношениях этот принцип ут-

вердился с принятием Устава ООН в 1945 году. Одним из гарантов соблюдения принципа «территориальной неприкосновенности государств» выступает принцип «неприкосновенности границ».

Современная мировая практика знает три основных способа обеспечения международной безопасности:

1. Сдерживание возможной агрессии при помощи различных форм давления (экономических, политических, психологических и др.);

2. Наказание агрессора путем применения против него конкретных практических действий;

3. Политический процесс как способ достижения мирных целей без силового решения (переговоры, совещания, встречи на высшем уровне и т.п.)⁹.

Для обеспечения международной безопасности необходимо любыми дозволенными путями сдерживать агрессию, а при ее возникновении выявить виновного и в обязательном порядке применить к нему соответствующие формы наказания. Следует отметить, что эти действия должны нести своевременный, обязательный характер, ибо бездействие, промедление в сдерживании агрессии и наказании агрессора, ведение политики двойных стандартов не только уменьшают эффективность обеспечения международной безопасности, но и вызывают чувство безнаказанности, открывают путь к новой агрессии. Несмотря на то, что принятые Советом Безопасности ООН резолюции 822 (1993), 853 (1993), 874 (1993) и 884 (1993) требуют полного и безоговорочного вывода со всех оккупированных территорий Азербайджана армянских войск, оккупация территорий, намеренное обострение ситуации и провокационные действия против гражданского населения продолжаются.

В ночь на 2 апреля 2016 г. все приграничные позиции Азербайджана подвергались интенсивному обстрелу из крупнокалиберного оружия, минометов, гранатометов и артиллерийских установок. Кроме того, был обстрелян ряд населенных пунктов вблизи линии соприкосновения войск, где компактно проживает гражданское население. В результате обстрелов были погибшие и раненые среди гражданского населения. Решение об ответных мерах на направлениях Агдере — Тертер — Агдам и Ходжавенд — Физули было принято командованием Вооруженных сил Азербайджана. В подобной ситуации международная общественность должна была резко осудить артиллерийские обстрелы армянскими ВС гражданских объектов на территории Азербайджана, поскольку подобные действия являются грубым нарушением взятых Арменией обязательств в рамках международного гуманитарного права.

Однако на практике часто встречается нарушение этого принципа со стороны тех государств, которые подписали эти международные соглашения. Еще будучи в составе СССР, Азербайджан столкнулся с угрозой нарушения своей территориальной целостности и безопасности. В феврале 1988 г. армянские сепаратисты принятием антиконституционного решения о выходе НКАО из состава Азербайджанской ССР начали свои противозаконные действия. Однако государственные структуры СССР и мировое сообщество не предприняли ответных мер. Это воодушевило сепаратистов, которые в скором времени, начав вооруженную агрессию, оккупировали 20% территории Азербайджана.

Внешнеполитические акции, нарушающие общепризнанные международно-правовые принципы и нормы, влекут за собой международную ответственность. В целях соблюдения международной безопасности такие акты должны вовремя пересекаться, а нарушитель в обязательном порядке должен быть наказан. Принцип «территориальной целостности и неприкосновенности государств», а также «права наций и народов на самоопределение» являются основными принципами международного права, которые все больше приобретают законную силу. Однако отсутствие механизма оперативного вмешательства в международном праве открывает путь к международным конфликтам, основную часть которых составляют конфликты, порождаемые этносепаратизмом.

Право на самоопределение не является абсолютным. В международном праве существуют ограничители свободы самоопределения, ибо есть опасность перерастания абсолютной свободы в ее антипод — произвол. Нельзя забывать, что принцип территориальной целостности носит такой же императивный характер, как и принцип самоопределения. Современное международное право вполне откровенно запрещает злоупотребление свободой, несущей опасность нарушения баланса между этими принципами: «Всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава ООН» (п. 6), «Все государства должны уважать “суверенные права всех народов и территориальную целостность их государств”» (п. 7).

Демократическое общество ставит перед собой цель обеспечить равноправие и свободу всех своих субъектов, то есть наций, народностей и каждого человека. Бесспорно также равенство государств, представленных в международных организациях, в том числе и в ООН, где каждое из них, независимо от количества населения и размера территории, имеет только один голос.

Естественно, все народы, нации и все люди равны. Из этого вытекает, что все они имеют равное право на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Это — безусловное и неоспоримое право не только многочисленного народа, проживающего на большой территории, но и малочисленного, имеющего небольшую территорию.

Самоопределения народов и наций можно добиться без возникновения новых суверенных государств. Народы, имеющие достаточную численность, сравнительно легко самоопределились на уровне национальных государств. Как же поступать коренным, но малочисленным, или не имеющим определенной, достаточной территории народам, которые имеют на это моральное и юридическое право? Одним из выходов из подобного положения является провозглашение автономии, которая, по своей сути, предоставляет населению право самостоятельно решать дела, относящиеся к его внутренней, а в ряде случаев и внешней компетенции.

Самоопределение означает право народов выбрать такой путь развития, который в наибольшей степени соответствует их историческим, культурным, религиозным традициям и представлениям. Формы и уровень самоопределения должны соответствовать уровню развития самого

субъекта и отвечать требованиям политической ситуации. Лишь малая часть всех этносов, стоящих на верхних ступенях развития и самосознания, имеющих достаточную численность для образования государства, компактно проживающих на определенной территории и т.п., смогли самоопределиваться на уровне государства. Для прочих основной формой реализации этого права в составе многонационального государства стала национально-культурная автономия, которая позволяет гражданам, принадлежащим к различным национальным общностям, в частности, малочисленным, дисперсионно расселенным коренным народам и иным меньшинствам, решать вопросы сохранения и развития своих самобытности, языка, культуры, традиций.

Национально-культурная автономия не только не ущемляет прав меньшинства, но, напротив, расширяет их возможности и ответственность. Именно такая автономия иной раз является единственно возможной формой реализации меньшинствами своего права на самоопределение, поскольку у них просто не хватит возможностей образовать и поддерживать полноценное государство с аппаратом власти и управления, вооруженными силами, судом и прочими структурами.

Решение задач такой огромной сложности требует большого экономического, финансового и людского потенциала, исторического опыта, достаточной территории и численности. Всем хорошо известно, что поспешно созданное слабое государство вскоре или прекратит свое существование, или превратится в марионеточное, не решив задачу развития своего народа. Говоря о субъектах права на самоопределение, можно отметить: «Любая нация и народ может самоопределиваться на уровне унитарного государства, конфедерации и федерации лишь на своей исконной земле. Создание государства на чужой земле равносильно нарушению прав его коренных жителей»¹⁰.

Субъектами культурной автономии могут быть как малочисленные коренные народы и народности, так и иные меньшинства: национальные, религиозные, языковые и культурные. При этом доминантные коренные народы и нации владеют исключительным правом на создание государства.

Количественный показатель может иметь значение при определении возможных форм и уровней реализации права на самоопределение доминантными коренными народами. Однако он теряет свою значимость во время определения уровней самоопределения национальных меньшинств, так как они имеют право лишь на национально-территориальную и культурную автономию. Это вполне справедливо. Такая позиция исходит из того, что национальные меньшинства являются доминантным коренным населением других стран, где они уже воспользовались правом на самоопределение. Например, вне Китая проживает около 350 млн. китайцев, во Франции — до 5 млн. арабов, в Германии — 5 млн. турок-эмигрантов и т.д.

Этот показатель можно наращивать путем переселения населения государства-завоевателя в оккупированную страну. Добиться количественного преимущества можно и путем депортации коренных народов из страны. Изгнание азербайджанцев из своих родных мест армянами этому наглядный пример.

Азербайджанцы против своей воли потеряли свои исторические земли, которые ныне составляют территорию Армении и Карабаха. Поэтому азербайджанцы сохраняют за собой право доминанта нынешней Армении и Карабаха. Принятие любых решений, которые могут отрицательно повлиять на окружающую среду, экономику, компактное проживание коренного народа, сохранение его своеобразия и культуры, не допустимо. Ведь отчуждение их от исконной земли равносильно этноциду — уничтожению национального своеобразия.

Государства во время принятия законодательных актов и решений, затрагивающих интересы коренных малочисленных народов, должны в обязательном порядке проводить с ними консультации, осуществлять меры по защите и сохранению заселенной ими территории, а также реализовывать другие необходимые программы для сохранения и развития их самобытной культуры и языка.

Во многих странах мира имеется значительное количество национальных и этнических меньшинств. Следует ли признать за каждым из них право на самоопределение путем отделения? От такого кошмара не застрахованы даже США, РФ, Франция, Германия и т.д. Предоставление всем без разбора права на самоопределение на уровне государства — это политическая бомба, способная взорвать гражданский мир. Опасность, связанная с появлением второго государства для одной нации, — угроза не просто для территориальной целостности государств, но и для дальнейшей судьбы человечества. Президент Азербайджанской Республики И. Алиев 29 апреля 2004 г., выступая на заседании весенней сессии Парламентской Ассамблеи Совета Европы, коснулся требования армян создать второе армянское государство: «... У армян свои претензии, связанные с конфликтом... Их претензия заключается в том, что армяне, живущие в Нагорном Карабахе, имеют право на самоопределение. Армяне как этническая группа в Азербайджане самоопределялись на уровне автономной области. Основная часть армян уже самоопределилась на уровне суверенного государства на землях Западного Азербайджана. Это значит, что армяне как нация уже воспользовались этим правом. Представьте себе, что может произойти, если они будут самоопределяться всюду, где живут? Что это значит? Значит ли это, что всюду, где живут национальные меньшинства, должен процветать сепаратизм? Неужели это означает, что национальные меньшинства могут создавать свои независимые государства на всех территориях, где живут? Конечно, нет!»¹¹.

В конце следует еще раз отметить, что право создания государства принадлежит основным доминантным коренным народам. Его реализация может происходить лишь на собственных территориях. Выбор формы государственности зависит от уровня развития самого народа и политической ситуации. Такого права у простых национальных меньшинств нет. Они могут реализовать свои права на самоопределение на различных уровнях автономии.

Право народа на самоопределение не должно наносить ущерб такому же праву другого народа за счет нарушения территориальной целостности государств. Армения оккупировала и по сей день держит под оккупацией 20% территории суверенного Азербайджана, стараясь любыми способами оправдать свои противозаконные действия. Оккупация Кара-

баха и близлежащих к нему семи районов лидеры Армении представляют как право армян на самоопределение. По их утверждению, они коренные жители этих земель и до недавнего времени находились под игом Азербайджана. По этой причине действия армянских сепаратистов и террористов являются, якобы, народно-освободительным движением «многострадального» армянского народа.

На самом деле историками уже доказано, что армяне добровольно переселились с Балкан в Малую Азию, а затем и на Кавказ. То есть вопрос автохтона решен — армяне не являются коренными, доминантными народами Кавказа, и по этой причине они не владеют правом на самоопределение не только в Карабахе, но и на всем Кавказе. Что же касается нынешней Армении, то ее создание на землях, до недавнего прошлого исторически принадлежавших азербайджанцам, явилось политической несправедливостью и грубым нарушением территориальной целостности бывшего Азербайджана.

Историческая территория Азербайджана временами сокращалась от 400 тыс. кв. км до 300 тыс., в годы АДР — до 114 тыс., при советской власти до 86 тыс. кв. км.¹² Часть его территории ныне входит в состав Ирана, Армении, Грузии и Дагестана. В 1918 г. при военной поддержке России была создана Арагатская Республика (в будущем Армения), которая в том же году оккупировала исконный азербайджанский регион Зангезура. До этого акта территория Азербайджана была 114,4 тыс. кв. км, а стала 86,7 тыс. кв. км. После последней армяно-азербайджанской войны (1988—1994) у него остались лишь 69 тыс. кв. км территории.

Напомним, что с 1988 по 1989 г. из Армении было изгнано 200 тыс., из Нагорного Карабаха — 50 тыс. и из близлежащих 7 районов — около 700 тыс. азербайджанцев. Итого, число беженцев составило около 1 млн. человек. В XX в. переселение азербайджанцев из Армении проводилось в четыре этапа: в 1905, 1918—1920, 1948—1956 и 1988 годах¹³.

Исследование данной темы привело к выводу, что одной из основных причин, позволяющих агрессору нарушать территориальную целостность Азербайджана, является недостаточность мер, предпринимаемых со стороны мирового сообщества для защиты международной безопасности. Лишь механизм, содержащий консолидацию всех миролюбивых сил, моментально реагирующий на любые без исключения нарушения международных принципов и норм, может раз и навсегда искоренить очаги войны.

Ныне Азербайджан вынужден продолжать жить рядом с «государством», которое создано на его территории, систематически нарушает его права, оккупируя его территории, убивая его граждан, разрушая или присваивая его историческое, культурное наследие.

Разрешение армяно-азербайджанского конфликта в рамках суверенитета Азербайджанской Республики, территориальной целостности и признанных на международном уровне государственных границ — одна из главных обязанностей внешней политики Азербайджана.

Азербайджан надеется на мирное разрешение проблемы. Президент страны И. Алиев, выступая в Страсбурге, с высокой трибуны Парламентской Ассамблеи Совета Европы еще раз изложил позицию страны: «Азербайджан никогда не согласится с потерей своей территории. В ре-

шении вопроса необходимо руководствоваться нормами международного права... Конфликт должен найти решение на основе территориальной целостности Азербайджана. Как неотделимой части Азербайджана, Нагорному Карабаху может быть предоставлена культурная автономия в рамках территориальной целостности Азербайджана...»¹⁴

Примечания

1. Информационный сайт «Учительской газеты, с. 2.
2. Курс международного права в шести томах. Т. 3. Основные институты и отрасли современного международного права. М. 1967, с. 115.
3. Azərbaycan tarixi üzrə qaynaqlar. Bakı. 1989, s. 272—276.
4. Yeni Azərbaycan Partiyası bu günün, sabahın və gələcəyin partiyasıdır. Yeni Azərbaycan Partiyasının I qurultayı. — Azərbaycan. 1999, 21 dekabr, s. 598—599; ORDUBADI M.S. Qanlı illər. 1905—1906-cı illərdə baş verən erməni-müsəlman davasının tarixi. Bakı. 1991, s. 52, 58.
5. Азербайджан в рядах ООН. [Http://library.aliyev-heritage.org/ru/9646663.html.p.3](http://library.aliyev-heritage.org/ru/9646663.html.p.3), с. 1.
6. ООН и Азербайджан. [Http://www.azerbaijan.az/portal/WoldCommunity/InterOrginterOrg_01_r.html.p.3](http://www.azerbaijan.az/portal/WoldCommunity/InterOrginterOrg_01_r.html.p.3), с. 1.
7. На Генассамблее ООН в проект документа о сотрудничестве между ООН и ОБСЕ включена поправка, подчеркивающая принадлежность Нагорного Карабаха Азербайджану. Баку. 22.10.04.
8. Документы внешней политики СССР. Т. 3. М. 1959.
9. Общая и прикладная политология. М. 1997.
10. Устав ООН и Статус Международного Суда 1940 г. Н.-Й. 1946, с. 2; Azərbaycan tarixi üzrə qaynaqlar. Bakı. 1989, s. 1, 13, 23; Заключительный Акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975. В кн.: СССР и международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы. М. 1989, с. 302—303.
11. Azərbaycan Prezidenti İlham Əliyevin Strasburqa səfəri. — Азырбайһан. 2004, 1 май.
12. PIRIYEV V. Azərbaycanın tarixi coğrafiyası. Bakı. 2002, s. 75.
13. Азадлыг. 1994, 17 дек.
14. Azərbaycan Prezidenti İlham Əliyevin Strasburqa səfəri; İlham Əliyev: Biz hər şeyə nail olacağıq. Bakı. 2003, s. 74; HACIYEV İ. Heydər Əliyev və milli-tarixi yaddaşın bərpası. Bakı. 2003, s. 74.

Фальсификация строк летописей ПСРЛ о вятчанах и городах Вятской земли в конце XV в.

С. П. Серкин

Аннотация. Публикация посвящена критической оценке строк летописей ПСРЛ о походе вятчан по реке Волге в 1471 г. и о городах Вятской земли в конце XV века.

Ключевые слова: региональные летописи, трагический поход вятчан, отсутствие наименований вятских городов, Вятские (татарские) князья, князь Щербатов, «Царственный летописец», летописи ПСРЛ, удачный поход вятчан, города, не существовавшие в конце XV века.

Abstract. The publication is devoted to a critical evaluation of the lines of chronicles of the PSRL about a trip of the Vyatka citizens along the Volga River in 1471 and about the cities of the Vyatka land at the end of the 15th century.

Key words: regional chronicles, tragic trip of the Vyatka citizens, absence of names of the Vyatka cities, the Vyatka (Tatar) princes, Prince Shcherbatov, the “Royal Chronicler”, The Complete Collection of Russian Chronicles (the PSRL), successful trip of the Vyatka citizens, cities which did not exist at the end of the 15th century.

Рассматривая данный вопрос, уместно привести в начале работы мнение русского историка и археографа, члена Петербургской АН, издателя исторических книг Павла Михайловича Строева: «Громады исторических материалов, которые известны... под общим названием Летописей и Летописцев, будучи составлены из повествований достоверных, носят на себе явную печать истины; но, искаженные влиянием времени и невежеством собирателей и переписчиков, они представляются нам в виде бытописаний неверных, запутанных и несогласных между собою... Таким образом, Сборники (исторические), представляющие обильные материалы для всех отраслей нашей Истории, требуют еще рассмотрения тщательнейшего и критики пронизательной. Без предварительного обработки Сборников нельзя и ожидать Истории совершенной...»¹

Не затихающие в течение двухсот лет споры ученых по важнейшим в истории древней Вятки вопросам свидетельствуют о том, что летописный материал до сих пор, в силу объективных и субъективных причин, в должной мере критически историками не рассмотрен и не проанализирован в сопоставлении с иными фактами и источниками исторической информации.

Серкин Сергей Павлович — независимый исследователь. E-mail: sserko5@mail.ru.

Serkin Sergey P. — independent researcher. E-mail: sserko5@mail.ru.

Проведенный автором критический анализ летописного материала и сравнение его с информацией о первых городах Вятской земли, имеющейся на западно-европейских географических картах XVI—VII вв., позволяет говорить о намеренной фальсификации отдельных строк в ПСРЛ, касающихся вятчан и городов Вятской земли в конце XV века.

Автор обратил внимание на противоречие информации региональных памятников Вятской письменности XVII—VIII вв. — «Вятского временника», «Летописца старых лет» и ряда других источников вятского происхождения — со строками ряда летописей из ПСРЛ (Воскресенской, Симеоновской, Московского летописного свода, Вологодско-Пермской, Летописного свода 1497 и 1518 гг., Никаноровской и Типографской, а также Едемского (Едомского) летописца), касающихся одних и тех же двух вопросов.

О походе вятчан на Сарай в 1471 году. Региональные летописи с небольшой разницей в повествовании сообщают о трагически закончившемся походе вятчан по Волге на столицу Золотой Орды Сарай в 1471 г. следующее: «Вятчанешедше Волгою рекою в судех на низ, и взяша Сарай и много товаров взяли и поехали, и пришедшу велику ветру и потопаи все, и струги и люди: ни один человек не вышел». Об этом также сообщает ряд региональных источников².

В отличие от них, «Царственный летописец», изданный в 1772 г. в Санкт-Петербурге, подготовленный первым государственным историографом России князем Михаилом Михайловичем Щербатовым, о событии, произошедшем с вятчанами на Волге, сообщил следующее: «Вятчане шед суды Волгою на низ, взяша Сарай, много товару взяша и плен много поимаша. Слышав же се татары большие орды, понеже близ ту кочевали за един день. И тако многое их множество пойдоша переимати их, и поймавше суды, и всю Волгу заступиша суды своими, хотящее перебити их. Они же одинако пробишася сквозь их и уйдоша со всем. А под Казанию тако же хотеша переняти их. И тако пройдоша мимо тех со всем в землю свою»³. Сопоставляя строки из «Опыта Казанской истории...» 1767 г. Петра Рычкова и «Царственного летописца» 1772 г. о походе вятчан на Сарай и годы издания этих работ, можно сделать вывод, что изменение повествования на прямо противоположное появилось в летописях после выхода в свет именно «Царственного летописца».

Книга «Опыт Казанской истории древних и средних времен» П. Рычкова, содержащая краткую информацию о трагичном походе вятчан по Волге в 1471 г., была посвящена Екатерине II. На первых ее страницах Рычков поместил свое обращение к великой императрице. На основании этого факта можно сделать вывод, что данную книгу Екатерина II не только держала в руках, но и читала. Князь М.М. Щербатов позднее познакомился с этим кратким повествованием о походе вятчан.

В 1768 г. Екатерина II по совету Г.Ф. Миллера предложила князю Щербатову должность историографа. Ему был разрешен доступ для работы в патриаршую и типографскую библиотеки, где находились летописи, собранные со всех монастырей России по указам Петра I. В это время Щербатов активно занимался публикацией исторических источников. В 1769 г. он издал «Царственную книгу», а в 1772 г. — «Царственный

летописец», в котором трагические строки о вятчанах были им изменены на победоносные.

Учитывая, что Щербатов, занимая должность государственного историографа, готовил свой труд по истории России, можно понять и то, что именно в это время при его активном участии во многих летописях ПСРЛ появились краткие измененные строки о вятчанах и об их славном походе в низовья Волги на город Сарай.

В главном историческом труде Щербатова «История Российская от древнейших времен» (СПб. 1770—1791), вышедшем в 7-и томах и 15-и книгах, этот трагический эпизод настолько широко был представлен читателям, подняв славу и доблесть вятчан, что превратил его в искусственный триумф вятской «вольницы»⁴.

О чем свидетельствуют рассматриваемые противоречия между региональными летописями и летописями ПСРЛ? Какой информации можно верить? Летописям вятским, основанным на памяти потомков вятчан, погибших в водах реки Волги, или строкам, написанным князем Щербатовым вместе с другими «летописцами», работавшими под его руководством в согласовании с Екатериной II, определявшей государственную точку зрения на историографию государства Российского?

Если бы поход вятчан в низовья Волги был действительно удачным, то могла ли в таком случае в вятских летописях появиться запись об их гибели? Естественно, что такого произойти не могло. Совершенно другое дело, если вятчан постигла трагическая участь. В этом случае, при формировании историографии России у князя Щербатого или у лиц, причастных к этому, могла появиться мысль показать современникам не трагедию, а победу над татарами и воинственную удачу вятской «вольницы».

Подобная логика достаточно убедительна. Профессор философии Т.В. Артемьева писала: «Российская история переписывалась не один раз. Герои становились врагами, победы трактовались как поражения, и наоборот»⁵. Поэтому, вне всякого сомнения, рассматриваемые строки местных летописей нужно признать достоверными. Они довольно краткие, так как на них лежит печать трагической гибели вятчан.

В отличие от региональных летописей, во всех выше названных летописях из ПСРЛ информация о действиях вятчан подана, с небольшими расхождениями, как триумфальная победа и слава вятской «вольнице».

Обратим пристальное внимание на слова из этих летописей: «и множество полону взявше, возвратишася со всем полоном». Несмотря на оказанное сопротивление у Сарая и перегороженную судами Волгу, их путь сквозь заслон татар под Казанью также оказался удачным.

Крайне сомнительным выглядит подобное повествование. Скорее всего такие летописные вставки были специально написаны для создания ореола воинственной вятской «вольницы». Так как в «Повести о стране Вятской» сообщалось о том, что вятчане многие лета (278 лет) были независимы и непобедимы, то в «Царственном летописце», а затем и в других летописях «летописцы» под руководством Щербатова вписали строки об их славном волжском походе. Сама эта повесть давно была признана историками России недостоверным и поздним источником. Об этом писал в своем труде заслуженный профессор Императорского универси-

тета Св. Владимира академик Владимир Степанович Иконников (1841—1923) ⁶.

Русский историк, академик Российской академии наук (1920) Сергей Фёдорович Платонов (1860—1933) отмечал: «Исследование А. А. Спицына доказало, что “Повесть о стране Вятской” передает простую басню, лишённую всякой фактической основы...» ⁷ Вывод в отношении рассмотренных строк летописей ПСРЛ следующий: выявленные факты свидетельствуют о явно тенденциозной фальсификации события, произошедшего с вятчанами на Волге в 1471 году. Строки же рассмотренных региональных летописей об этом случае следует признать достоверными.

О городах Вятской земли в конце XV века. Положительный результат, полученный при критическом сопоставлении региональных летописей и летописей ПСРЛ о походе вятчан по Волге в 1471 г., позволяет рассмотреть и вопрос возникновения городов Вятской земли.

В XVIII в. на Указы Сената 1720 ⁸, 1722 ⁹ и 1730-х ¹⁰ гг. о высылке в Св. Синод из всех епархий, монастырей и соборов древних рукописных церковных и гражданских летописцев никаких летописей и хронографов с Вятской земли не поступало, так как их еще не существовало.

В 1732 г. академик Герард Фридрих Миллер (1705—1783) опубликовал «Объявление предложения до исправления российской истории касающегося...», в котором сообщалось о необходимости сбора и описания всего, «что до Российской церковной истории принадлежит или оной некоторое изъяснение учинить может» ¹¹. После такого «Объявления» вскоре на Вятке была обнаружена рукописная «Повесть о стране Вятской», существующая ныне в многочисленных вариантах. В ней сообщалось о выходе новгородцев со своих земель в 1174 г. и появлении их на реке Вятке в 1181 году. Новгородцы в тот период будто бы построили свои городки и главный город Хлынов, где жили 278 лет «самовластвующее... до обладания великих князей российских» ¹².

В начале 70-х гг. XVIII в. Щербатову, составлявшему историографию государства Российского, нужна была информация, повествующая о событиях на Вятке и о возникновении первых городов в бассейне реки Вятки. О том, какие были наименования первых русских городов в конце XV в. на Вятке, ни в одной духовной великокняжеской грамоте не сказано. Не были названы города Вятской земли при ее взятии великокняжеским войском в 1459 и 1489 гг. в региональных летописях — в «Вятском временнике» и «Летописце старых лет».

Въ лѣто 6964 (1456), въ веснѣ, великій князь Московскій послалъ рать на Вятку со княземъ Семеномъ Рязполовскимъ, и ничтоже успѣ воротились.

Тогда жъ была буря велика, громна гроза, и солнце гинуло.

Въ лѣто 6967 (1459) великій князь Василей Васильевичъ Московскій и всѣа Росіи Вятскую землю взялъ и дань положилъ.

Фрагмент с. 36 «Вятского временника»

посѣче; грады же вси отъ взятія его сохранены быша и подѣ тѣми грады Вятскіе жители множество татарска рода побяша. И паки великіи князь в весенное время посла ратныхъ людей воевати на Казань по велицей рѣце Волгѣ и множество ихъ поплениша, а Вятскія и Устюжскія страны жителіе такожде множество плениша казанскихъ же предѣловъ татарскія роды.

Лѣта 6997 (1489) великіи князь Іоаннъ Василевичъ посла на Вятскую землю воеводѣ своихъ князя Данила Щеня да Григорья Морозова с великимъ воинствомъ. Они же, пришедше с воинскими людьми, Вятскіе земли грады взяша и жителей Вятскихъ за великого князя ко крестному дѣлованию приведоша, а наболшихъ лутчихъ Вятскихъ людей з женами і з детми сведше к великому князю к Москвѣ в сведенцы. І великіи князь Іоаннъ Василевичъ вятскихъ князей и наболшихъ людей пожаловалъ, повелѣ жити имъ в Городцѣ, а иныхъ в Бременске розсади, а купецкихъ людей в Дмитровъ посла, и земли имъ даде, а князей татарскихъ повелѣ отпустить на Вятку, во свою ихъ землю, а крамольниковъ смѣртию казни.

Фрагмент «Летописца старых лет» о взятии Вятки в 1489 г.

Города Вятской земли не указаны, но сообщается о взятии Вятских (татарских) князей, которые были отпущены обратно на Вятку.

Аналогичное повествование дано и в «Вятском временнике», «Опыте Казанской истории древних и средних времен...», «Журнале или дневных записках путешествія капитана Рычкова по разным провинціям российского государства в 1769 и 1770 году».

В отличие от региональных летописей во многих летописях ПСРЛ города Вятской земли фигурируют. Так, в «Царственном летописце» Щербатов указал, что в 1459 г. были взяты на Вятке два города — Орлов и Котельнич. Откуда эту информацию князь Щербатов мог взять? Ни в одном рассмотренном нами региональном источнике наименования городов не упомянуты. Но так как уже установлен факт фальсификации, совершенной Щербатовым в отношении трагедии с вятчанами на Волге в 1471 г. в этом же труде, то и в данном случае можно с большой долей уверенности утверждать, что просматривается его метод подачи ложной информации. С учетом имевшихся в его распоряжении данных он как мог, так и встраивал эпизоды событий, произошедших на Вятской земле, и участия вятчан в военных действиях в общую историографию России.

К.

Того же лѣша посылалъ Князь великій рать свою на Вяшку Князя Ивана Юрьевича , да Ивана Ивановича : да Князя Дмитрія Ряполовскаго со мно- гою силою.

К.

Они же шедше взяша два города Орловъ , да Котельничъ : а прочихъ приведоша къ цѣлованію , за великаго Князя : и шако возвратишася на Москву.

Фрагмент с. 369 «Царственного летописца» 1772 г.

Эта информация была подхвачена и в дальнейшем расширена благода- ря упоминанию трех городов, включая Хлынов.

Въ лѣтѣ 6667 , князь великій Иванъ Васильевичъ (а) , посылалъ рать на Вяпку князя Ивана Юрьевича , да съ ними дворъ свой великаго князя , князей и бояръ , и дѣшей боярскихъ , да Усплюжанъ . Они же шедше городки поимали , Котельничъ да Орловъ , а подъ Хлыновъ пришедъ долго стоялъ , и Вепчаня добиша челомъ великому князю , какъ надобъ Государю , на всей его холъ .

Фрагмент с. 143 о взятии Вятки в 1459 г. в «Летописце» (М. 1781)

Здесь сообщается о Котельниче, Орлове и Хлынове. Такая инфор- мация затем повторяется в Симеоновской, Вологодско-Пермской, Хол- могогорской, Никоновской летописях, в Московском летописном своде, Ермолинской летописи, Устюжской (в них упомянут и город Хлынов) и Новгородской летописи по списку П.П. Дубровского.

При следующем взятии Вятки в 1489 г. почти во всех этих летописях ни один город не указан. Сообщается только, что «города вятские поимаша».

В Архангелогородском летописце также упоминаются города Котельнич и Хлынов.

п епископы Русскими. Того же лѣта посылалъ князь великій³⁷ рать свою на Вятку, князя Ивана³⁸ Юрьевича, Ивана Ивановича³⁹, князя Дмитрія Ряполовскаго съ мноюю силою. Они же шедъ⁴⁰ взяша два города, Орловъ да Котельничъ, а прочихъ приведоша къ цѣлованію за великаго князя, и тако возвратишася.

Фрагмент с. 212 о взятии Вятки в 1459 г. в Симеоновской летописи

Тое же весны Юня 11 посылаєт князь великий Иванъ Васильевичъ всея Русіи рать свою на Вятку за ихъ неисправленіе, князя Даниила Васильевича, да Григоріа Васильевича Морозона и иныхъ воеводъ съ многю силою. Они же шедше города поимаша, а самѣхъ Вятчанъ къ плѣвованію праведоша, а Аряпъ къ ротѣ приведоша, а Вятчанъ большыхъ людеи и з женами и з дѣтми изведоша, да и Арьскихъ князеи; и тако възвратилася. И князь великий Вятчанъ земскихъ людеи въ Боровскѣ да въ Кременцѣ посади, да и земли имъ подаєа, а торговыхъ людеи Вятчанъ въ Дмитровѣ посади, а Арьскихъ князеи пожаловалъ князь великий, отпустилъ ихъ свою землю, а коромольниковъ смертью казнилъ. || Того же лѣта мѣсяца Августа

Фрагмент с. 272 о взятии Вятки в 1489 г. в Симеоновской летописи

¹⁴⁸⁹
л. 344 В лето 6997. Князь великий Иванъ Васильевичъ послалъ рать на Вятку, воевод своихъ князя Даниила Васильевича Шеня да Григорія Пошлеву, а с ними силы — москвичи,⁶⁴ и володимерцы, и тверичи, и иных⁶⁵ городов. А у тверичъ воевода Ондрей Коробов да князь Осиф Дорогобуж-
л. 344 об. ской, а у устюжанъ князь Иванъ Иваиновичъ Звенецъ, а у данинъ князь Иванъ Лыко, а у вожанъ и у каргополовъ Юрьѣ Иваиновичъ Шостаѣ.⁶⁶ А царь казанской Махмедъ Бюки по приказу великаго князя послалъ свою рать 700 татаръ, а воевода Уракъ, князь казанской, а москвичи князь плехъ конькии, |
л. 345 а устюжане, и двиняне, и вожане, и каргополоцы, и беловерцы, и вологжане, и вычелжане, и вымичи, и сысолотчи шли в судехъ. Мѣсяца июля в 24 день пришли на память Бориса и Глеба, а мо-
л. 345 об. сковская конная пришла под Котельничъ того же мѣсяца в 30 день, а татарская | мѣсяца августа

в 2 день. А стояла вся сила под Котельничем до Преображеньева дни. А было на Вятке великаго князя силъ ⁶⁷60 тысячъ и 4 тысячи. ⁶⁷ А в Преображеньевъ день пошли к городу Хлынову, а под Хлыновъ пришли августа в 16 день, в неделю, в 3 часъ дни. Вятчани же, | в городе затворилася, л. 346

Фрагмент с. 96 и 97 из Архангелогородского летописца

В строках «Летописца, содержащего в себе российскую историю от 6360/852 до 7106/1598 годы» (М. 1781), как и во всех других летописях «Полного собрания русских летописей», отсутствует упоминание о Вятских татарских князьях, о которых сообщают все региональные источники, но фигурируют города Хлынов и Котельнич¹³. Такие факты могут говорить как о сокрытии важной информации, так и о фальсификации наименований существовавших городов, следовательно, — об искажении достоверных летописных сообщений.

В этом повествовании, как и во всех летописях ПСРЛ, в отличие от региональных источников даны наименования вятских городов, которых еще не существовало в конце XV века. Выявленные автором данной публикации западно-европейские географические карты XVI—VII вв. и факты властвования на Вятке татарских князей это подтверждают и также свидетельствуют о летописной фальсификации.

Князь Щербатов в своей «Истории Российской от древнейших времен» (СПб. 1783, т. IV, ч. II, с. 222—223.) о взятии Вятской земли в 1489 г. также не указывает города Вятской земли и умалчивает о татарских Вятских князьях, несмотря на то, что знал о них из вятских летописей. В отличие от других летописей ПСРЛ он все-таки указал на важную особенность в жизни вятчан — соединение их с татарами. Сообщить читателям о властвовании на Вятке татарских князей, он, конечно, не мог.

Важную роль в понимании древней истории Вятской земли сыграли западно-европейские географические карты XVI—VII вв., которые ранее не были введены в научный оборот.

На карте Г. Меркатора «Европа» (1554) фигурируют главный город Вятка выше устья р. Чепцы, г. Котельнич на р. Чепце и г. Слобода в низовьях реки Вятки. Первые города с русскими наименованиями на Вятке могли возникнуть только вскоре после ее взятия в 1489 году. До этого городов с русскими наименованиями быть не могло. Вятские летописи свидетельствуют, что здесь правили татарские князья, а значит, существовало особое, или опричное¹⁴, Вятское/Нукратское, Каринское/татарское княжество с русским населением и другими коренными народами этого бассейна.

То, что эти города располагались именно так, как они показаны на карте, подтверждают строки австрийского посла Сигизмунда Герберштейна из его книги «Московия»¹⁵. Он дважды был на Руси — в 1517 и 1526 гг. — и путешествовал по великокняжеским землям. Им было указано, что город Котельнич находился на р. Чепце в 8-и нем. милях от ее устья, а город Слобода располагался в низовьях р. Вятки.

В отличие от летописей ПСРЛ карта Г. Меркатора «Европа» (1554) свидетельствует, что на реке Вятке не было ни Орлова, ни Хлынова, ни Котельнича даже после взятия Вятской земли. Названные города возникли позднее — в 1540-х годах. На карте Меркатора «Европа» из его Атласа 1595 г. бассейн р. Вятки находится в составе владений Казанского ханства. Об этом свидетельствует цвет окраски территории. Такие обстоятельства на Вятке сложились во второй половине 1530-х гг., когда казанские войска хана Сафа-Гирея располагались на ее территории¹⁶.

На карте «Azia» 1590 г. Даниэля Келлера отмечен г. Вятка, а в местах нахождения городов Котельнича и Слободы отмечены только маленькие круги без картографических знаков городов. Это свидетельствует об их исчезновении после ухода казанских войск. Отмечен также строящийся г. Орлов, не имевший еще названия. Такое положение сложилось на Вятской земле к 1540 году. На карте «Azia» (1632) Вильяма Блау кроме г. Вятки отмечены исчезнувшие города (Котельнич на р. Чепце и Слобода в низовьях р. Вятки) и Орлов, а также вновь появившийся Котельнич на р. Вятке. Города Хлынова в этот период еще не было. Такая ситуация соответствовала началу 1540-х гг. — после того, как войска Сафа-Гирея покинули бассейн Средней Вятки.

На карте Меркатора «Россия и сопредельные» (1594) из его Атласа 1595 г. появился г. Хлынов ниже устья р. Чепцы. Главным городом продолжал оставаться г. Вятка (выше устья р. Чепцы). Через некоторое время после взятия Вятки административный центр Вятской земли был перемещен в г. Хлынов, а сам г. Вятка был переименован в Слободу.

Скорее всего, подобное переименование этого города и наименование центра Вятской земли Хлынов явилось неким наказанием для данного региона за длительное противостояние великим князьям московским и за то, что вятчане находились в одной связке с татарами.

Здесь уместно представить строки «Царственного летописца» 1722 г., подтверждающие их взаимоотношения: «И пришед к Вятке, начаша вятчанам говорити речию великого князя, чтобы пошли с ними на казанского

царя. Они же рекоша к ним: “Изневолил нас царь и право свое дали есьма ему, что нам не помогати ни царю на великого князя, ни великому князю на царя”. А в ту пору был на Вятке посол казанского царя»¹⁷.

Слова этого летописца «изневолил нас царь» и «был на Вятке посол Казанского царя», а также ранее упомянутые Вятские татарские князья, свидетельствуют о том, что у вятчан не было настоящей вольницы. Они находились в зависимых от татар условиях, о чем писал А.И. Вешто-мов¹⁸.

Одновременное существование городов Хлынова и Вятки подтверждается австрийским послом Сигизмундом Герберштейном (1486—1566) в его работе «Московия», в которой он кроме города Хлынова и других городов на отдельной странице указал и «государеву крепость Вятку»¹⁹. Так он сделал по той причине, что в период его пребывания в Московии главным городом Вятской земли был именно город Вятка. Затем, когда центром региона стал г. Хлынов, Вятка из поля зрения его исчезла. Тем не менее, он ее указал, считая, что этот город должен был существовать.

Об одновременном существовании Хлынова и Вятки свидетельствует и фантомная информация из «Книги большого чертежа». В ней перечислены все города на реке Вятке с Хлыновым и в конце списка упомянут г. Вятка²⁰.

Какой вывод напрашивается из представленной выше информации? Многочисленные выявленные факты, говорящие о том, что на Вятке властвовали Вятские татарские князья, свидетельствуют о невозможности существований городков с русскими наименованиями до 1489 года. Это же подтверждают и Вятские летописи — «Вятский временник» и «Летописец старых лет» — и рассмотренные географические карты западно-европейских картографов. В русских землях в более ранний период в списке городов русских под наименованием Вятка, возможно, понимался не только бассейн реки, но и тюркский (ранее болгарский) город Ну-крат, который русскими людьми назывался Вятка.

Историк А. Н. Насонов (1898—1965), специалист по русским летописям и исторической географии, считал, что «Вятка-край причислен составителем списка к городам»²¹.

На основании вышеизложенного можно с большой уверенностью говорить о том, что все строки летописей ПСРЛ, в которых фигурируют города Котельнич, Орлов и Хлынов применительно к XV в., являются недостоверными, то есть фальсифицированными.

В XVIII в. князь Щербатов или другие «летописцы», работавшие под его руководством, делавшие вставки в многочисленные летописи в соответствии с поставленными целями, должны были вписать иные наименования городов, отличавшиеся от тех, что фигурировали в первоисточниках (возможно тюркские или нелегитимные русские). В зависимости от того, в каком месте текста первоисточника упоминался тот или иной город, «летописцы» вписывали вместо него наименование того города, который находился на этом месте в XVIII веке. Они предполагали, что эти города существовали и в более древние века — не только в XV, но и в XIV. Но они ошиблись, так как Котельнич на Вятке, Орлов и Хлынов появились только в 1540-х годах.

Рассмотренная фальсификация летописных строк производилась, можно сказать, в силу необходимости, при отсутствии должного русского летописного материала и при игнорировании тюркской доминанты в историографии Вятской земли. Фактически сегодня нужно откровенно признать, что здание историографии древнего периода Вятского края было построено на основе мифа — «Повести о стране Вятской» и летописных строках, сформированных историографом России князем Михаилом Михайловичем Щербатовым.

Примечания

1. Софийский временник. М. 1820, ч. 1, с. XI, XIV, XV.
2. ВЕШТОМОВ А. И. История вятчан. Казань. 1908, с. 49; Вятский временник. Вятка. 1905, с. 37; Вятские губернские ведомости. 1866, № 35; Летописец старых лет. Вятка. 1905, с. 22; РЫЧКОВ Н. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям российского государства 1769—1770 гг. СПб. 1770, с. 47—48; ЕГО ЖЕ. Опыт Казанской истории древних и средних времён. СПб. 1767, с. 195.
3. Царственный летописец. СПб. 1772, с. 433.
4. ЩЕРБАТОВ М. М. История Российская от древнейших времен. Т. IV. СПб. 1783, ч. II, с. 61—62.
5. АРТЕМЬЕВА Т. В. Идея истории в России XVIII века. — Философский век. СПб. 1998, № 4, с. 178—179.
6. ИКОННИКОВ В. С. Опыт русской историографии. Т. 2. Киев. 1908, с. 1798—1800.
7. ПЛАТОНОВ С. Ф. Прошлое Русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья. Берлин. 1924, с. 27.
8. Описание изданий, напечатанных при Петре I. М.—Л. 1955.
9. Словарь юридический или Свода Российских узаконений... Ч. 2. М. 1792.
10. Там же.
11. МИЛЛЕР Г. Ф. Объявление предложения, до исправления российской истории... СПб. 1732.
12. Повесть о стране Вятской. Список Вятские губ. ведом. 1866, № 34—35.
13. Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360/852 до 7106/1598 гг. М. 1781, с. 167—169.
14. Софийский временник. М. 1820, ч. 1, с. XI, XIV, XV.
15. ГЕРБЕРШТЕЙН С. Московия. М. 2007, с. 256.
16. МИЛЛЕР Г. Ф. Объявление предложения, до исправления российской истории...
17. Царственный летописец. СПб, 1772, с. 433.
18. ВЕШТОМОВ А. И. Ук. соч., с. 9, 37, 46—47.
19. ГЕРБЕРШТЕЙН С. Ук. соч., с. 271.
20. Книга Большого чертежа. СПб. 1792, с. 227.
21. Государственный архив социально-политической истории Кировской области, ф. 1293, оп. 4, д. 310а, л. 11.

Российско-шведские и российско-норвежские отношения в контексте трансформации образа русского «Другого» в 1905—1914 гг.

О.В. Зарецкая, А.А. Топтунов

Аннотация. В публикации исследуются особенности процесса конструирования и трансформации образов русского «Другого» в Швеции и в Норвегии с учетом их внутри- и внешнеполитического контекстов, а также отношений с Россией в целом в начале XX века. В то же время образы русского «Другого» были связаны с политическими, социальными, экономическими и культурными процессами, которые происходили в этих скандинавских странах в указанный период. Авторы исследования определяют факторы, оказавшие влияние на конструирование образов русского «Другого» и анализируют основные шведские и норвежские дискурсы о России начала XX века.

Ключевые слова: образ русского «Другого», русско-шведские отношения, русско-норвежские отношения, миф «о русской угрозе».

Abstract. The publication is devoted to the features of constructing and transforming the Russian “Other” images process in Sweden and Norway, taking into account the Swedish and Norwegian domestic and foreign policy contexts, as well as relations with Russia as a whole at the beginning of the XX century. At the same time, the images of the Russian “Other” were connected with the political, social, economic and cultural processes that took place in these Scandinavian countries in the specified period. The authors of the article determine the factors that have influenced the design of the Russian “Other” images and analyze the main Swedish and Norwegian discourses about Russia at the beginning of the XX century.

Key words: image of the Russian “Other”, Russian-Swedish relations, Russian-Norwegian relations, myth “about Russian threat”.

Миф о «русской угрозе» в Швеции и Норвегии — сложное, комплексное явление общественной и политической мысли шведского и норвежского обществ XIX—X вв., которое оказало значительное влияние как

Зарецкая Оксана Валерьевна — кандидат исторических наук, заведующая кафедрой Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: o.zaretskaya@narfu.ru; *Топтунов Андрей Алексеевич* — аспирант Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: a.toptunov@yandex.ru.

Zaretskaya Oksana V. — PhD (History), associate professor, head of Department of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. E-mail: o.zaretskaya@narfu.ru; *Toptunov Andrey A.* — postgraduate student of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. E-mail: a.toptunov@yandex.ru.

на отношения этих стран с Россией, так и на их внутреннюю и внешнюю политику. Свидетельства о «русской угрозе» Норвегии (в данном случае под угрозой понимается именно военная экспансия), заключавшейся в гипотетическом захвате незамерзающих североатлантических портов, появившись в 1830-е гг. в рапортах англичан и шведов, окончательно оформились в самой стране к концу первой половины XIX в., в том числе и как часть либерализма и идеологии скандинавизма.

В Швеции первые упоминания о возможной военной агрессии (на Балтике) России также встречаются еще в первой половине XIX в. на волне противодействия «политике 1812 года», однако наивысшее распространение этот миф обрел позже, к 70-м — 80-м гг. XIX в., когда начались серьезные изменения в оборонной политике страны, — среди военной и политической элиты получил распространение социал-дарвинизм, нарастали кризисы внутри шведско-норвежской унии. Однако уже в середине XIX в. англичане и шведы стремились использовать представления о «русской угрозе» Норвегии.

1905 г. можно назвать рубежом в русско-шведских и русско-норвежских отношениях: в этом году произошел распад шведско-норвежской унии, в процессе которого дискуссии о российской политике играли важную роль. Швеция и Норвегия стали иначе понимать свое место среди мировых держав, что было связано со многими изменениями во внутривнутриполитической жизни стран. Поражение России в русско-японской войне заставило шведское военное командование по-иному взглянуть на военный потенциал своего соседа. Отныне русская армия не казалась шведам непобедимой. В докладе начальнику генерального штаба капитан Нильс Эдлунд (Nils Edlund) писал: «Не презрительное отношение к русским, а страх перед ними на целых два века стал нашей бедой»¹. Кроме того, важно учитывать, что начало XX в. для Швеции характеризовалось мощным подъемом экономики, который укрепил уверенность шведов в собственных силах. При этом для шведской стороны снова стала «приоритетной экономической составляющей отношений с восточным соседом»². Вместе со старыми представлениями о России как традиционном враге вернулись и образы России — важного торгового партнера, рынка сбыта товаров для северных торговцев.

Помимо прочего, активные русско-шведские экономические отношения способствовали появлению крайне интересного взгляда на Россию как на отстающую державу. В ходе экономических контактов с русскими на Севере шведские квалифицированные рабочие неоднократно ощущали собственное превосходство, выступали в качестве наставников. Подобные представления можно зафиксировать на протяжении двух первых десятилетий XX века. Так, Хелен Карлбек (Helen Carlback) в своей статье цитирует рассказ шведского рабочего, который описывает, как «прибывшие на Кольский полуостров шведы обучили русских северян»³ навыкам обработки и заготовки леса.

В этом отношении представления о русском народе были довольно оптимистичны. Однако не стоит забывать о тренде восприятия русских, который проявлялся в конце XIX — начале XX вв.: государство и народ в России часто противопоставлялись друг другу. С этим утверждением были связаны новые страхи перед Россией. Среди шведских дипломатов

и офицеров, помимо идей социал-дарвинизма, были популярны «взгляды лорда Солсбери на международную политику как на беспощадную борьбу между “процветающими” и “умирающими” державами»⁴.

Восприятие России как «умирающей» державы утвердилось после начала революции 1905 года. Если до этого Россию представляли как экспансионистскую великую державу, которая готова при необходимости «поглотить» более слабые государства, то после поражения в русско-японской войне и событий первой революции она потеряла прежний статус в глазах людей, занимавшихся политикой безопасности в Швеции. Тем не менее, «умирающая» Россия также могла быть опасна: возможный распад такой огромной державы в непосредственной близости от Швеции мог привести к негативным последствиям. Кроме того, шведские правые опасались проникновения революционных идей. В свою очередь, шведские социал-демократы и либералы видели в деятелях русской революции героев, сражающихся с царизмом. В связи с этим многие из них получили убежище в Швеции, к примеру, там несколько раз бывал В.И. Ленин.

В Норвегии после обретения страной независимости в 1905 г. начался процесс государственного строительства. Молодому государству было необходимо решить вопросы, связанные с проблемами безопасности, установлением гарантий независимости, утверждением статуса нейтрального государства, укреплением суверенитета над национальной территорией и ближайшими акваториями. В этой связи у Норвегии в плане возможной внешней угрозы возникли опасения, связанные с гипотетической деятельностью ряда держав. Во-первых, опасения вызывали возможные реваншистские амбиции Швеции. Во-вторых, существовало понимание того, что возможная «война на море между Великобританией и Германией»⁵, безусловно, затронет ее интересы.

Баланс сил в Северной Европе закрепил договор о целостности Норвегии, заключенный в 1907 году. Согласно этому договору, великие державы гарантировали территориальную целостность этого государства. Первоначально Норвегия планировала заключить договор, чтобы в случае необходимости объединиться со Швецией и Данией для совместной защиты нейтралитета (первым норвежским королем стал датский принц Карл под именем Хокон VII). Это было невыгодно России, политика которой была направлена на недопущение панскандинавского союза из-за опасения, что он будет проводить прогерманскую политику. Окончательный вариант договора был выгоден России, поскольку это соглашение препятствовало сближению Норвегии со Швецией, а также могло предупредить английское влияние на Норвегию.

Норвежский историк Йенс Петер Нильсен (Jens Petter Nielsson) писал, что после обретения независимости норвежское отношение к России можно охарактеризовать как «бьернсонское»: «нужно выказать России доверие и установить с этой страной хорошие отношения, чтобы таким образом остановить ее экспансионистские тенденции»⁶. Тем не менее, определенные проблемы в русско-норвежских отношениях того периода были связаны с процессом делимитации морских границ в арктическом регионе. Многие норвежцы зарабатывали за пределами национальных границ: это касалось традиций рыбной ловли, китобойного и тюленьего промыслов. В связи с этим Норвегия стремилась распространить свой

суверенитет на некоторые островные арктические территории, а также заботилась о защите границ своих территориальных вод. В этой области столкновение интересов Норвегии и России приводило к конфликтам, разрешение которых оказывало влияние на отношения двух государств.

Например, определенные разногласия, связанные с действиями норвежских промысловиков, вызывала проблема Новой Земли. В 1908 г. А.Н. Крупенский, российский посол в Норвегии, прокомментировал в письме министру иностранных дел А.П. Извольскому ситуацию с объявлением шкиперским обществом г. Тромсё северной части Новой Земли «ничейной землей». Он отметил, что это было сделано с целью «закрепить за норвежскими зверобоями право промысла на Новой Земле»⁷. Позиция России по этому вопросу была непоколебимой: таких зверобоев Крупенский называл браконьерами. Позже Норвегия признала, что Новая Земля является частью Российской империи.

Экономические контакты на Севере и связанные с ними неизбежные противоречия также оказывали влияние на восприятие России. В декабре 1910 г. в «Новом времени» — общественно-политической газете, которая издавалась в Санкт-Петербурге, появилась статья под названием «Север и его промышленные богатства». Основное содержание этого текста можно свести к следующему: норвежцы, которые вели рыбный промысел у берегов Мурмана, обвинялись в браконьерстве и даже в пиратских нападениях на поморские суда. Эта статья вызвала серьезное возмущение в норвежской печати, при этом не последнюю роль в этом процессе сыграл Олаф Брок (Olaf Broch), который перевел ее на норвежский язык.

Кроме того, на страницах «Aftenposten» Брок как патриот Норвегии выступил с критическим замечанием по поводу этой статьи. Он писал: «Дело ведется так, что есть основание опасаться, что за этими возбуждающими обвинениями скрываются планы более обширных размеров» (1911). В анонимной статье, которая была опубликована в «Aftenposten» через несколько дней после публикации Олафа Брока, прямо говорилось, что «выпад русской газеты представляется одним из явлений, которые в последнее время имели место во всей области могущественного государства, обращенной к северо-западу» (1911). Делался вывод, что Россия снова обратила свой взор на Запад и под прикрытием протекционистских законов может начать экспансию на этом направлении.

На этом моменте стоит остановиться подробнее. Как уже отмечалось, Брок во многом идеализировал русский народ и при этом критиковал государство. Как профессиональный славист он неоднократно отмечал, что среди политических деятелей России очень мало русских фамилий. В революции 1905—1907 гг. Брок видел надежду для русского народа, однако после того как революционное движение пошло на спад, он критиковал возвращение к «старому режиму», поскольку это не решало тех проблем, которые ярко обозначились в ходе революции. Публикация в «Новом времени» еще раз убедила Брока в том, что к правительству Российской империи следует относиться настороженно.

Еще в одной анонимной статье, опубликованной в «Aftenposten», также содержатся интересные рассуждения по поводу русско-норвежских экономических связей: «Если же промысел русский поднялся, то настоящим положением его они обязаны норвежским рыбакам, которые в свое

время на частный русский счет были приглашены в качестве инструкторов по части рыбного промысла» (1911). Эта позиция частично соотносится со шведскими представлениями о «цивилизаторской миссии» в России. По мнению автора статьи, русские могут перенимать зарубежный опыт, но при этом не испытывают должного чувства благодарности за полученные знания и готовы направить их против своих «учителей».

Можно согласиться с мнением, что эти события стали первым «дипломатическим кризисом»⁸ в двусторонних русско-норвежских отношениях. Для самого Брока ситуация грозила утратой прямых связей с Россией. Есть свидетельства того, что министр иностранных дел Норвегии Иргенс (Irgens) неоднократно обсуждал этот вопрос с представителями российской миссии в Христиании⁹. В конечном итоге для Брока этот инцидент закончился благополучно, однако он свидетельствовал о том, что в русско-норвежских отношениях начала XX в. существовали определенные противоречия.

Стоит учитывать и другие внешнеполитические факторы. Как уже отмечалось, Швеция ориентировалась на союз с Германией. В то же время, хотя первоначально между Россией и Германией даже было заключено соглашение о «поддержании статус-кво на Балтике»¹⁰, к 1908 г. в Европе оформились две противоборствующие коалиции: Тройственное согласие (Англия, Франция и Россия) и Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия и Италия), что лишило основания предыдущие договоренности между Россией и Германией. Это противостояние «с течением времени все больше оказывало влияние на характер российско-шведских отношений»¹¹.

В связи с этим МИД России к 1911 г. сформулировал задачу: «Не допустить ее [Швеции] втягивания в союз с Германией»¹². За этот союз ратовали правые политические силы Швеции (к ним примыкала большая часть аристократии, военного командования, духовенства).

В Швеции в этот период политическое противостояние правых и либеральных политических сил привело к победе последних. С этим связывают начатую консервативными политиками патриотическую агитацию, в которой центральное место снова занимал образ «русской угрозы», что было связано с необходимостью мобилизации населения и укрепления своих собственных политических позиций.

В данном контексте примечателен факт написания Свенем Хедином (Sven Hedin) своей самой знаменитой работы — памфлета «Слово предупреждения». Хедин являлся сторонником усиления обороны Швеции и понимал необходимость создания образа внешней угрозы. К тому же он был очень популярен даже среди студентов: памфлет был опубликован в 1912 г. миллионным тиражом (стоит отметить, что население Швеции на этот момент составляло «приблизительно пять с половиной миллионов человек»)¹³. Также он вышел и на других языках, в частности, пользовался популярностью перевод памфлета на немецкий.

В своей работе Хедин указывал соотечественникам на ту опасность, которую представляет для Швеции Россия, уже два столетия стремившаяся «пробиться» к мировому (т. е. Атлантическому) океану и для достижения своей цели не желавшая останавливаться перед прямой оккупацией Швеции. Заявления, сделанные в памфлете Хедином, пали на благодат-

ную почву. Безусловно, содержание памфлета представляло собой идеологическую конструкцию. В зависимости от того, какую цель ставит перед собой автор, он подбирает нужные факты, образы, изобразительно-выразительные средства. Однако в результате этого отбора остаются «лишние» для автора детали, что свидетельствует о том, что в памфлете конструировалось особое пространство восприятия России.

Свен Хедин использовал хорошо известные исторические факты — борьбу Петра I со шведами на Балтике и потерю Швецией Финляндии в 1809 году. Тем самым автор апеллировал к той части шведской истории, которая напоминала большинству населения о великом прошлом страны и вызывала негативные эмоции, связанные с Россией. При этом Хедин обходил стороной различные позитивные моменты русско-шведских отношений, например, сотрудничество в сфере экономики и культуры. Кроме того, автор, описывая будущую оккупацию Швеции, использовал уже более «приземленные» картины, близкие повседневной жизни шведов начала XX столетия¹⁴. Например, столичное кафе «Ригсбергс бар» превратили в харчевню для русских офицеров, а в парке Кунгдstrandгарден казаки устроили постой для своих лошадей.

Если попробовать поставить себя на место шведского офицера, дворянина, который хорошо знает свою родословную, вхож в высшее стокгольмское общество, то эти картины приобретают большее значение. В данном случае речь идет о конкретной, повседневной ситуации. Читатель мог достаточно просто соотнести окружающую действительность и описание в памфлете и сделать соответствующие выводы. Несмотря на то, что описанные в памфлете картины могут показаться невинными, «если даже не идиллическими»¹⁵, его содержание пользовалось большой популярностью: Свен Хедин совершил своеобразный тур по Швеции с публичными выступлениями.

В большей степени эта работа была ориентирована на шведского читателя, однако, представления о «русской угрозе» в самой Норвегии продолжали существовать, основываясь скорее на неких неопределенных чувствах (вызванных в том числе и активностью пропаганды шведских правых), а не на наличии действительной опасности вторжения. Показательно, что норвежцы даже не пытались укрепить оборону на русско-норвежской границе. Тем не менее, Игнатий Иванович Бурков, архангельский крестьянин, занимавшийся обеспечением морских перевозок между Россией и Норвегией, испытал серьезные трудности с организацией собственного предприятия, поскольку «консула всерьез беспокоила реакция норвежских судовладельцев на появление русского конкурента и возможные спекуляции на тему “русской угрозы”»¹⁶.

Стоит отметить, что основы внешней политики, которую проводила Норвегия в первые годы независимости, можно кратко изложить следующим образом: «изоляциялизм в отношении международной силовой политики в сочетании с активным отстаиванием интересов в сферах торговли и судоходства»¹⁷. Противостояние между Антантой и Тройственным союзом, предчувствие большой войны — все это вызывало страхи в норвежском обществе.

В связи со «Словом предупреждения» Хедина, а также в условиях борьбы между различными политическими силами, в Скандинавских

странах развернулась широкая полемика. В норвежских газетах появились свидетельства о том, что памфлет «Слово предупреждения» используется с целью ускорить сбор средств на строительство «военных кораблей»¹⁸ в Швеции. С другой стороны, усиление международных противоречий заставило норвежцев снова высказывать опасения по поводу «военных приготовлений России в Финляндии» (1913), в связи с чем Министерству иностранных дел России пришлось выступить с опровержением.

Хедин пытался оспорить обвинения в том, что он использует «русскую угрозу» для достижения политических целей. Он писал: «Мы, шведы, никогда не жили во враждебных отношениях с норвежцами» (1913). Хедин старался убедить читателей, что «Слово предупреждения» не является попыткой каким-то образом повлиять на поведение норвежцев. К слову, Олаф Брок обвинял Хедина в том, что он «не сделал ничего, кроме вреда» (1914) в отношениях между Швецией, Норвегией и Россией. В самой Норвегии работа Хедина не была распространена так, как в Швеции, и подвергалась критике, например, «министром иностранных дел Нильсом Иленом»¹⁹. Интересно, что в 1914 г. Илен обсуждал выступление Хедина в одном из студенческих клубов с посланником России в Христиании — С.В. Арсеньевым. Решение студентов пригласить Хедина для выступления Илен назвал «бестактным». Также он подчеркнул, что «Норвегия желает остаться нейтральной и весьма дорожит интегритетом своей территории»²⁰, и ни в коем случае не будет вступать в союз со Швецией.

В качестве противника идей Свена Хедина также выступал Фритъоф Нансен (Fridtjof Nansen) В 1914 г. была опубликована его книга «Gjennem Sibirien», в которой он обобщил опыт поездки в Сибирь, а также поделился своими впечатлениями о России. Важно отметить, что Нансен также включал Россию в сферу общей европейской культуры и политики. Кроме того, Россия, с его точки зрения, являлась «защитой от потенциально расширяющегося Китая»²¹, который представлял собой мир Азии и мог являться перспективной угрозой для Европы. Нансен воспринимал Сибирь как своеобразный «клондайк», экономические возможности которого «помогут распространить европейскую цивилизацию»²² дальше на Восток.

В конечном итоге, в Швеции, несмотря на постепенно ухудшавшуюся репутацию России в глазах общества («после еврейских погромов, ... нового покушения на финляндскую автономию»²³), представления о «русской опасности» стали ослабевать. Это было связано с тем, что, по мнению шведских военных и политиков, внимание России в дальнейшем будет направлено на Балтику, где у Швеции традиционно сильные позиции. К тому же шведская армия, спустя десятилетия политической борьбы за усиление обороны, наконец вышла на качественно новый уровень — были созданы разведывательные сети, в том числе и в Петербурге, что способствовало изменению представлений шведов о самих себе: они снова воспринимали себя как значительную силу в регионе, а не вечную «жертву мировой политики»²⁴. В шведской истории начал возрождаться миф о своеобразной исторической миссии шведов — защите европейской культуры на Балтике, в частности, от влияния России.

В годы первой мировой войны Швеция не вступила в войну против России, несмотря на то, что шведское общество оказалось расколотым²⁵ на «активистов» и пацифистов. «Активисты» — сторонники вступления Швеции в войну против России — представляли консервативное дворянство, военные круги, духовенство. Интересно то, что среди этого движения не было единого мнения по поводу целей возможной войны. Среди них назывались возвращение Финляндии, образование в Скандинавии (безусловно, под руководством Швеции) Северного союза государств. Всех «активистов» объединяло убеждение в необходимости конфронтации с Россией, поскольку именно она представляла главную угрозу для безопасности Швеции, что полностью соотносилось с идеями Рудольфа Челлена и Свена Хедина. Чтобы воздействовать на общественное мнение, «активисты» продолжали использовать представления о «русской угрозе». Однако несмотря на все усилия, влияние «активистского» движения в Швеции было слабым.

С началом войны Норвегия объявила о своем нейтралитете. Тем не менее, учитывая, что в ходе войны Россия выступала в качестве союзника Англии, отношение к ней в Норвегии были весьма доброжелательным. Определенные опасения вызывало строительство Мурманской железной дороги, которое в шведской «активистской» печати называли свидетельством наличия у России агрессивных планов в отношении Норвегии. Представления о «русской угрозе» Норвегии были явлением, с которым Россия в ходе войны была вынуждена считаться. Поэтому неудивительно, что Российское военное командование, опасаясь роста прогерманских настроений в Швеции и Норвегии, фактически спонсировало издание брошюры (в количестве 30 000 экз.) «Ответ на “Слово предостережения” Свена Хедина», написанной инженером путей сообщения Николаем Борисовичем Емельяновым. В этой работе автор пытался ликвидировать весь тот «ущерб, который нанес России Хедин своими неоправданными обвинениями»²⁶, и показать, что Хедин спонсировался прогермански настроенными шведскими политиками.

Новый российский посланник в Христиании Н. К. Гулькевич планировал содействовать проведению новой политики МИДа по отношению к Норвегии, которую он называл «русским делом в Норвегии». Смысл заключался в реализации планов «долговременного политического и экономического сближения России с Норвегией»²⁷, в том числе и в послевоенный период. Гулькевичу удалось заручиться поддержкой Олафа Брока (который позже станет его близким другом); кроме того, учитывая пропаганду военного времени, посланник планировал воздействовать на общественное мнение Норвегии в пользу России. В первую очередь, это касалось развенчания мифов вокруг Мурманстройки, с целью указать на «политическую недобросовестность шведов»²⁸. Тем не менее, отголоски представлений о «русской угрозе» все еще продолжали ощущаться в норвежском обществе, и последний их всплеск можно отнести к моменту начала мировой войны, когда ряд прогермански настроенных норвежских политических деятелей испытал «новый страх перед русской экспансией»²⁹. Однако следует понимать, что эти страхи были связаны с ведением боевых действий в рамках большой коалиционной войны.

Таким образом, несмотря на распад шведско-норвежской унии, можно проследить наличие определенного взаимного влияния на восприятие России в этих странах. Тем не менее, именно внутренняя «повестка дня» играла ключевую роль в формировании и поддержании существования стереотипов восприятия России. Внутриполитическая борьба в Швеции, выстраивание новой идеологии внешней политики в Норвегии, тенденции общественного и экономического развития включали в себя разнообразные образы русского «Другого». Начавшаяся первая мировая война актуализировала как страхи в отношении России, так и надежды, связанные с невмешательством великих держав в дела нейтральных государств. Однако начало «революционного года» в России серьезно повлияло на трансформацию ее образов в Швеции и в Норвегии.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18—09—00734А «Фундаментальные проблемы международного сотрудничества в сфере образования и науки в Арктическом регионе в XX—XI вв.»

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18—09—00734 A Fundamental problems of international cooperation in the field of education and research in the Arctic region in XX—XI centuries.

1. АСЕЛИУС Г. Зеркало русской угрозы. — Родина. 1997, № 10, с. 108—112.
2. ТАБАРОВСКАЯ К. А. Российско-шведские отношения накануне Первой мировой войны (1905—1914 гг.). Политический, экономический, военный аспекты. По материалам российских архивов: автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 2009, с. 207.
3. CARLBACK. H. Svenskar i Ryssland — svenskhet i Ryssland. Manniskan i historien och samtisen. Festskrift till Alf. W. Johansson. 2000, s. 75—76.
4. ÅSELIUS G. The “Russian menace” to Sweden: the belief system of a small power security élite in the age of imperialism. Stockholm. 1994, p. 408.
5. РИСТЕ У. История внешней политики Норвегии. М. 2003, с. 107.
6. НИЛЬСЕН Й. П. Старая Россия и новая Норвегия (1905—1917): соседство без страха? В кн.: НИЛЬСЕН Й. П. Страх и ожидания: Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск. 1997, с. 22.
7. Деша посланника в Христиании С. В. Арсеньева от 24 марта/6 апреля 1914 г. министру иностранных дел С. Д. Сазонову о беседе с министром иностранных дел Н. К. Иленом по поводу лекции, прочитанной Свенем Хедином в университете норвежской столицы и о позиции норвежского правительства в этой связи. В кн.: «Старая» Россия и «новая» Норвегия: Российско-норвежские отношения (1905—1917). М. 2014, с. 39.
8. НИЛЬСЕН Й. П. Новая Земля — «ничейная» земля? В кн.: Народы и культуры Баренцева региона. Тромсё. 1996, с. 4—17
9. Из депеши секретаря российской миссии в Христиании И. Г. Лорис-Меликова от 31 января/13 февраля 1911 г. с указанием на роль проф. Олафа Брока в публикации недружественных к России выступлений норвежских газет и подстрекательстве их со стороны шведской и английской печати. В кн.: «Старая» Россия и «новая» Норвегия: Российско-норвежские отношения (1905—1917). М. 2014.
10. КАН А. С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М. 1999, с. 107.
11. ТАБАРОВСКАЯ К. А. Ук. соч., с. 4.
12. Aftenposten. 1911. 12 januar.
13. КОВАЛЕНКО Г. М. Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликты. М. 2010, с. 91.
14. HEDIN S. Ein Warnungsruf. Leipzig. 1912, p. 23—31.
15. АСЕЛИУС Г. Ук. соч., с. 108.
16. ДАВЫДОВ Р. А. Миф о русской угрозе Северной Норвегии и его влияние на мероприятия властей Российской империи в Евро-Арктическом регионе (вторая половина XIX —

- начало XX в.). В кн.: Империи и империализм Нового и Новейшего времени: сб. статей. СПб. 2009, с. 364.
17. РИСТЕ У. Ук. соч., с. 116.
 18. Aftenposten. 1912. 25 Mai.
 19. РИСТЕ У. Ук. соч., с. 107.
 20. Деша посланника в Христиании С.В. Арсеньева от 24 марта/6 апреля 1914 г..., с. 181.
 21. NANSEN F. Gjennem Sibirien. Christiania. 1914, s. 76.
 22. ELSTAD I.S. Russlandbilder: En analyse av Fridtjof Nansens og Olaf Brochs idéer om Russland, 1902—1929. Masteroppgave i historie. Universitetet i Tromsø. 2016, s. 68.
 23. КАН А.С. Ук. соч., с. 181.
 24. АСЕЛИУС Г. Ук. соч., с. 110.
 25. НОВИКОВА И.Н. «Между молотом и наковальней»: Швеция в германо-русском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб. 2006.
 26. Emeljanoffn. Rysslands framträngande till Atlanteroch De Rysk. — Svenska relationernas framtid. Svarpå "Ettvarningsord" af Sven Hedin. Helsingfors. 1915.
 27. КАРЕЛИН В.А. Профессор Олаф Брок — «агент» русского влияния в Норвегии? (из истории русско-норвежских культурных и общественно-политических связей начала XX столетия). — Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1, с. 5—13
 28. Письмо российского посланника в Христиании К.Н. Гулькевича от 13/26 мая 1916 г. товарищу министра иностранных дел В.А. Арцимовичу о предполагаемых способах влияния дипломатической миссии на общественное мнение Норвегии в пользу России. В кн.: «Старая» Россия и «новая» Норвегия... с. 234.
 29. НИЛЬСЕН Й.П. Старая Россия и новая Норвегия (1905—1917): соседство без страха? В кн.: Страх и ожидания: Россия и Норвегия в XX веке. Архангельск. 1997, с. 19.

История создания и деятельности Лиги Наций

А. В. Бегичев, А. А. Галушкин, А. В. Звонарёв,
В. А. Шестак

Аннотация. Созданная после первой мировой войны Лига Наций стала новым органом в мировой дипломатической практике, основной целью которого было не допустить повторения разрушительной войны. Несмотря на то, что Лиге Наций не удалось решить многих проблем, она положила начало международному сотрудничеству ради устранения конфликтов и установления мира. Авторами рассматриваются предпосылки создания Лиги Наций и основные направления ее деятельности. Анализируются главные достижения и роль организации в дальнейшем развитии международного сотрудничества и создании международных организаций.

Ключевые слова: международное право, международные организации, Лига Наций, история Лиги Наций, история международного права.

Abstract. The League of Nations, created after the First World War, became a new body in the world diplomatic practice, the main goal of which was to prevent the recurrence of a destructive war. Despite the fact that the League of Nations failed to solve many problems, it marked the beginning of international cooperation to eliminate conflicts and establish peace. The authors consider the prerequisites for the creation of the League of Nations and the main directions of its activities. The main achievements and the role of the League of Nations in the further development of international cooperation and the creation of international organizations are analyzed.

Key words: international law, international organizations, League of Nations, history of the League of Nations, history of international law.

Война является преступлением не только против непосредственной жертвы, но и против всего человеческого сообщества. Соответственно, право и обязанность всех государств присоединиться к движению по предотвращению этого явления. Такие утверждения могли быть найдены в трудах философов или моралистов, но никогда прежде не входили в сферу практической политики. Считалось, что не существует естественного или высшего закона, по которому можно было бы судить или ограничивать права суверенных государств, в том числе, право на войну. Многие атрибуты Лиги Наций были разработаны на основе существовавших учреждений или проверенных временем предложений о реформе предыдущих дипломатических методов. Однако катализатором ее создания послужила первая мировая война 1.

Конференция смогла подготовить документ, который был назван Пактом Лиги Наций. Этот текст был опубликован в виде черновика 14 февраля 1919 года. Он подвергался критике, особенно в Соединенных Штатах, а также со стороны некоторых европейских деятелей. Но в целом данный

документ был встречен хорошо. 28 апреля 1919 г. единогласным решением на конференции был принят окончательный исправленный вариант текста. Пакт оказался четким и кратким документом из 26 статей. Первые семь статей заложили конституционную основу новой системы. Первая статья определила первоначальных членов Лиги, которыми стали все страны, подписавшие Союзные договоры о мире, и те 13, которые оставались нейтральными в годы войны, если они решили присоединиться к Пакту. Другие могли быть приняты большинством в две трети голосов членов Ассамблеи, и любой член мог выйти после уведомления об этом за два года.

Лига быстро превратилась в большую и сложную структуру. Ассамблея и Совет, действуя либо в соответствии с условиями Пакта, либо по своей собственной инициативе, определили характер, членский состав и компетенцию остальных главных органов и учреждений Лиги, руководили их работой и обеспечивали их бюджет. Ассамблея состояла из одного-трех делегатов от каждой страны-члена. Многие страны также направили большое количество заместителей и экспертов. Создатели Пакта ожидали, что Ассамблея будет собираться раз в три или четыре года, но на ее первой сессии в 1920 г. было решено заседать каждый сентябрь. Сессия начиналась с общего обсуждения работы, проделанной в прошлом году или запланированной на следующий. Эта дискуссия часто затрагивала проблемы, которые, по мнению спикера, должны решать члены Лиги. Каждая делегация была представлена в каждом комитете, которые проводили свои заседания публично. Решения, принятые в комитете, обычно одобрялись на пленарном заседании Ассамблеи. Для этого требовалось единодушное решение. Таким образом, теоретически любой участник мог наложить вето на любое решение. На практике такие ситуации были чрезвычайно редкими. Тот, кто не был согласен с предложениями большинства, голосовал против них в комитете и таким образом

Бегичев Александр Валерьевич — доктор юридических наук, доцент, профессор ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)». E-mail: begichev100@mail.ru; *Галушкин Александр Александрович* — кандидат юридических наук, профессор РАО, проректор по научной работе АННИО «МИИГУ им. П.А. Столыпина», директор НОЦ «Правовые исследования» ФГАОУ ВО «Российского университета дружбы народов». E-mail: alexander.galushkin@yandex.ru; *Звонарёв Андрей Владимирович* — кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Юридического института ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет». E-mail: ZvonarevAV@mgpu.ru; *Шестак Виктор Анатольевич* — доктор юридических наук, доцент, профессор ФГАОУ ВО «Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России». E-mail: shestak.v.a@mgimo.ru.

Begichev Alexander V. — doctor of Laws, associate professor of Kutafin Moscow State Law University. E-mail: begichev100@mail.ru; Galushkin Alexander A. — doctor of Philosophy (Law), professor, vice-rector for Science of the Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, director of the Legal Studies Center of the RUDN University. E-mail: alexander.galushkin@yandex.ru; Zvonaryev Andrey V. — doctor of Philosophy (Law), associate professor, deputy director of the Law Institute of Moscow City Pedagogical University. E-mail: ZvonarevAV@mgpu.ru; Shestak Victor A. — doctor of Laws, associate professor, professor of the MGIMO-University of the MFA of Russia. E-mail: shestak.v.a@mgimo.ru.

зафиксировав свое мнение, воздерживался от голосования в Ассамблее. Ассамблея обсуждала все направления деятельности Лиги. Несколько вопросов, таких как прием новых членов или пересмотр устаревших договоров, были специально зарезервированы для Ассамблеи. Кроме того, она с самого начала настаивала на том, чтобы быть единственным органом власти в отношении бюджета.

По общему мнению, Ассамблея была самым успешным и самым оригинальным из многих нововведений Лиги. Это была всемирная конференция, на которой обсуждались все вопросы международных отношений. Она давала равные права и возможности быть услышанными всем державам, большим или малым, и стремилась сознательно следовать открытым и прямым методам работы парламента, а не формальностям дипломатического собрания.

Совет первоначально должен был состоять из пяти великих держав — Соединенных Штатов, Великобритании, Франции, Италии и Японии — в качестве постоянных членов, а также четырех стран, избираемых Ассамблеей на ограниченные периоды времени. Ожидалось, что когда-нибудь Германия и США смогут стать постоянными членами и что непостоянный членский состав может быть соответственно увеличен. Однако Соединенные Штаты в Совет не вошли, а число избранных членов было увеличено до шести в 1922 г. и до девяти в 1926 г., так что предполагаемое большинство великих держав так и не было реализовано 3.

После первого года, когда Совет собирался почти каждый месяц, его заседания стали проходить три или четыре раза в год, хотя только в 1923 г. было официально решено проводить заседания в фиксированные даты в марте, июне, сентябре и декабре каждого года. Совет также собирался на специальные сессии, когда это было необходимо. В первые годы его членов обычно представляли либо высшие государственные деятели, которые отошли из активной политики, как, например, Артур Бальфур или Леон Буржуа, либо профессиональные дипломаты. В 1923 г. европейские страны начали посылать своих министров иностранных дел на каждую встречу, что значительно повысило авторитет и важность Совета. Это продолжало быть обычной практикой до последних дней Лиги 4.

Основным делом Совета была политика. Он занимался не только крупными спорами, которые могли угрожать миру, но и бесчисленными мелкими проблемами, возникающими в результате подписания мирных договоров или возложенными на него соответствующими государствами. Это могли быть проблемы приграничной перестройки; споры, возникающие в связи с пограничными инцидентами или обвинениями в неправомерных действиях, совершенных в отношении этнических меньшинств; проблемы, связанные с конкретными районами постоянной напряженности, такими как Данциг (ныне Гданьск) или территория Саара, где договорные соглашения возлагали административные или арбитражные решения на комитеты, занимающиеся, например, разоружением. В любом споре, который мог привести к разрыву, голоса заинтересованных сторон не учитывались.

При организации Секретариата сэр Эрик Джеймс Драммонд, первый генеральный секретарь (1919—1933), выбрал совершенно новый путь. Он сумел создать строго международный институт, где все должностные

лица обязаны были действовать независимо от своих национальных властей. Если этот идеал не всегда воплощался в жизнь, то все равно он определял позицию Секретариата в целом, и он никогда не обвинялся в пристрастности на национальной почве. Что касается его эффективности, то Секретариат рано достиг высокого уровня и поддерживал его. Несмотря на предсказания об обратном, должностные лица из разных стран смогли работать вместе, и Секретариат по праву гордился своим корпоративным духом, как любая национальная служба. Однако его работа и деятельность Лиги в целом были ограничены отсутствием средств. На каждом собрании члены Лиги, особенно самые богатые, прилагали целенаправленные усилия, чтобы сократить свои расходы. Средний годовой бюджет Лиги, Международной организации труда и объединенного постоянного суда составлял менее 5500 долл. США. Это покрывало не только текущие расходы, но и капитальные затраты, включая строительство Великого Дворца Наций, которое было завершено в 1937 году. Противники Лиги смогли навязать легенду, что это было дорогое и экстравагантное учреждение.

Ассамблея, Совет и Секретариат являлись центральными органами обширной структуры вспомогательных учреждений, подразделявшихся на две основные категории: юридического или политического характера, созданные для оказания помощи Лиге в ее деятельности по предотвращению напряженности и урегулированию споров; и социального или экономического характера, чьи советы часто запрашивались в связи с политическими спорами, но основная функция которых заключалась в организации и расширении международного сотрудничества в социальных и экономических вопросах.

Основными органами первой категории были: Постоянный суд международного правосудия, Постоянная комиссия по мандатам, комитеты Совета по меньшинствам и комиссии, занимающиеся военными вопросами и проблемами разоружения.

Во второй категории наиболее важными органами являлись, помимо Международной организации труда, административно являвшейся частью Лиги, но в остальном автономной, Экономическая и финансовая организация, Организация связи и транзита, Организация здравоохранения и Организация интеллектуального сотрудничества. К ним следует добавить тех, кто занимался более строго гуманитарными вопросами: ограничением международной торговли наркотиками, защитой женщин, благополучием детей, отменой рабства и проблемой беженцев. Некоторые из них сами по себе были сложными организациями, состоявшими из регулярных конференций, постоянного комитета и многочисленных подкомитетов по специальным предметам. Эти органы проделали огромную работу в форме заключения генеральных соглашений и договоров, предоставления консультаций и помощи конкретным странам или регионам, либо обмена идеями и методами.

Все 20 лет активного существования Лиги можно разделить на четыре периода 5:

1. 1920—1923 гг., период роста, в течение которого Лига расширила свое членство и создала механизм деятельности, но мало интересовалась основными политическими проблемами того времени;

2. 1924—1931 гг., от начала примирения в Европе до японской агрессии в Маньчжурии, период относительной стабильности;

3. 1931—1936 гг., от маньчжурской войны до победы Бенито Муссолини в Эфиопии и формирования оси Рим-Берлин, периода конфликта, в течение которого Лига была главным центром международных отношений;

4. 1936—1939 гг., период поражения Лиги, во время которого Пакт фактически больше не соблюдался.

Безусловно самым тяжелым периодом работы стали 1936—1939 годы. В марте 1936 г. Гитлер денонсировал Локарнский пакт. В октябре 1936 г. Италия и Германия образовали так называемую ось Рим-Берлин, и вскоре к ним присоединилась Япония. Все трое были настроены против Лиги. Многие члены организации стали заявлять, что они больше не считают себя связанными обязательствами по Пакту 6.

Хотя в этот последний период своей деятельности органы Лиги продолжали собираться как и прежде и выполняли некоторые полезные задачи, основные международные проблемы уже решались за пределами организации. В условиях быстрой череды кризисов — гражданской войны в Испании, вторжения Японии в Китай, аннексии Австрии, Чехословакии и Албании — упоминание Лиги было простой формальностью или же не происходило вовсе. Когда в сентябре 1939 г. разразилась вторая мировая война, в Лиге уже не звучало никаких призывов. В декабре 1939 г. Финляндия обратилась с ходатайством о помощи против советской агрессии, и Ассамблея организовала такую помощь Финляндии, как могла. Совет объявил об исключении СССР из Лиги.

Во время войны никаких заседаний Совета или Ассамблеи не проводилось. Благодаря усилиям США и Канады продолжалась экономическая и социальная работа Лиги, но в ограниченных масштабах, а ее политическая деятельность была прекращена.

Когда в последние годы войны лидеры союзников начали составлять планы создания будущей международной организации, они отвергли любую идею возрождения Пакта. Этот документ еще номинально действовал, когда была создана Организация Объединенных Наций (24 октября 1945 года). Через шесть месяцев Ассамблея собралась в Женеве в последний раз. Полномочия и функции, возложенные на Лигу многими договорами, были переданы новой организации, унаследовавшей ее материальные блага, включая Дворец Наций. 19 апреля 1946 г. существование Лиги было официально прекращено.

Примечания

1. АКЧУРИНА О.С. Рождение идеи Лиги Наций в Великобритании. В кн.: АКЧУРИНА О.С., ДЕМИДОВ С.В. Направления и формы гуманитаризации высшего образования: межвуз. сб. научных трудов. Вып. 3. Рязань. 2013, с. 26—33.
2. Версальский мирный договор. Полный перевод с французского под редакцией Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. М. 1925, с. 7—15; Мирный договор между Союзными и Объединившимися державами и Германией (Версальский договор) (Подписан в г. Версале 28.06.1919).

3. АКЧУРИНА О.С. Движение в поддержку идеи Лиги Наций в США и Великобритании в годы Первой мировой войны. — Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015, № 11—1 (61), с. 13—18.
4. ROSKILL S. *Naval Policy Between the Wars: 2 vols. Vol. 1. The Period of Anglo-American Antagonism, 1919—1929.* N. Y. 1968.
5. ХОДНЕВ А.С. К 90-летию Версальского мира и создания Лиги Наций. — Преподавание истории в школе. 2009, № 6, с. 40—43.
6. ROBBINS, K.G. *The Abolition of War: The Peace Movement in Britain, 1914—1919.* Cardiff. 1976.

Проблемы дипломатического перевода в русско-калмыцко-казахских отношениях середины XVIII в.

Д. А. Сусеева, И. В. Торопицын, Ж. Б. Кундакбаева

Аннотация. В публикации рассматриваются вопросы, связанные с организацией взаимодействия в середине XVIII в. российских властей с калмыцкой и казахской знатью и ролью в этом процессе переводчиков, состоявших на российской службе. Анализируются различные аспекты, затрагивающие использование пограничными властями России представителей местных народов в качестве толмачей и переводчиков, вовлечение их в дипломатическую деятельность. Особое внимание уделяется вопросам составления и редактирования астраханскими губернскими властями писем, адресованных казахским ханам и старшинам, проблеме выбора переводчиков и качеству перевода писем дипломатического содержания.

Ключевые слова: Россия, калмыки, казахи, татары, письма, переводчики, дипломатия, XVIII век.

Abstract. The publication discusses issues related to the organization of interaction in the middle of the XVIII century. Russian authorities with Kalmyk and Kazakh nobility and the role of translators in the Russian service in this process. Analyzed various aspects affecting the use of representatives of local peoples as interpreters and translators by the border authorities of Russia, their involvement in diplomatic activities. Special attention is paid to the compilation and editing by the Astrakhan provincial authorities of letters addressed to Kazakh khans and foremen, the problem of the choice of translators and the quality of translation of letters of diplomatic content.

Key words: Russia, Kalmyks, Kazakhs, Tatars, letters, translators, diplomacy, XVIII century.

Российское государство всегда отличалось многонациональным составом населения. «Между монархиями видим несколько государств, — отмечал по этому поводу видный государственный деятель России первой половины XVIII в. В. Н. Татищев, — а паче наша Россия не токмо разных исповеданий христиан, но магометан и язычников многим числом наполнена»¹.

Народы Поволжья, Южного Урала, Сибири, Средней Азии, Северного Кавказа по уровню социального развития, экономическому укладу и духовной культуре существенно отличались от населения центральных и юго-западных территорий России. Это вынуждало российскую власть, выстраивая методы управления новыми землями, искать приемлемые формы взаимодействия с населяющими их народами, что накладывало

отпечаток на административное устройство страны, находило отражение в законодательстве, духовной сфере ².

Во взаимоотношениях с народами Востока в качестве переводчиков российские власти широко привлекали представителей тюркских этносов. Так, карьера татарского мурзы Кутлу Мухаммеда, больше известного по российским документам, как Александр Иванович Тевкелев, начиналась в эпоху Петра I в качестве переводчика во время Прутского (1711 г.) и Персидского (1722—1723 гг.) походов русских войск. При консульстве России в Персии находился целый штат людей, занимавшихся переводом служебной корреспонденции, основу которого составляли татары из Астрахани. Один из них — Кутлу Мухаммед Машаиков — с 1727 по 1735 г. находился в крепости Святого креста при военном командовании «в службе Ея императорского величества в переводе азиатских писем». С 1738 г. по указу Коллегии иностранных дел он служил переводчиком при консуле Семёне Арапове в Гиляне. К. М. Машаиков именовал себя «персидского диалекта переводчиком», у него в подчинении было два толмача ³.

Татары, находившиеся на российской службе, выполняли не только функции переводчиков при представителях местных властей, но и сами нередко выступали в качестве дипломатических посредников в общении России с народами Востока. В середине XVII в. авторитетные предводители астраханских юртовских татар Янмамет Рамазанов и Ишей Кашкарин участвовали в переговорах с калмыцкими тайшами, занимались подготовкой и проведением русско-калмыцких съездов, завершившихся вступлением калмыков в российское подданство ⁴. В 1731 г. переводчик Коллегии иностранных дел А. И. Тевкелев был отправлен в казахские степи для принятия присяги о подданстве казахов Младшего жуза, а с образованием в 1734 г. Оренбургской экспедиции стал помощником ее руководителя — статского советника И. В. Кирилова — и его преемников на этом посту.

Крупный знаток архивных материалов по истории калмыцкого народа Н. Н. Пальмов указывал, что при сношениях с калмыками астраханские власти предпочитали пользоваться документами на татарском языке ⁵. Это было характерно для XVII — начала XVIII века. Но в период губернаторства в Астрахани А. П. Волынского начала формироваться культура устного и письменного перевода писем с калмыцкого и на

Сусеева Данара Аксеновна — доктор филологических наук, профессор Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. Элиста. E-mail: suseeva@gmail.com; *Торопцын Илья Васильевич* — кандидат исторических наук, доцент Астраханского государственного университета. E-mail: itoropitsyn@mail.ru; *Кундакбаева Жанат Бековна* — доктор исторических наук, профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби. Алматы. E-mail: janbekkun@mail.ru.

Suseeva Danara A. — doctor of Philology, professor at the Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikova. Elista. E-mail: suseeva@gmail.com; *Toropitsyn Ilya V.* — PhD (History), assistant professor at the Astrakhan State University. E-mail: itoropitsyn@mail.ru; *Kundakbayeva Janat B.* — doctor of historical sciences, professor at the Kazakhstan National University named after Al-Farabi. Almaty. E-mail: janbekkun@mail.ru.

калмыцкий язык. А. Т. Хараева, изучившая архивные источники XVIII в., отмечала: «Как свидетельствуют документы, хранящиеся в “Калмыцких Делах”, калмыцко-русская переписка велась на калмыцком языке: калмыцкие владельцы и русские чиновники (бояре, воеводы, губернаторы, коменданты и т.д.) писали друг другу по-калмыцки. В “Калмыцких Делах” сохранились не только письма калмыцких ханов и их современников, но и ряд писем губернаторов и комендантов на калмыцком языке как в оригиналах, так и в черновых вариантах, по которым можно судить о том, как переводчики работали над языком ответов в адрес калмыцких владельцев»⁶.

Тем не менее, полностью от услуг толмачей из числа татар во взаимоотношениях с калмыками астраханские власти не отказывались. В 1740-х гг. при состоявшем при калмыцких делах российском представителе находилась целая группа «для посылок» из числа астраханских служилых татар. К услугам татар-толмачей вынуждены были прибегать и представители Калмыцкого ханства. Потребность в этом возникала, в том числе, тогда, когда требовалось решать вопросы, связанные с возвращением соплеменников, уведённых в плен, или угнанного скота. В подобных случаях калмыцким владельцам часто требовалась официальная поддержка со стороны российских властей. В июле 1742 г., например, по поручению астраханского губернатора юртовские татары сопровождали в качестве толмачей представителей Калмыцкого ханства, направлявшихся в «Киргиз Кайсацкую орду» для выкупа пленных и поиска угнанного скота⁷.

Таким образом переводчики были важным звеном в системе взаимоотношений российских властей с народами Востока. От их профессиональных навыков во многом зависел успех реализации государственной политики России. Это отчетливо понимал видный российский государственный деятель первой половины XVIII в. Василий Никитич Татищев. Он обладал богатым опытом административной работы на юго-востоке России, и ему не раз приходилось сталкиваться с проблемой перевода документов с языков народов Востока на русский. Так, сообщая в конце 1736 г. о «гисториях татарских» в Академию наук, он отмечал: «Две татарские гистории переводятся у нас на русский язык. У меня нет никакого сомнения в том, что перевод будет плох, так как у нас нет хороших переводчиков»⁸. В письме к секретарю Академии наук И.Д. Шумахеру от 28 декабря 1738 г. он указывал по поводу письма далай-ламы к калмыцкому хану Черен-Дондуку: «Перевод подлинного текста доставил мне немало труда, и все же я не знаю, правильно ли оно переведено»⁹.

В.Н. Татищев прекрасно понимал, что в вопросах административного управления, дипломатических сношений перевод текста мог иметь весьма серьезные социально-политические последствия. Напоминание об этом содержится в его наказе советнику Экипажмейстерской конторы А.Ф. Хрущёву от 23 июня 1737 г., который он дал при отъезде из Канцелярии казанских и сибирских заводов в Оренбургскую экспедицию: «До сего времени для перевода письма татарских писем был здесь казанской абыз, но сбежал, того ради извольте здесь удержать абыза Махмута Мемеделина, которому паспорт дан в дому и оно утвержда довольною присягою прежняго абыза оклад определить, однако ж за ним прилежно извольте смотреть, чтобы он правильно писал и переводил, которое может

месчеряцкой старшина Муслим освидетельствовать скрытно. А прежней, ежели где пойман будет, то без сумнения повесить»¹⁰.

Сообщая 4 декабря 1737 г. императрице Анне Иоанновне о письмах, полученных в ноябре от хана Младшего жуза Абулхайра, Татищев обратил внимание на то, что в них казахский хан «на полковника Тевкелева... показывает злобу, да и в порядке письма называется братом». Татищев счел это результатом неправильного перевода. «Мню, что находящейся при нем писец башкирец выдумал, ибо имя царь у них никогда не употребляемо», — пояснял он, решив послать к Абулхайр-хану «надежного писца». По этому поводу он обратился к казанскому губернатору и получил от него заверение, что переводчик скоро будет прислан в его распоряжение¹¹.

Как свидетельствуют архивные источники, проблемы с переводом присутствовали и в русско-калмыцких отношениях XVIII века. Татищев столкнулся с ними, занимаясь по поручению центральной власти страны урегулированием калмыцких дел. В начале 1742 г. он приступил к работе по распределению улусов, принадлежавших покойному хану Дондуку Омбо, и вызвал к себе главных зайсангов Богоцохуровского улуса. Однако они не спешили приезжать к астраханскому губернатору и передали ему через наместника Калмыцкого ханства письмо, содержание которого Татищев нашел «весьма сумнительно».

Свои соображения по этому поводу Василий Никитич высказал 10 марта 1742 г. в письме наместнику Дондуку Даши: «... знатно не в чем ошибка или Черкесов не мог перевести». Судя по всему, для Татищева оказалось откровением то, что переводчики не смогли правильно перевести смысл письма от зайсангов. Других же переводчиков в распоряжении астраханского губернатора на тот момент, видимо, не было, и прибытие их в скором времени не ожидалось. Отсутствие, пусть и временное, переводчика создало серьезную проблему во взаимоотношениях губернской власти с калмыцкими владельцами, которую Татищев прекрасно осознавал. На это указывает следующая его фраза в письме Дондуку Даши: «... а понеже здесь доколе Яков (переводчик. — авт.) прибудет, переводить некому того ради буду посылать без переводов а вы прикажите как мои так ваши письма переводить Везелеву что безопаснее»¹².

Данное письмо наглядно демонстрирует повышенную озабоченность астраханского губернатора проблемой перевода писем от калмыцких владельцев. Он настоятельно рекомендует наместнику Калмыцкого ханства в переписке с ним пользоваться услугами проверенного переводчика Саввы Везелева, чтобы исключить неправильное толкование писем и могущее в связи с этим возникнуть непонимание обсуждаемых вопросов. Примечательно, что С. Везелев пользовался большим уважением и авторитетом и у калмыков. В одном из писем наместника Калмыцкого ханства к астраханским властям говорилось: «Пошлите с моим младшим братом Савву Везелева, назначив переводчиком. Если поедет бестолковый плохой толмач, ему не будут оказаны соответствующие доверие и уважение»¹³.

Тем не менее, такие ситуации время от времени складывалась. В конце октября 1742 г. Татищев, возвращаясь в Астрахань из поездки, предпринятой для сопровождения ханши Джан с ее улусами к Царицынской

линии, встретился в районе Круглого острова на Волге с наместником Калмыцкого ханства. Дондук Даши «говорил с великим оскорблением» астраханскому губернатору, что генерал-поручик А.И. Тараканов прислал к нему письмо «бес переводу». Наместник отослал обратно это письмо, чтобы его направили для перевода в Астраханскую губернскую канцелярию или к дворянину Фёдору Черкесову, «токмо он Тараканов, — отмечалось в Дневальной записке, — приказал переводить салдатом и казаком, которые обстоятельно перевести не могли, в губернскую канцелярию и к Черкесову не посылав прислал к нему возвратно, почему он, наместник, в великом сумнении находится, дабы такая напрасная не него лож чрез тех салдат и казаков не разгласилась и он себе за великое поношение признавает»¹⁴. Татищев вынужден был заверить наместника Калмыцкого ханства, что генерал-поручику сообщили неверные сведения, что информация относилась к действиям ханши Джан, но Тараканов «того не вразумя писал к нему (Дондуку Даши. — авт.) напрасно, чего было и чинить ему не подлежало»¹⁵.

В период пребывания в Нижнем Поволжье Татищев уделял пристальное внимание работе переводчиков при государственных органах, проявлял заботу об условиях их жизни и быта, о качестве подготовки, росте их профессионального мастерства. В 1740-х гг. в Астрахани находились на службе пять толмачей, в Красном Яру — один, в Царицыне полагалось иметь трех переводчиков¹⁶. Толмач по тем временам получал довольно высокое жалованье. Например, Батырша мурза Токшаинов был определен в 1742 г. толмачом татарского языка при Астраханской губернской канцелярии с окладом в 15 руб. в год, не считая «хлебного» довольствия¹⁷. Размер жалованья толмача был сопоставим с годовым окладом мурзы астраханских юртовских татар или юртовского табунного головы.

При этом Татищев проявлял принципиальность и не спускал провинившимся людям их злоупотреблений. Показательно в этом плане его отношение к переводчику калмыцкого языка татарину Юсупу Асанову. Этого толмача неоднократно вызывали в Астраханскую губернскую канцелярию и в Калмыцкую комиссию для обеспечения устного перевода, но Ю. Асанов постоянно отговаривался «болезнью», а между тем «выпросил» у калмыцкой ханши Дармы Балы «письмо чтоб его к переводу не брать» и устроился при ней служителем. Когда же было установлено, что этот толмач здоров, то Татищев приказал его «за тое отговорку... чтоб впредь чинить не дерзал... высечь батожем». После наказания толмачу вновь приказали «при делах быть»¹⁸. Более того, через несколько дней после этого случая Асанов был назначен сопровождать в качестве переводчика калмыцкую делегацию в Санкт-Петербург на торжества по поводу восшествия Елизаветы Петровны на российский престол¹⁹.

О том, насколько серьезно подходил Татищев к вопросам взаимоотношений с кочевой знатью, свидетельствует его отношение к проблеме организации перевода в переговорах между калмыками и казаками и подготовке соответствующих писем в адрес калмыцких владельцев и казахских ханов и старшин. Судить об этом позволяют документы, отложившиеся в Бюджетном учреждении Республики Калмыкия «Национальный архив» и других архивных собраниях России.

Так, 15 декабря 1741 г. вместе с назначением на должность астраханского губернатора Татищев получил именной императорский указ, предписывавший ему «киргиз кайсацкой народ с калмыцким примирить, чтоб оные оба народа между собою жили в согласии». Для этого следовало организовать встречу представителей обоих кочевых народов в присутствии Татищева для заключения «крепкого договора»²⁰. Так как взаимоотношения с казаками занималась Оренбургская комиссия, астраханский губернатор, у которого в ведении были калмыцкие дела, направил ей обстоятельное сообщение.

Между тем, в феврале 1742 г. в Астрахани была получена императорская грамота от 18 января того года, адресованная «Киргиз Кайсацкой Меньшей Орды Абулгаил Хану и всему тамошнему народу». В ней говорилось, чтобы «для твердого постановления мира между Калмык и Киргизцев, присланы были старшины к Астраханскому губернатору Татищеву, которому Калмыцкия дела тогда были вверены»²¹. Императорская грамота повелевала «обоих народов кайсацким салтаном и старшинам, а калмыцким владельцам съехаться самим и... крепкой и обстоятельной мир учинить». Татищев направил эти грамоты казахским ханам Абулхаиру и Абулмамету с посланцем, прибывшим в Астрахань от Джанибек батыра²².

«А понеже при том съезде кайсацком салтанов и старшин нужно быть искусному переводчику в русском и татарском языке и письме, — писал Татищев в Оренбургскую комиссию 4 февраля 1742 г., — здесь же переводчик один, которого мне от губернской канцелярии отлучить не можно. Он же не токмо по-русски писать не умеет, но и в разговорах мало разумеет, в чем не безопасно, чтоб при договорах чего не проронил или лишнего не внес». Татищев подчеркнул в письме, что в Оренбургской комиссии «как переводчиков, так и толмачей достойных есть немало», поэтому написал, чтобы от нее «благоволено было переводчика искуснаго в языке и письме прислать сюда как возможно наискорее». Но, как свидетельствует черновик данного письма, выявленный участниками проекта в БУ РКНА, позднее Василий Никитич решил оформить эту просьбу не как свою личную, а как решение другого государственного органа, коим являлась Калмыцкая комиссия. Поэтому после редактирования в письме было указано: «... по определению комиссии Калмыцкой определено требовать в самой скорости от Оренбургской комиссии одного достаточного переводчика, и Оренбургская комиссия о присылке онаго переводчика да благоволит учинить по Ея императорского величества указу»²³.

Уверенное указание Татищева на наличие в Оренбургской комиссии достаточного числа грамотных переводчиков опиралось на его опыт руководства этой государственной структурой в 1737—1739 годах. Так, составляя в августе 1738 г. программу торжественных мероприятий по случаю вступления казахов Младшего и Среднего жузов в российское подданство, он уделил внимание вопросам перевода. Переводчик должен был присутствовать на церемонии встречи прибывающих казахских делегаций. Согласно разработанному Татищевым «Церемониалу к принятию хана», в шатрах, где должны были пировать казахские гости вместе с российскими офицерами, должен был находиться переводчик Усман

Богданов, «толмачем при столе тайного советника для переводу» были определены переводчики Максютов и Араслан, а в Большом «намете» указано было присутствовать ахуну Мансуру²⁴. Таким образом, в церемониале была задействована целая группа переводчиков из штата Оренбургской комиссии.

14 февраля 1742 г. Коллегия иностранных дел в рескрипте астраханскому губернатору указала, чтобы он «о примирении Киргиз-Кайсаков с Калмыками употребил всевозможное старание, по прежним указам»²⁵. В феврале-марте 1742 г. астраханские власти отмечали активные контакты между двумя степными народами «по причине происходящего между Киргис-Кайсак и Калмык переговора о мире»²⁶. На фоне этих событий 24 марта 1742 г. Татищев в письме в Оренбургскую канцелярию отметил, что «о переводчике татарского языка для здешних необходимых нужд писано от меня в Коллегию иностранных дел». Это свидетельствует о том, что, по всей видимости, Оренбургская комиссия не направила в Астрахань переводчика, и губернатор вынужден был обратиться по этому вопросу в Коллегию иностранных дел²⁷.

Между тем калмыцко-казахские переговоры успешно завершились, о чем 8 апреля 1742 г. хан Абулхаир и батыр Исет проинформировали Оренбургскую комиссию²⁸. Все это время астраханские власти вели активную переписку с казахскими и калмыцкими владельцами с целью добиться выполнения поставленной верховной властью задачи по установлению прочного мира между обоими народами. В этой связи важную роль приобрела работа секретарей губернской канцелярии, ведущих данную переписку.

28 мая 1742 г. астраханский губернатор в донесении в Сенат критично охарактеризовал положение дел в губернской канцелярии, отметив недостаток «способных приказных людей». На тот момент в его распоряжении было только четыре секретаря. Из них к Ксенофонту Макову, на которого были возложены губернские и доимочные дела, у Татищева не было претензий. «Мы до него ничего противного в нем не усмотрели и могли благонадежно им быть довольны», — указал он. Секретарь Феррапонт Каменев, занимавшийся делами «прихода и расхода», по мнению губернатора, был «весьма слаб, на дела такие не искусен», поэтому «надеяться в таких делах на него невозможно». Двое других секретарей, Василий Чириков и Алексей Торопов, были ранее по сенатскому указу отрешены от должностей. Их следовало после разбирательства отправить из Астрахани в Герольдию (государственную структуру, ведавшую делами дворянского сословия в России). Но так как дела обоих секретарей были связаны с рассмотрением доимок, а для этого в Астрахани не хватало подьячих, Татищев решил их «на время оставить» и определить «к нужнейшим делам». А. Торопову поручили разобрать и описать архивные дела, а также возложили на него ведение судебных и военных дел, а В. Чирикова определили к «переписке заграничной, понеже он в том чрез много лет заобычен и помнит». Кроме того, Чирикову поручили исправить дела «прихода и расхода» и составить окладную книгу²⁹.

Впрочем, архивные документы свидетельствуют, что не только Чириков, но и другие секретари Астраханской губернской канцелярии привлекались в 1740-х гг. к делопроизводству по вопросам, связанным

с взаимоотношениями астраханских властей с наместником Калмыцкого ханства и казахскими ханами и старшинами.

При этом многие из отложившихся в БУ РКНА документов, адресованных от имени Татищева калмыцким или казахским владельцам, несут следы редакторской правки. В одних случаях почерк правок совпадает с основным текстом, в других — заметно отличается от него. По всей видимости, изменения в текст вносил сам Татищев, вычитывая подготовленные письма, перед тем как их подписать. Такой подход позволял ему уйти от шаблонов написания стандартного письменного обращения, внести в текст специфические обороты речи, наиболее точно передающие смысл послания.

Так, в письме к старшине Среднего казахского жуза батыру Джанибеку Татищев выражает надежду, что тот, посоветовавшись с Абулмет-ханом и Барак-салтаном, пришлет от себя посланцев. Затем он зачеркивает слово «посланцев» и пишет: «ко утверждению с калмыцким народом мира посланцев». При этом вновь вносит коррективы в письмо: зачеркивает недописанное слово «посл», потом вновь пишет его, потом ставит перед словом «посланцев» крест и сбоку добавляет фразу «знатных ваших». Казалось бы, в текст внесены незначительные изменения, но астраханский губернатор уделял им повышенное внимание, так как понимал, что нужны не просто посланцы, а полномочные представители для заключения мирного договора с калмыками, и не рядовые посланцы, а знатные люди. Далее Татищев пишет про наступающую весну, про то, что калмыцкие улусы переправятся на левобережную сторону Волги, и указывает: «для того видится вашим посланцом сюда быть не можно». Потом он зачеркивает последнюю фразу и пишет: «того ради оных ваших посланцов если не замешкаете, то извольте прислать суда или к Селитренному что на Ахтубе городку, а если замешкаете, то на Черной Яр, где я сам оных ваших посланцов ожидать буду».

Судя по всему, Татищев предельно понятно обозначил места, где возможно организовать проведение калмыцко-казахских мирных переговоров. Однако он продолжает вносить коррективы и в эту часть письма. Сначала зачеркивает слово «если» и пишет вместо него «я не держав к вам отпустил с тем, что если вы», затем зачеркивает название «Селитренному» и слово «городку», вместо которых в тексте появляется фраза: «к Чигит Аджиту что». В результате внесенных уточнений итоговая фраза предстает в следующем виде: «Ныне же время наступает вешнее и калмыцкие улусы не замешкаются переходом на луговую сторону. Того ради оных ваших посланцов я не держав к вам отпустил с тем, что если вы не замешкаете, то извольте прислать суда или к Чигит Аджиту что на Ахтубе, а если замешкаетесь, то к Черному Яру, где я сам оных ваших посланцов ожидать буду»³⁰.

Как видим, Татищев внес в текст ряд уточнений, сообщая Джанибек батыру, во-первых, об отправке к нему посланцев, во-вторых, уточняя одно из предполагаемых мест переговоров: вместо Селитренного городка — на Чигит Аджи. Предлагая встретиться калмыкам и казахам в Чигит Аджи, Татищев, по всей видимости, рассчитывает, что казахам это старинное место должно быть известно лучше, чем русский городок, где добывают селитру. Астраханский губернатор знал, что с этим местом

у тюркских народов связаны особые воспоминания. В письме к библиотекарю Академии наук Шумахеру от 29 ноября 1741 г. он сообщал, что с интересом обследовал развалины золотоордынского города, находящегося на реке Ахтубе, известного благодаря большому количеству изразцов синего цвета под названием Синяя Мечеть. «Татары же собственно сие место называют Джигит аджи от некоего их святого сего имени, о котором многие басни чудес рассказывают и к нему ежегодно съезжаясь, молебствуют»³¹.

Таким образом, организация перевода играла важную роль в сфере русско-калмыцко-казахских отношений в середине XVIII века. Люди, привлекавшиеся властями к переводу документов и писем на иностранные языки, считались находившимися на государственной службе. От них в процессе выполнения служебных обязанностей требовалась безусловная преданность российским властям, что оформлялось соответствующей присягой. Со стороны властей к переводчикам, среди которых было немало представителей тюркских народов, предъявлялись высокие профессиональные требования. Работа переводчиком при губернской канцелярии, а особенно при Коллегии иностранных дел была престижной и могла дать старт дальнейшей карьере.

Наряду с переводчиками в процесс переписки с кочевыми владельцами, оформления решений по делам, касающимся взаимоотношений российских властей с казаками, калмыками и другими народами, были вовлечены секретари местных российских органов власти. Они оформляли документы (письма, ордера, донесения и т.д.), предназначенные для направления различным адресатам. В процессе подготовки письма и документы просматривались и при необходимости редактировались. На этом этапе наиболее ярко проявлялся личный вклад автора письма в переписку.

Примечания

Работа выполнена в рамках стратегического проекта «Калмыкия как трансграничный регион в восточном векторе России», реализуемого в рамках программы развития Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова как опорного регионального университета и поддержанного внутривузовским грантом 2019 г. № 1094 «Русско-калмыцко-казахские отношения» (на материале документов Калмыцкой комиссии, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия, в бытность его главой В.Н. Татищева)».

1. СТЕПАНОВ И.Н. В.Н. Татищев и русская этнография. — Советская этнография. 1951, № 1, с. 153.
2. ВОРОПАНОВ В. А. Значение судебно-юрисдикционной деятельности в укреплении Российского государства на территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в XVII—VIII вв. — Вестник Омского университета. 2009, № 3, с. 102—109.
3. Государственный архив Астраханской области (ГА АО), ф. 394, оп. 1, д. 872, л. 222; УЛЯНИЦКИЙ В. А. Русские консульства за границей в XVIII веке. М. 1899, с. 526—527.
4. ТЕПКЕЕВ В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста. 2012, с. 62, 247.
5. ПАЛЬМОВ Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. III, IV. Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам. Астрахань. 1929, с. 45—46.

6. ХАРАЕВА А.Т. Русские заимствованные слова в калмыцком языке XVIII века (на материале официально-деловых писем калмыцких ханов XVIII века и их современников). Элиста. 2014, с. 29.
7. Бюджетное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив» (БУ РКНА), ф. И-36, оп. 1, д. 141, л. 448.
8. ТАТИЩЕВ В.Н. Избранные труды по географии России. М. 1950, с. 74.
9. ЕГО ЖЕ. Записки. Письма. 1717—1750 гг. М. 1990, с. 272.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 248, ед. хр. 1164, л. 642—642об.
11. Там же, л. 1162.
12. БУ РКНА, ф. И-36, оп. 1, д. 141, л. 263об.
13. ХАРАЕВА А.Т. Ук. соч., с. 62.
14. БУ РКНА, ф. И-36, оп. 1, д. 142, л. 542об. —543.
15. Там же, л. 543.
16. ГА АО, ф. 394, оп. 1, д. 834, л. 659об.
17. Там же, л. 61.
18. БУ РКНА, ф. И-36, оп. 1, д. 142, л. 40.
19. Там же, д. 141, л. 190об.
20. Там же, л. 104.
21. Дневная записка Государственной коллегии иностранных дел, 1742 года. Генварь, Февраль и Март месяцы. (Печатается по современному списку). В кн.: Архив князя Воронцова. Кн. 1. М. 1870, с. 129.
22. БУ РКНА, ф. И-36, оп. 1, д. 141, л. 104.
23. Там же, л. 104об.
24. РГАДА, ф. 248, ед. хр. 1167, л. 715.
25. Дневная записка..., с. 204.
26. Там же, с. 318.
27. БУ РКНА, ф. И-36, оп. 1, д. 141, л. 288—288об.
28. Казахско-русские отношения в XVI— VIII веках. Сб. документов. Алма-Ата. 1961, с. 201—202.
29. РГАДА, ф. 248, оп. 15, ед. хр. 877, л. 70—70об.
30. БУ РКНА, ф. И-36, оп. 1, д. 141, л. 75—75об.
31. ТАТИЩЕВ В.Н. Записки. Письма..., с. 284.

Создание Всесоюзной центральной картотеки выселенцев и спецпоселенцев в 1949 г.

Н. М. Игнатова

Аннотация. В публикации раскрываются особенности статистического учета граждан, высланных в ходе принудительных миграций на спецпоселения. Показано проведение статистических мероприятий в рамках системы МВД на основе организации работы по созданию центральной картотеки выселенцев и спецпоселенцев в СССР. В ходе широкомасштабной работы в течение 1949 г. было аккумулировано более 3 млн. карточек с персональными данными, в которых выселенцы и спецпоселенцы распределялись по регионам расселения, категориям учета и национальностям.

Ключевые слова: Всесоюзная картотека выселенцев и спецпоселенцев, принудительные миграции, учет, статистика.

Abstract. The publication reveals the peculiarities of statistical registration of citizens who were expelled during forced migrations to special settlements. It is shown that statistical activities are carried out within the framework of the Ministry of Internal Affairs on the basis of organizing work on creating a central card file of forced evicts and forced settlers in the USSR. In the course of large-scale work during 1949, more than 3 million personal data cards were accumulated, in which forced evicts and forced settlers were distributed by regions, categories of accounting and nationalities.

Key words: All-Union forced evictions and forced settlers card index, forced migrations, accounting, statistics.

Принудительные миграции являются предметом активного научного изучения. Широкая база опубликованных источников и рассекреченных архивных материалов позволяет ответить на многие вопросы, связанные непосредственно с насильственными переселениями, а также с жизнедеятельностью высланных людей на спецпоселениях. Тем не менее, некоторые аспекты остаются в поле дискуссионных проблем, прежде всего в силу определенных противоречий информативных данных в источниках, недоступности части документов и неоднозначности подходов в ин-

Игнатова Надежда Максимовна — кандидат исторических наук, зав. сектором Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН). Сыктывкар. E-mail: ignatova11@rambler.ru.

Ignatova Nadezhda M. — candidate of historical sciences, head of the sector of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Syktyvkar. E-mail: ignatova11@rambler.ru.

терпретации. К таким проблемам можно отнести статистику по репрессированным в 1930—1950-е гг., в том числе по спецпереселенцам (термин «спецпереселенцы» используется как обобщающий для всех категорий граждан, высланных в ходе принудительных миграций на спецпоселения в 1930—1950-е гг.).

В 1990-е гг., когда происходило рассекречивание больших комплексов документов как в центральных, так и в региональных архивах, исследователи неоднократно высказывали недоверие к обобщенным данным, в том числе составленным по статистике НКВД-МВД. Например, В. М. Кириллов писал: «Совершенно очевидно, что на рубеже 20—30-х годов в связи с процессами раскулачивания, голода, идеологического и политического диктата система сбора статистических сведений в стране была нарушена и верить до конца отчетам ГУЛАГа не приходится»¹. В работе, посвященной высланным на спецпоселения раскулаченным, Т. И. Славко справедливо отмечала, что обобщенные данные должны подвергаться тщательному анализу, так как источники регионального характера показывают «крайне неудовлетворительный учет и отчетность с мест поселения спецпереселенцев». Аргументы, приводимые исследователем, убедительны: «В условиях, когда руководители на местах “головой” отвечали за исполнение спускаемых сверху указаний, а функционирование кулацкой ссылки постоянно давало сбои, возникает вопрос о достоверности сводных показаний, по которым должна была оцениваться работа местных начальников»². На несоответствие некоторых общих данных указывал Н. Верт во введении к семитомному изданию «История сталинского Гулага», в частности отмечая, что число высланных с мест проживания при массовых депортациях поляков составляет от 320 тыс., по данным А. Е. Гурьянова, и до 380 тыс., по данным В. Н. Земскова³.

Опубликовавшему обширные комплексы рассекреченных документов Земскову пришлось неоднократно выступать в защиту публикуемых данных, например, в монографии «Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960» он оппонирует Л. И. Гвоздиковой, выдвинувшей идею двух статистик, неофициальной (достоверной) и официальной (недостоверной). В ответ на претензии к статистическим данным НКВД-МВД В. Н. Земсков писал: «Допускаем, что очковтирательство имело место, но в крайне ограниченных пределах, поскольку посылать в Москву заведомо ложные данные о численности заключенных и спецпоселенцев — это должностное преступление, на которое соответствующее большинство должностных лиц не могли пойти из чувства осторожности и самосохранения»⁴.

Как показывают проведенные многочисленные научные исследования, общая численность граждан, высланных на спецпоселение, не имеет разночтений по данным центральных и региональных архивов, что доказывает правоту слов В. Н. Земскова, сказанных еще в начале большой работы по публикации архивных материалов в 1991 г.: «Нельзя подделывать находящийся в государственном хранении архивный фонд с тысячами единиц хранения, куда входит и огромный массив первичных материалов. Данные первичных материалов совпадают со сводной статистической отчетностью ГУЛАГа. Следовательно, документация всех уровней подлинная. Предположение о том, что в этой документации могли содержаться заниженные сведения, несостоятельно по той причине, что орга-

нам НКВД было невыгодно и даже опасно преуменьшать масштабы своей деятельности, ибо в противном случае им грозила опасность впасть в немилость у власть имущих за “недостаточную активность”. В материалах всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. численность спецконтингента НКВД группы “В” (заключенные и трудпоселенцы) совпадает с данными, взятыми из статистической отчетности ГУЛАГа НКВД СССР, тюремного управления НКВД СССР и Отдела трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР»⁵.

Дискуссии по вопросу общей численности спецпереселенцев в целом сошли на нет после публикации обобщающих монографий В.Н. Земскова и П.М. Поляна⁶. Открытым остается вопрос об уровне смертности спецпереселенцев при их доставке к местам поселений и на спецпоселениях. Полная картина ввиду отрывочности данных на сегодняшний день отсутствует. Следует также сказать о том, что определенные демографические показатели остались за пределами ведомственного учета НКВД-МВД. Например, данные о вступлении спецпереселенцев в брак можно обнаружить только в архивах органов ЗАГС в тех регионах, где действовали спецпереселенческие ЗАГСы, и при условии, что эти материалы сохранились.

Статистика НКВД-МВД при наличии определенных пробелов и несовпадений, более присущих 1930-м гг., является наиболее полной источниковой базой, включающей множество учетных характеристик спецпереселенцев. Статистическая отчетность была регулярной и единой для всех спецпереселенческих регионов по срокам и формам. Особо выделяется 1949 г., когда прошел переучет всех категорий спецпереселенцев в СССР и была составлена общая картотека на взрослых спецпереселенцев. Кропотливая работа в ведомстве МВД по составлению картотеки говорит о том, что все отчеты с мест поселений проверялись и сводные данные соответствовали данным из спецпереселенческих регионов.

При работе со статистическими данными по спецпереселенцам следует учитывать многие обстоятельства, например, смена наименований категорий высланных на спецпоселения в определенной степени осложняла ведение статистики ответственными лицами на местах, и создает трудности в подсчетах исследователям в настоящее время. В частности, «бывшие кулаки» в начале 1930-х гг. именовались «спецпереселенцы», во второй половине 1930-х гг. и первой половине 1940-х гг. — «трудпереселенцы» («трудпоселенцы»), во второй половине 1940-х гг. они были отнесены, как и другие категории высланных по административным решениям, к «спецпоселенцам»; представители депортированных народов в первой половине 1940-х гг. именовались «спецпереселенцы», а в конце 1940-х гг. определялись как «выселенцы» и т. д.

Основной учет велся органами НКВД-МВД, частично учет вели организации, использовавшие труд спецпереселенцев, и органы ЗАГСа. Различной статистикой занимались также ведомства, курировавшие работу учреждений в спецпоселках. В частности, Наркомпрос (Министерство образования) вел учет спецпереселенческих школ и социально-культурных объектов (клубы, избы-читальни и др.) в спецпоселках. В системе НКВД-МВД персональный учет спецпереселенцев осуществлялся по карточной системе: составлялись алфавитные семейные карточки (фор-

ма № 2) — одна карточка на семью. Отмечались: состав семьи, для членов семьи — фамилия, имя, отчество, год и место рождения, прибытие, убытие, трудоспособность, браки, рождения, смерти, год применения высылки, место проживания до применения высылки, где состояли на учете и до какого времени, на каком основании освобождены ⁷. Отдельно велся учет глав семей и членов семей, находившихся в ИТЛ (исправительно-трудовых лагерях).

Учетные семейные карточки подлежали постоянному архивному хранению. Также постоянному хранению, исходя из разъяснений архивного отдела ГУЛАГа НКВД СССР от 14 марта 1940 г., подлежали личные дела спецпереселенцев, находившихся в бегах. Личные дела освобожденных из спецпоселков подлежали хранению в течение десяти лет, спецпереселенцев-одиночек, умерших в спецпоселках, — пяти лет ⁸. Руководствуясь данным положением, многие учетные документы по спецпереселенцам были уничтожены уже в период спецпереселений. Исследователь С.И. Старостин утверждает, что в 1950—1960-е гг. в спецфондах МВД и УВД была уничтожена большая часть дел по «кулацкой ссылке» и на хранении остались лишь архивные карточки оперативного и семейного учетов ⁹. Карточки оперативного учета (форма № 1) фиксировали прибытие и убытие труд- и спецпереселенцев в труд- и спецпоселках.

На учете Отдела трудовых и специальных поселений (ОТСП) НКВД СССР в 1941 г. находились трудпоселенцы («бывшие кулаки»), спецпереселенцы («польские осадники и беженцы» и другие лица, высланные в административном порядке) и ссыльнопоселенцы (высланные на спецпоселение в ссылку по решению суда). Отдел спецпоселений состоял из двух отделений: первое курировало трудссылку, второе — спецссылку и ссыльнопоселенцев. Польские граждане в начале 1940-х гг. стали новой массовой категорией учета на спецпоселениях, что привело к непредвиденным трудностям при их учете. Была выпущена специальная инструкция по учету поляков и евреев, так как их фамилии во многих случаях записывались неправильно. Например, в 1941 г. были частично переоформлены учетные карточки на польских граждан, «в которых были допущены дефекты» ¹⁰.

В НКВД в начале 1940-х гг. произошли преобразования, коснувшиеся работы по учету и контролю за численностью насильственно переселенных лиц. В соответствии с приказом НКВД СССР № 00232 от 28 февраля 1941 г., ОТСП (отдел специальных и трудовых поселений) ГУЛАГа НКВД передавал 1-му Спецотделу НКВД СССР следующие функции: персональный учет спецпереселенцев («осадников и беженцев»), посемейный учет трудпоселенцев («бывших кулаков»), учет персонального движения спецпереселенцев. В августе 1941 г. в разъяснении № Е-31/739141, разосланном местным органам НКВД, определялось, что учет трудпоселенцев должен вестись в ОТСП (Отдел трудовых и специальных поселений) УНКВД по карточкам посемейного учета и общим статистическим данным, в районных комендатурах — по карточкам посемейного учета и личным делам трудпоселенцев и в поселковых комендатурах — по книгам посемейного учета ¹¹.

В связи с тем, что в годы войны движение спецпереселенцев по стране было постоянным и масштабным, в рамках общего статистического

учета периодически проводился переучет всех спецконтингентов. Так, в соответствии с приказом НКВД СССР № 002559 от 20 ноября 1942 г., необходимо было провести переучет всех трудпоселенцев и ссыльно-поселенцев¹². Подобная необходимость возникла вследствие того, что одной из задач ОТСП НКВД СССР во время войны являлся учет детей «бывших кулаков», которые призывались на фронт, и учет ближайших родственников призванных спецпереселенцев, так как по закону они подлежали освобождению из спецпоселений. После проведения переучета, например в ОТСП УНКВД Архангельской области в конце 1942 г., сформировалась картотека централизованного учета трудссылки по области, которая состояла из карточек посемейного учета, заполненных при проведении переучета трудпереселенцев¹³.

В 1948 г. комиссия МВД СССР проводила проверку региональных УМВД по работе с «общесправочными картотеками». Было отмечено, что сведения в учетные карточки о движении выселенцев вносятся несвоевременно, приводя к «неполноте» данных¹⁴. К концу 1940-х гг. в режиме спецпоселения в спецпоселках и в ИТЛ НКВД-МВД находилось большое количество насильственно высланных граждан разных категорий, и возникла необходимость нового переучета всех спецпоселенцев для систематизации данных, как по спецпереселенческим регионам, так и по категориям высланных. Общее число насильственно переселенных постоянно увеличивалось. Если в 1932 г. насчитывалось 1 317 022 чел., находившихся на спецпоселениях, то в 1942 г. состоявших на учете в органах НКВД спецпоселенцев, ссыльных-поселенцев, ссыльных и высланных было учтено 1 682 659 чел., к 1949 г. их число составило 2 309 898 чел., а к 1953 г. увеличилось до 2 819 776 человек¹⁵.

В 1949 г., в соответствии с приказом МВД СССР № 067 от 7 февраля, был проведен общий всесоюзный переучет выселенцев-спецпоселенцев. В ходе переучета граждане, высланные в 1930—1940-е гг. на спецпоселение, были разделены на две группы: спецпоселенцы, к которым относились высланные по административным приказам («бывшие кулаки», «власовцы», «оуновцы», ИПХ-сектанты и др.), и выселенцы — высланные по национальному признаку (немцы, калмыки, чеченцы и др.).

В рамках проведения переучета граждан, находившихся на спецпоселениях на территории СССР, по приказу МВД СССР № 00165 от 19 февраля 1949 г. «Об организации персонального учета выселенцев и спецпоселенцев по новой системе», была организована работа по составлению всесоюзной картотеки, включавшей персональные данные граждан, находившихся на спецпоселениях и размещенных в режиме спецпоселения в ИТЛ. Картотека должна была включать карточки персонального учета взрослых выселенцев и спецпоселенцев старше 16 лет в двух формах: по карточкам формы № 5 составлялась общая алфавитная картотека, по карточкам формы № 6 — алфавитная картотека с разбивкой по республикам, краям, областям, контингентам и национальностям.

В хранящихся в Государственной архиве Российской Федерации документах имеются сведения о проведении работы по составлению картотеки. В комплекс документов по созданию всесоюзной картотеки спецпоселенцев и выселенцев входят рапорт и докладные записки от начальника 1-го спецотдела МВД СССР на имя министра внутренних дел и замести-

телей министра, а также справка о проделанной 1-м спецотделом МВД СССР работе по выполнению приказа МВД СССР № 00165. Содержание рапорта и докладных записок на имя министра внутренних дел дублировалось в докладных записках, которые адресовались двум заместителям министра. Документы содержат сведения об организации картотеки, категориях высланных, информацию о численности спецпоселенцев и выселенцев по регионам, в том числе по ИТЛ и стройкам МВД (ГАРФ, ф. 9479сч, оп. 1, д. 459).

Помимо указанных выше документов исследователям доступны отчетные материалы, поступавшие из республик, краев и областей СССР в адрес МВД СССР о проведении персонального учета и анкетирования (ГАРФ, ф. 9479сч, оп. 1, д. 460.). В региональных отчетах можно почерпнуть сведения о том, что при заполнении карточек форм № 5 и № 6, которые высылались в Москву в 1-й отдел МВД СССР для всероссийской картотеки, производилась сверка с имеющейся на тот момент в республиканских, краевых и областных органах МВД картотекой. Одновременно с работой по составлению новой картотеки, местными органами МВД также заполнялись личные дела высланных, для чего проводилось «фотографирование выселенцев-спецпоселенцев». Отмечалось, что «фотокарточки» приобщались к личным делам ¹⁶.

В апреле 1949 г. началась непосредственная работа по формированию картотеки. В рамках 1-го спецотдела МВД СССР было укомплектовано новое отделение в количестве 13 чел., которые работали в отдельном помещении, где было размещено 30 картотечных шкафов. Приказом № 00165 срок представления материалов был установлен на 15 апреля 1949 года. К указанной дате, как следует из рапорта начальника 1-го спецотдела МВД СССР министру внутренних дел СССР, поступили первые карточки из МВД Удмуртской АССР, 12 областных Управлений МВД (Горьковской, Московской, Мурманской, Чкаловской, Челябинской, Томской, Ульяновской, Гурьевской, Бухарской, Наманганской, Кашка-Дарьинской областей и Тувинской авт. области) и трех исправительно-трудовых лагерей из тех, в которых размещались, в том числе, спецпереселенцы (Вятлаг МВД, Енисейлаг МВД, ИТЛ МВД завода № 169 Красноярского края). В отдел поступило 141 888 учетных карточек форм № 5 и № 6 на 70 944 выселенца-спецпоселенца. В рапорте указывалось: «Все полученные учетные карточки формы № 6 разложены в картотечные шкафы в строгом алфавите, с разбивкой по республикам, краям, областям и по контингентам. Учетные карточки формы № 5 раскладываются в алфавитном порядке». Наибольшее число карточек было прислано из Челябинской области — на 12 759 спецпереселенцев-выселенцев, то есть 25 518 карточек. В рапорте также отмечалось, что «отдельные органы МВД не выполняют полностью требований приказа МВД СССР № 00165—1949 г., представляя учетные карточки не подобранными в алфавитном порядке и неясно заполненными, чем значительно осложняют работу по организации картотечного учета» ¹⁷.

К 15 апреля учетных материалов было получено только на 4,7% от общего количества выселенцев-спецпоселенцев, подлежащих взятию на централизованный учет. Основная масса материалов 1-м спецотделом МВД СССР была получена позже — в конце мая — первых числах

июня 1949 года. Низкий процент полученных карточек объясняется тем, что в отделах трудовых и специальных поселений региональных органов МВД было недостаточно квалифицированных кадров для проведения работы по переучету высланных на спецпоселения и формированию новых карточек в короткие сроки. Например, в докладной записке начальника УМВД по Вологодской области о результатах проверки состояния работы среди выселенцев-спецпоселенцев, направленной 30 июля 1949 г. в адрес начальника Отдела спецпоселений МВД СССР, отмечалось: «Вследствие того, что к работе были привлечены сотрудники МВД, ранее не работавшие с данными контингентами, при заполнении некоторых анкет, а также учетных карточек были допущены неточности в фамилиях, именах, отчествах и адресах места родины. Например, вместо Майер написано Маер, вместо Рейнгард — Ренгард, Ротекер — Родекер и т.д... Все выявленные недостатки в учете выселенцев и спецпоселенцев будут устранены в месячный срок»¹⁸.

К 10 мая 1949 г. 1-м спецотделом МВД СССР были получены 1 977 292 учетные карточки по формам № 5 и № 6 на 987 608 выселенцев-спецпоселенцев, что составило 67% от общего количества выселенцев и спецпоселенцев, подлежащих взятию на централизованный учет. В докладной записке начальника 1-го спецотдела МВД СССР министру внутренних дел СССР от 12 мая 1949 г. были приведены сведения по регионам и ИТЛ о численности спецпереселенцев-выселенцев и количестве составленных на них учетных документов. (См. таблицы 1, 2). В регионы, не представившие учетные карточки, были даны «соответствующие указания об ускорении высылки материала»¹⁹.

Таблица 1

Данные о составлении центральной картотеки
отделами спецпоселений МВД-УМВД на 10 мая 1949 г.

№№ пп	Наименование республики, края, области	Расселено выселенцев- спецпоселенцев*	Представлено материала (на количество человек)
1.	Карело-Финская ССР	свыше 5000	5217
2.	Таджикская ССР	свыше 20000	22 824
3.	Туркменская ССР	около 3000	2935
4.	Узбекская ССР	свыше 100000	115 820
5.	Башкирская АССР	свыше 13000	13 407
6.	Коми АССР	свыше 20000	20 544
7.	Марийская АССР	6000	6000
8.	Татарская АССР	около 2000	1734
9.	Удмуртская АССР	свыше 5000	5502
10.	Чувашская АССР	свыше 200	217
11.	Алтайский край	свыше 60 000	66 070
12.	Приморский край	свыше 3000	3343
13.	Амурская обл.	около 7000	7426

№№ пп	Наименование республики, края, области	Расселено выселенцев- спецпоселенцев*	Представлено материала (на количество человек)
14.	Архангельская обл.	около 10 000	10 361
15.	Вологодская обл.	около 6000	5937
16.	Горьковская обл.	свыше 3000	3100
17.	Днепропетровская обл.	свыше 800	847
18.	Херсонская обл.	свыше 40	50
19.	Ивановская обл.	свыше 1000	1294
20.	Кемеровская обл.	свыше 100 000	104 319
21.	Костромская обл.	свыше 5000	5289
22.	Кировская обл.	свыше 5000	5413
23.	Куйбышевская обл.	около 5000	4761
24.	Московская обл.	свыше 6000	6277
25.	Мурманская обл.	свыше 3000	3255
26.	Рязанская обл.	около 1000	1021
27.	Свердловская обл.	свыше 40 000	43 661
28.	Тульская обл.	свыше 10 000	12. 907
29.	Тувинская авт. обл.	—	310
30.	Тюменская авт. обл.	30 000	33 715
31.	Челябинская авт. обл.	свыше 30 000	33 310
32.	Чкаловская авт. обл.	около 9000	9239
33.	Читинская авт. обл.	свыше 4000	4289
34.	Ульяновская авт. обл.	около 500	741
35.	Управление № 8 МВД СССР	—	4556
36.	Казахская ССР	около 500 000	277 809
37.	Молотовская обл.	около 60 000	49 281
38.	Новосибирская обл.	около 60 000	44 898
38.	Томская обл.	свыше 40 000	29 045
39.	Киргизская ССР	свыше 70 000	—
40.	Бурят-Монгольская АССР	около 7000	—
41.	Якутская АССР	свыше 9000	—
42.	Красноярский край	около 70 000	—
43.	Хабаровский край	свыше 10 000	—
44.	Иркутская обл.	около 30 000	—
45.	Курганская обл.	свыше 400	—
46.	Омская обл.	около 40 000	—
47.	Сахалинская обл.	около 3000	—

№№ пп	Наименование республики, края, области	Расселено выселенцев- спецпоселенцев*	Представлено материала (на количество человек)
48.	Дальстрой	около 30 000	—
	Всего	около 1450000	966724

* Данные приводятся по взрослым выселенцам и спецпоселенцам старше 16 лет.

Источники: ГАРФ, ф. 9479сч, оп. 1, д. 459, л. 15—16.

Таблица 2

Данные о составлении центральной картотеки
исправительно-трудовыми лагерями МВД СССР на 10 мая 1949 г.

№№ пп	Наименование ИТЛ	Расселено выселенцев- спецпоселенцев*	Представлено материала (на количество человек)
1.	Вятлаг МВД	296	296
2.	Енисейлаг МВД	—	486
3.	ИТЛ завода 169	72	72
4.	ИТЛ строительства № 915	1572	1577
5.	Устьвымлаг МВД	65	39
6.	Севжелдорлаг МВД	129	129
7.	Краслаг МВД	491	493
8.	ИТЛ строительства № 313	370	368
9.	Ивдельлаг МВД	949	969
10.	Востокураллаг МВД	1073	1073
11.	Сеvураллаг МВД	663	668
12.	ИТЛ строительства № 1418	—	74
13.	Нижнеамурлаг МВД	1244	1244
14.	Ухтоижемлаг МВД	5312	5318
15.	Усоьлаг МВД	525	515
16.	Минлаг МВД	885	887
17.	Южкзбаслаг МВД	2461	2460
18.	Ныроблаг МВД	959	6654
19.	Сеvер. Упр. Желдор. стр-ва	1180	1203
20.	Севпечлаг МВД	2359	2359
21.	Сельхоз им. Сакко и Ван-цетти	233	—
22.	ИТЛ строительства № 505	254	—
23.	ИТЛ строительства № 384	1914	—
24.	Воркутлаг МВД	5863	—
25.	Норильлаг МВД	4869	—
26.	Вытегорстрой МВД	128	—

№№ пп	Наименование ИТЛ	Расселено выселенцев- спецпоселенцев*	Представлено материала (на количество человек)
27.	Челяблаг МВД	1266	—
28.	ИТЛ строительства № 247	4556	—
29.	ИТЛ строительства № 560	416	—
30.	Ангарлаг МВД	311	—
31.	Севкузбаслаг МВД	2367	—
32.	Кизеллаг МВД	100	—
33.	Унжлаг МВД	290	—
34.	Борский ИТЛ	297	—
35.	ИТЛ строительства № 791	385	—
36.	ИТЛ строительства № 90	413	—
37.	Бадайбинский ИТЛ	5419	—
	Всего	49 705	20 884

* Данные приводятся по взрослым выселенцам и спецпоселенцам старше 16 лет..

Источники: ГАРФ, ф. 9479сч, оп. 1, д. 459, л. 17—18.

Начальник 1-го спецотдела МВД СССР, руководивший работой по созданию картотеки, в докладной записке от 16 июня 1949 г. министру внутренних дел СССР докладывал: «... приказ МВД СССР № 00165 от 19 февраля 1949 года в части создания к 15-му июня 1949 г. центральной алфавитной картотеки персонального учета выселенцев и спецпоселенцев — выполнен. По состоянию на 15 июня 1949 г. 1-м спецотделом МВД СССР получено 1 503 936 учетных карточек формы № 5 на 1 502 076 выселенцев-спецпоселенцев, которые полностью обработаны и разложены в картотечные шкафы. Начата работа по созданию второй картотеки — учета выселенцев-спецпоселенцев с разбивкой по республикам, краям, областям и по контингентам». В записке также указывалось: «Необходимо отметить, что, несмотря на неоднократные указания об ускорении высылки учетного материала, до сего времени недополучено учетных карточек на 29 226 выселенцев-спецпоселенцев (из УМВД по Кокчетавской области Казахской ССР на 15 544 человек и из 8 исправительно-трудовых лагерей на 13 682 человек). Указанные карточки будут обработаны и разложены в картотеку по их получении»²⁰.

По данным отчетной справки от 12 июня 1949 г. о работе, проделанной 1-м спецотделом МВД СССР по выполнению приказа МВД СССР № 0165 от 19 февраля 1949 г., при организации централизованного учета выселенцев и спецпоселенцев (создании картотеки) в течение двух месяцев «использовались 50 сотрудников за счет штатной численности 1-го спецотдела МВД СССР при штатной положенности отделения в 13 единиц». Работа сотрудников была осложнена тем, что отдельные органы МВД-УМВД представляли карточки несвоевременно, «не в систематизи-

рованном виде и низкого качества), «без соблюдения алфавита и некачественно заполненные», что отразилось на сроках обработки учетных материалов ²¹.

В начале августа работа по организации централизованного учета выселенцев и спецпоселенцев и составлению картотеки была закончена — недостающие карточки получены и данные восполнены. Но в спецпереселенческих регионах уточнение персональных данных продолжилось. Они перепроверялись, в том числе, на межрегиональном уровне. В частности, в докладной записке министра ВД Коми АССР от 22 октября 1949 г. в адрес министра ВД СССР указывалось: «В течении сентября и первой половины октября месяца нами проведена выверка учетных данных. В связи с короткими сроками проведения переучета и низкой грамотностью отдельных оперативных сотрудников, имели место ряд неточностей и искажений в учетных документах. На спецпереселенцев “власовцев” 352 человека, на которых нет постановления о переводе их на спецпоселение, нами направляются сотрудники в соответствующие лагеря, где они проходили фильтрацию для розыска фильтрационных дел. На 87 выселенцев-спецпоселенцев, состоящих на учете, но не оказавшихся в наличии при переучета нами высланы списки для проверки в УМВД Кемеровской области и 1й спецотдел МВД СССР. Картотека выбывших выселенцев спецпоселенцев сверена с действующей картотекой к указанному сроку» ²². После того, как в ходе проверок в регионах выявлялись новые данные, уточненные сведения направлялись в МВД СССР. В частности, в Вологодской области было выявлено около 300 чел., в анкетах и карточках персонального учета которых «были произведены исправления», в связи с чем, как указывал начальник Управления МВД по Вологодской области в докладе в Отдел спецпоселений МВД СССР, «готовятся карточки для картотеки 1 спецотдела МВД СССР, которые будут высланы в октябре месяце (1949 г.)» ²³.

В результате проделанной 1-м спецотделом МВД работы в рамках создания общей картотеки к 6 августа 1949 г. были готовы две картотеки учета выселенцев-спецпоселенцев: алфавитная справочная картотека, отражавшая наличие выселенцев-спецпоселенцев, находившихся в местах поселения, численностью в 1 619 946 учетных карточек, и алфавитная картотека, показывавшая наличие выселенцев-спецпоселенцев по каждой республике, краю и области, с разбивкой по контингентам (категориям учета) и национальностям, численностью в 1 619 946 учетных карточек ²⁴. В целом с апреля по август 1949 г. сотрудники проделали масштабную работу по аккумулярованию и систематизации более 3 млн. карточек и организовали выдачу справок на основании данных картотеки.

На 1 октября 1949 г. в центральной картотеке учета выселенцев-спецпоселенцев насчитывалось 3 361 328 учетных карточек форм № 5 и № 6 на 1 680 748 человек. Уже в ходе работы по созданию картотеки по имеющимся карточкам с 16 июня 1949 г. была организована справочная работа. За полтора месяца от органов МВД-МГБ для проверки по картотеке поступило 5338 запросов, по которым было выдано 1029 справок о месте поселения проверяемых. В дальнейшем по картотеке также составлялись сведения о движении выселенцев-спецпоселенцев. За 3-й квартал 1949 г. были получены запросы от органов МВД-МГБ о проверке

23 674 выселенцев-спецпоселенцев, из них: от органов МВД — на 23 132 чел., от органов МГБ — на 542 человека. По поступившим запросам были высланы справки о месте поселения выселенцев-спецпоселенцев на 5512 чел., из них — на 4064 разыскиваемых. Также было составлено извещений о прибытии и убытии выселенцев-спецпоселенцев на 29 553 человека ²⁵.

В июне 1949 г. 1-м спецотделом МВД СССР совместно с Отделом спецпоселений МВД СССР был разработан перечень групп выселенцев-спецпоселенцев, по которым в центральной картотеке 1-го спецотдела МВД СССР раскладывались и хранились карточки персонального учета формы № 6. Данный перечень отражает все контингенты (категории учета) выселенцев-спецпоселенцев, расселенных в местах спецпоселений с 1930 по 1949 год.

Таблица 3

Перечень групп выселенцев-спецпоселенцев
центральной картотеки 1-го спецотдела МВД СССР. 1949 г.

№№ пп	Наименование контингента	Наименование групп учета	
1.	Выселенцы- немцы	1-я группа	лица немецкой национальности
		2-я группа	лица других национальностей, выселенные вместе с немцами
2.	Выселенцы с Северного Кавказа	1-я группа	чеченцы
		2-я группа	ингуши
		3-я группа	балкарцы
		4-я группа	карачаевцы
		5-я группа	лица других национальностей, выселенные вместе с чеченцами, ингушами, балкарцами и карачаевцами
3.	Выселенцы из Крыма	1-я группа	крымские татары
		2-я группа	крымские болгарцы
		3-я группа	крымские армяне
		4-я группа	крымские греки
		5-я группа	лица других национальностей, выселенные вместе с крымскими татарами, с крымскими болгарами, армянами и греками
4.	Выселенцы из Грузии	1-я группа	турки
		2-я группа	курды
		3-я группа	хемшилы
		4-я группа	лица других национальностей, выселенные вместе с турками, курдами и хемшилами
5.	Выселенцы- калмыки	1-я группа	калмыки
		2-я группа	лица других национальностей, выселенные вместе с калмыками

№№ пп	Наименование контингента	Наименование групп учета	
6.	Выселенные из Прибалтийских республик	1-я группа	латыши
		2-я группа	литовцы
		3-я группа	эстонцы
		4-я группа	лица других национальностей, выселенные из Прибалтийских республик в 1949 году
7.	Спецпоселен- цы «бывшие кулаки»	1-я группа	бывшие кулаки всех национальностей, кроме перечисленных во 2-й группе
		2-я группа	бывшие кулаки из числа лиц, принадлежа- щих к национальностям: немцам, чеченцам, ингушам, карачаевцам, балкарцам, курдам, туркам, хемшилам, крымским татарам, крым- ским грекам, крымским болгарам и калмыкам, переселенным на спецпоселение навечно
8.	Спецпоселенцы «власовцы»	1-я группа	«власовцы» всех национальностей, кроме перечисленных во 2-й группе
		2-я группа	«власовцы», принадлежащие к национально- стям: немцам, чеченцам, ингушам, карачаев- цам, балкарцам, курдам, туркам, хемшилам, крымским татарам, крымским армянам, крым- ским болгарам, и калмыкам, переселенным на спецпоселение навечно
9.	Спецпоселенцы «указники»	1-я группа	«указники» всех национальностей, кроме пере- численных во 2-й группе
		2-я группа	«указники» из числа лиц, принадлежащих к национальностям: немцам, чеченцам, ингу- шам, карачаевцам, балкарцам, курдам, туркам, хемшилам, крымским татарам, крымским ар- мянам, крымским грекам, крымским болгарам и калмыкам, переселенным на спецпоселение навечно
10.	Спецпоселенцы «поляки»	1-я группа	лица польской национальности
		2-я группа	лица других национальностей, выселенные вместе с поляками
11.	Спецпоселенцы из Литов- ской ССР («литовцы»)	В картотеке карточки ф. № 6 на отдельные группы не разбиваются	
12.	Спецпоселенцы «оуновцы»		
13.	Спецпоселенцы «фольксдейч»		
14.	Спецпоселенцы «немецкие пособники»		
15.	Спецпоселенцы «ИПХ» (сектанты)		

Источники: ГАРФ, ф. 9479сч, оп. 1, д. 459, л. 87—88.

По постановлению Совета Министров СССР от 14 июня 1950 г., работа по спецпоселениям перешла в ведомство МГБ СССР, в том числе — трудоустройство, обеспечение жильем спецпереселенцев, ссыльных и высланных²⁶. Учет в спецкомендатурах в ведомстве МГБ велся по книгам посемейно-персонального учета, в горрайотделениях и 9-м отделе МГБ — по карточкам учета, составленным из персональных учетных карточек формы № 5. Кроме того, каждый взрослый ссыльный, высланный и спецпоселенец учитывался по персональному личному делу²⁷.

По итогам проведенного в СССР переучета, на 1 октября 1949 г. в местах спецпоселений было расселено 2 618 968 спецпереселенцев и выселенцев, в том числе 53 401 чел. в ИТЛ и на стройках МВД²⁸. Карточек персонального учета, по итогам создания всесоюзной алфавитно-справочной картотеки, отражавших наличие выселенцев-спецпоселенцев, находившихся в местах поселения к 1 октября 1949 г., было оформлено на 1 680 748 человек²⁹. Несоответствие общего числа спецпоселенцев и выселенцев количеству оформленных карточек персонального учета объясняется тем, что карточки учета заводились на взрослых спецпоселенцев и выселенцев по достижении 16-летнего возраста. Дети до 16 лет записывались в карточки родителей. Ежегодно достигшие 16-летнего возраста ставились на персональный учет. В частности, в 1949 г. на учет было взято детей спецпоселенцев — 47 301 чел., в период с 1945 по 1950 г. — 204 109³⁰.

После создания картотеки централизованного учета в МВД СССР периферийными органами МВД предоставлялись ежемесячные сводки о движении спецпереселенцев и выселенцев. Сведения о «прибытии» и «об убытии», содержащиеся в сводках, вносились в картотеку. В течение 1949—1951 гг. было заведено более 150 дел, в которые были подшиты полученные за это время ежемесячные сводки о движении. Эти дела в 1953 г. были уничтожены. В справке за подписью начальника 1-го отделения МВД СССР от 4 апреля 1953 г. указывалось: «В связи с тем, что полученные учетно-регистрационные материалы обработаны, они в дальнейшей работе использованы быть не могут и оперативной ценности не представляют, считаем целесообразным дела с ежемесячными сводками о движении уничтожить по акту». Согласно акту от 22 апреля 1953 г., утвержденному начальником отдела «П» МВД СССР, и прилагаемой описи, было произведено уничтожение «путем сожжения» 165 дел с ежемесячными сведениями по форме № 1 «О движении спецпоселенцев» и перепиской по уточнению этих сведений. Отмечалось, что «уничтоженные дела согласно прилагаемой описи оперативной ценности не представляют и в дальнейшей работе не требуются». Дела содержали сведения по ежемесячной отчетности о движении спецпоселенцев и переписку о проверке запросов по картотеке по 51 спецпереселенческому региону, в том числе по союзным республикам: Казахской ССР, Карело-Финской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР, Туркменской ССР, Узбекской ССР³¹.

Проблема насильственных переселений на сегодняшний день является достаточно разработанной, но отдельные факты остаются малоизвестными. Текст приказа о создании всесоюзной картотеки выселенцев и спецпоселенцев и картотека являются недоступными для исследователей (приказ МВД СССР № 00165 от 19 февраля 1949 г. «Об организации персонального учета выселенцев и спецпоселенцев по новой системе»

не является рассекреченным документом), поэтому отчетные документы о создании всесоюзной картотеки, впервые вводимые в научный оборот, представляют большую историческую ценность. Исследованные материалы доказывают, что общие сведения не составлялись без отчетов из регионов, а также позволяют прояснить важные детали процесса сбора и формирования в системе МВД СССР статистических данных о гражданах, высланных в ходе принудительных миграций.

Примечания

Исследование подготовлено в рамках выполнения плановой темы «Социально-политические, социально-экономические и демографические процессы на Европейском Севере России (по материалам Республики Коми): новые источники и историография». № ГР АААА-А17—117021310064—0.

1. КИРИЛЛОВ В.М. Историография истории репрессий в СССР и на Урале. В кн.: *Власть и общество: Сб. научн. трудов преп. ист. фак-та. Нижний Тагил. 1996*, с. 77.
2. СЛАВКО Т.И. Кулацкая ссылка на Урале 1930—36 гг. М. 1995, с. 7
3. ВЕРТ Н. Введение. История сталинского ГУлага. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов. Собрание документов в 7 томах. Т. 1. М. 2004, с. 75; ГУРЬЯНОВ А.Е. Польские переселенцы в СССР в 1940—41 гг. В кн.: *Репрессии против поляков и польских граждан. М. 1997*, с. 114—136; ЗЕМСКОВ В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР). — *Социологические исследования. 1990*, № 11, с. 3—17.
4. ЗЕМСКОВ В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. М. 2005, с. 14
5. ЕГО ЖЕ. Заключенные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (Статистико-географический аспект). — *История СССР. 1991*, № 5, с. 151—165.
6. ПОЛЯН П.М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М. 2001; ЗЕМСКОВ В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960.
7. СТАРОСТИН С.И. Трагические страницы истории. Точка еще не поставлена... В кн.: *Историческое краеведение и архивы. Вып. 5. Вологда. 1999*, с. 71.
8. Национальный архив Республики Коми (НА РК), ф. р. 374, оп. 1, д. 8, л. 28.
9. СТАРОСТИН С.И. Ук. соч.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 9479сч, оп. 1, д. 74, л. 15, 182.
11. Там же, д. 71, л. 91, 92, 137.
12. Информационный центр (ИЦ) МВД Республики Коми. Архивный отдел, ф. 31, оп. 1, д. 34, л. 74.
13. ИЦ УМВД по Архангельской области. Архивный отдел, ф. 33, оп. 1, д. 6, л. 3.
14. Там же, д. 30, л. 2.
15. ГА РФ, ф. 9479сч, оп. 1, д. 642, л. 268.
16. Там же, д. 460, л. 136, 242.
17. Там же, д. 459, л. 3—5, 69.
18. Там же, д. 465, л. 73.
19. Там же, д. 459, л. 20.
20. Там же, л. 60.
21. Там же, л. 70, 83.
22. Там же, д. 471, л. 249, 250.
23. ИЦ УМВД по Вологодской области. Архивный отдел, ф. 24, оп. 1, д. 7, л. 200.
24. ГА РФ, ф. 9479сч, оп. 1, д. 459, л. 69.
25. Там же, л. 69, 96.
26. НА РК, ф. р. 605, оп. 4, д. 203, л. 30.
27. ИЦ УМВД по Архангельской области. Архивный отдел, ф. 33, оп. 1, д. 46, л. 3.
28. ГА РФ, ф. 9479сч, оп. 1, д. 641, л. 410.
29. Там же, д. 459, л. 97.
30. Там же, д. 436. л. 65—67.
31. Там же, д. 642, л. 185, 187—195.

О некоторых особенностях функционирования транспортных трибуналов в начале 1920-х гг.

Д.Н. Шкаревский

Аннотация. С конца 1917 — начала 1918 г. в Советской России наблюдалось формирование двух параллельных систем юстиции — общей, в основе которой находились народные суды, и специальной, основанной на работе различных трибуналов, в том числе транспортных. Данная работа посвящена выявлению основных проблем и недостатков функционирования транспортных трибуналов, а также особенностям судопроизводства в этих органах юстиции. По мнению автора, система органов юстиции на транспорте страдала большим количеством недостатков. Автор приходит к выводу, что качество функционирования этой системы находилось на достаточно низком уровне.

Ключевые слова: специальная юстиция, транспортная юстиция, транспортные трибуналы.

Abstract. In Soviet Russia, the formation of two parallel systems of justice is observed. First, the general — on the basis of people's courts. Secondly, special — on the basis of various tribunals. This work is devoted to identifying the main problems and shortcomings in the functioning of the transport tribunals, as well as to the peculiarities of legal proceedings in these bodies of justice. According to the author, the transport tribunals suffered from a large number of shortcomings. The author comes to the conclusion that the quality of the functioning of this system was at a low level

Key words: special justice, transport justice, transport tribunals.

Оформление системы органов транспортной юстиции происходило в начале 1920-х годов. Представляется, что это явление можно рассматривать как часть процесса формирования системы специальной (или политической) юстиции, в основе которой находились различные трибуналы (в том числе транспортные). Кроме системы специальной юстиции, наблюдалось становление внесудебной системы (на основе органов ЧК) и системы органов общей юстиции (на основе народных судов).

До недавнего времени деятельность органов транспортной юстиции рассматривалась в комплексе с другими органами юстиции Советского

Шкаревский Денис Николаевич — кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного университета, докторант. E-mail: shkarden@mail.ru.

Shkarevsky Denis N. — PhD (History), associate professor of the Surgut State University. E-mail: shkarden@mail.ru.

государства ¹. Лишь недавно появились самостоятельные исследования, объектом которых является функционирование трибуналов на транспорте в 1920-е годы ². Поэтому рассмотрение проблем, связанных с практической деятельностью транспортных трибуналов в этот период, является достаточно актуальным. Главная задача данного исследования состоит в том, чтобы определить основные трудности и недостатки их деятельности, а также выделить особенности судопроизводства в органах транспортной юстиции.

Транспортные трибуналы начали активно создаваться после принятия специального Положения в марте 1920 г. и испытывали недостаток финансирования. К примеру, «на все виды довольствия по военному ведомству» они были зачислены спустя месяц после издания Положения ³. В июне 1920 г. Главный революционный военный железнодорожный трибунал (ГРВЖДТ) даже затребовал сверхсметное финансирование в размере 179 030 385 руб. на содержание дорожных трибуналов. Однако Междуведомственная комиссия при Финотделе РВСР одобрила выделение дополнительных средств только в размере 85 000 000 рублей ⁴.

Отмечу, что государство, по мере возможности, старалось поддерживать сотрудников этих органов, например, им должны были «отпускать дрова наравне с железнодорожными служащими» ⁵. Однако проблем со снабжением у военных трибуналов на транспорте было много. К тому же, на них распространялись различные ограничения. К примеру, им было запрещено приобретать «канцелярские и хозяйственные принадлежности» на «частном рынке» ⁶. В результате в ходе проверок транспортных трибуналов обнаружилось, что нередким стало «позаимствование денежных сумм из сумм, хранящихся в качестве вещественных доказательств» ⁷.

Финансирование транспортных трибуналов оставалось проблемным в течение практически всего периода их существования. К примеру, в сентябре 1923 г. произошло перераспределение штатов транспортных трибуналов — была введена должность счетовода по двойной американской системе за счет сокращения других сотрудников ⁸. Проблемы материального обеспечения сотрудников трибуналов признавались, но их решение перекладывалось с одного органа на другой. Так, фракция Укрбюро ЦК ж.д. рекомендовала «обратиться с соответствующим письмом на места» и «решать проблемы местными средствами» ⁹.

Еще одной проблемой оставался не вполне ясный статус транспортных трибуналов. Так, Цекпрофсоюз рассматривал их как один «из органов комиссаров НКПС, действующих в интересах укрепления и восстановления транспорта путем борьбы с расхлябанностью трудовой дисциплины, изъятия из рабочей массы вредных элементов и искоренения должностных преступлений». Цекпрофсоюз считал, что служащие транспортных трибуналов должны быть включены в состав Союза рабочих и служащих железнодорожного транспорта ¹⁰. В итоге ГРВЖДТ вынужден был издавать приказы с разъяснением своего положения не как железнодорожного учреждения, а как военного ¹¹.

В начале 1920-х гг. закладывались основы управления трибуналами. Уже в это время Центр требовал организовывать на местах различные кампании по борьбе с отдельными видами преступлений, то есть закладывались основы так называемого «кампанейского правосудия». 3 мая

1920 г. трибуналы получили распоряжение организовать борьбу «с прогулами, трудовым дезертирством, уклонением от исполнения трудового долга под разного рода фиктивными бюллетенями и свидетельствами». Для этого требовалось организовать показательные процессы и широко осветить их в печати ¹².

13 мая 1920 г. внеочередной военной телеграммой от трибуналов потребовали организовать кампанию по борьбе с хищениями и кражами железнодорожного имущества. При этом виновных, а также их пособников предлагалось «рассматривать как злейших врагов советской власти» и назначать наказание «вплоть до расстрела», а при рассмотрении этих дел «не допускать ни малейшего промедления или смягчения» ¹³.

22 июля 1920 г. Ю. Межин (председатель ГРВЖДТ) потребовал усилить борьбу с авариями и крушениями на транспорте и приказал по этим преступлениям «выносить самые суровые приговоры вплоть до расстрела в тех случаях, когда вина является особо серьезной, и считать, что виновные в небрежно-халатном отношении к своему трудовому долгу не заслуживают никакого снисхождения» ¹⁴.

13 ноября 1920 г. центр вновь потребовал организовать борьбу с хищениями грузов на транспорте, поскольку это «увеличивает “голодное” настроение пролетариата и всего населения». Необходимо было провести «широкие, громкие публичные процессы о хищениях, приравливая слушание означенных дел таким образом, чтобы они носили сессионный характер, т. е., чтобы на протяжении известного времени — одной, двух недель — шли подряд таковые громкие процессы о хищении с привлечением... местных органов печати» ¹⁵.

В дальнейшем проблема хищений на транспорте также стояла достаточно остро. Так, по статистике НКПС, в 1920 г. было похищено 1098 тыс. пудов грузов, в 1921 г. — 2435 тыс., за 10 мес. 1922 г. — 4340 тыс. пудов. Размер похищенного в 1922 г. оценивался в 10—15% бюджета НКПС. Поэтому в марте 1923 г. Межин циркуляром № 17 приказал провести следствие по этим делам «в самом спешном порядке», оживить деятельность следственного аппарата, обратить внимание на «халатность и попустительство администрации» НКПС. В суде эти дела было приказано назначать к рассмотрению «в самом срочном порядке», информируя населения о проводимых процессах, и, кроме того, «усилить репрессии по делам о хищениях» ¹⁶.

Еще одной проблемой в деятельности трибуналов транспорта являлось запущенное состояние делопроизводства. К примеру, в октябре 1920 г. руководство потребовало пронумеровать все дела, «как решенные, так и не решенные», с момента образования трибунала ¹⁷.

Нередко возникали трения между транспортными трибуналами и органами районной транспортной чрезвычайной комиссии (РТ ЧК), которые доходили «до грубых формальностей» из-за «нежелания считать, что ими Трибуналы, по Положению, имеют право пользоваться, как следственными органами». РТ ЧК отказывались выполнять требования трибуналов, что «осложняло и тормозило» рассматриваемые дела ¹⁸. Также не было взаимопонимания между этими органами по поводу членов трибуналов, направляемых от РТ ЧК. Последние считали достаточным лишь участие своих представителей в судебных заседаниях, а транспортные трибуна-

лы рассматривали их как своих полноправных членов, находящихся в их полном распоряжении. СНК заявил, что не поддерживает ни одну из этих точек зрения, однако в своем циркуляре № 14632 указал, что «представители РТ ЧК, делегированные в трибуналы, находятся в полном распоряжении РТЧК» и «не могут нести свою работу в трибунале на общих основаниях с остальными членами трибунала». Представителей РТ ЧК рекомендовалось использовать в распорядительных заседаниях, так как именно здесь они могли «дать чрезвычайно полезные указания и разъяснения» и, что самое главное, направить рассмотрение дела в нужном направлении. Участие же представителей РТ ЧК в судебных заседаниях рассматривалось как умаляющее «самый смысл представительства РТ ЧК» в трибуналах, что не обеспечивало «единство работы» между ЧК и трибуналами ¹⁹.

Еще одной проблемой являлось отсутствие согласованной работы в структуре органов транспортной юстиции. Старший помощник прокурора РСФСР Н. Крыленко в ноябре 1922 г. отметил, что воднотранспортные прокуроры обращаются по разным вопросам, минуя помощника прокурора Республики при Верхтрибе, сразу в Отдел прокуратуры при НКЮ. По его мнению, это «нарушало общий ход работы и вносило разнообразие в общую систему руководства». Поэтому он требовал «все письменные сношения вести через помощника прокурора при Верхтрибе» ²⁰.

Среди основных недостатков функционирования органов юстиции на транспорте назывались следующие. Во-первых, «очевидная неподготовленность членов... к выполнению возложенных на них задач (кроме Верховного Трибунала)». Во-вторых, «чрезвычайная медлительность производства по делам, в результате коей, лица оправданные впоследствии за полным отсутствием материалов обвинения, успевают месяцами отсидеть в тюрьме до их освобождения». В качестве примера приводились дела начальников станций Северо-Западной ж. д. Китова и Демидова, заведующего 3-й дистанцией пути 6-го участка Рыбинстройки Малышева. В-третьих, отмечалось, что в деятельности «местных органов ТЧК [транспортной ЧК] приняты внезапные массовые аресты работников на самые разнообразные сроки и позднейшее освобождение их даже без указаний за что они сидели». Поэтому работники транспорта просили «при создании новых основ судебной деятельности в стране окончательно положить предел самой возможности подобных явлений» ²¹.

Помимо прочего, созданная система органов транспортной юстиции отличалась достаточно высокой степенью конфликтности. Нередко возникали недопонимания между трибуналами и НКПС. Один из подобных конфликтов закончился обвинением сотрудников трибунала в коррупции и разбирательством дела о получении взятки ²².

В течение всего периода существования транспортных трибуналов так и не были урегулированы отношения между ними и органами, выполнявшими функции юстиции на транспорте (прокуратура, транспортные отделы ВЧК/ГПУ), а также милицией ²³. Возникали конфликты между трибуналами и представителями местных административных органов ²⁴. Довольно часто подобные инциденты были вызваны появлением новых распоряжений. Так, циркуляр ГРВЖДТ от 14 мая 1920 г. предписывал трибуналам не пересматривать решения ТО ВЧК ²⁵. Видимо конфликты

между трибуналами и комиссарами железных дорог были частым явлением. Поэтому существовало разъяснение о том, что комиссары не имеют права приостанавливать исполнение приговоров, не связанных с расстрелом ²⁶.

Председатель Сибирского Окружного транспортного трибунала Бутримович отмечал следующие недостатки: «Следователями много времени тратится на переписку по передаче дел по подсудности. Органы Транспортного ГПУ слабо инструктированы и совершенно не имеют представления о трибунальской подсудности, кроме этого дела столь немело и запутанно ведут в стадии дознания, что следователям сплошь приходится все действия проверять сначала и только таким путем выяснять сущность обвинения» ²⁷. При этом он противопоставлял «корректное обращение» следователей некорректному представителю дознания. Также он обращал внимание на тяжелое материальное положение первых, указывая, что становится все труднее удерживать хороших работников.

Отмеченные выше факторы, безусловно, сказывались на деятельности сотрудников системы транспортных трибуналов. Так, в приказе № 63 от 20 апреля 1921 г. по ГРВЖДТ отмечалось, что в данном органе «трудовая дисциплина падает с каждым днем. Опоздания на работу, хождение сотрудников по комнатам без служебной надобности, частые разговоры и праздное времяпрепровождение стали обычным явлением. Исполнение бумаг, занесение и отметки в книги производятся с большим опозданием и неаккуратностью». Также отмечалось, что «на успешность работы, несомненно, отражаются и толки о скорой ликвидации транспортных трибуналов». В приказе указывалось на «злонамеренное распространение сплетен и слухов». Межин отмечал, что новый нарком путей сообщения Ф. Держинский потребовал «поднять и усилить» работу транспортных трибуналов и «восстановить трудовую дисциплину» ²⁸.

Таким образом система военных транспортных трибуналов оказалась заложницей временного характера своей деятельности. Недостаточное финансирование, различные ограничения, регулярные внутренние и внешние конфликты разлагали трудовую дисциплину, «выталкивали» наиболее работоспособных сотрудников, что отрицательным образом сказывалось на имидже этих органов.

Военные трибуналы действовали на основании не только опубликованного законодательства, но и внутренних инструкций, которые, зачастую, носили секретный характер. Причем эти инструкции могли прямо противоречить опубликованным нормативным актам. Примечательно, что циркулярное письмо № 1 от 11 марта 1920 г., подписанное председателем ГРВЖДТ Межиным, касалось процессуальных особенностей. Так, «ввиду особой важности» рекомендовалось обратить особое внимание на необходимость применения мер пресечения вплоть до ареста сразу же по получении достаточного материала для предания суду. Подписку о невыезде и явку по первому требованию, оставление на свободе под поручительство или залог рекомендовалось применять лишь в случае маловажности дела. Также меру пресечения рекомендовалось выбирать в зависимости от служебного положения привлекаемого к ответственности: «по степени служебного положения лица должна применяться более серьезная мера пресечения» ²⁹.

Основным принципом судопроизводства в транспортных трибуналах объявлялся принцип целесообразности, а основной целью — «не мечь, но обезвреживание преступника». Поэтому руководство требовало при рассмотрении дел учитывать политическую и экономическую обстановку не только на момент совершения преступления, но и на момент рассмотрения дела. Например, когда в мае 1921 г. трибуналом Чёрного и Азовского морей был поднят вопрос «об установлении [срока] погасительной давности по делам о разного рода преступлениях», в этом ему было отказано. Такое предложение было признано нецелесообразным в связи с тем, что оно не обеспечивало индивидуализацию отношения судебного органа к каждому преступлению³⁰.

Трибуналам запрещалось смягчать наказание различными способами: «назначать наказание в виде откомандирования на работы по специальности по ходатайству учреждений или самостоятельным постановлением, будь то по болезни, будь то на поруки и т. д.»³¹.

Судопроизводство в транспортных трибуналах страдало от противоречивых указаний. Например, п. 1 октябрянского циркуляра 1922 г. № 163, в связи с сокращением численности транспортных трибуналов и ограничением их подсудности, предписывал все дела о преступлениях работников подсобных предприятий железнодорожного транспорта («агрономических, санитарно-врачебных, продовольственных») передавать в Губревтрибуналы или народные суды. В то же время, п. 2 этого же циркуляра указывал на то, что подобные дела могут быть приняты к рассмотрению транспортными трибуналами. Также п. 3. предписывал направлять в нарсуды дела, связанные с нарушением правильной деятельности транспорта, но «не повлекших особо тяжелых последствий, совершенных без корыстных или иных личных видов»³².

При рассмотрении дел сотрудникам трибуналов приходилось учитывать различные поводы для отмены приговора в кассационной коллегии Верховного трибунала. Среди них назывались следующие: отсутствие в деле выписки из протокола распорядительного заседания, удостоверяющего факт обсуждения вопросов о назначении дела к слушанию, допущении по делу обвинения и защиты, и вызова или не вызова свидетелей; не вручение привлеченному по делу обвинительного заключения. Однако, признавались допустимые отступления от этих правил в случаях: привлечение по делу большого количества обвиняемых (более 5); привлечения по ряду дел (по дезертирским делам, по делам о неуплате налогов или не выполнении повинностей, по обвинению в участии в массовых беспорядках)³³.

Отмечу, что единообразной судебной практики в транспортных трибуналах не существовало. Так, кражи грузов сотрудниками трибуналов квалифицировались по разным статьям УК: п. «а» ст. 180 (кража лицом, которому поручена охрана) или ст. 208 (нарушение военнослужащими уставных правил караульной службы)³⁴.

После объединения транспортных трибуналов в 8 окружных, качество их работы существенно не изменилось. Многие продолжали допускать различные нарушения, в том числе процессуальные. Среди них можно отметить следующие. Указание меры пресечения в приговоре (нарушение ст.ст. 334—339 УПК). При применении амнистии оставшийся

срок наказания признавался условным; в описательной части приговора отмечалась неявка подсудимого в суд. Вставлялись лишние фразы, что «нарушало форму и краткость приговора». Нарушался процесс передачи дел для наказания в дисциплинарном порядке; срок предварительного заключения не зачитывался при назначении наказания³⁵.

Составление приговоров в транспортных трибуналах находилось на достаточно низком уровне. ГРВЖДТ неоднократно указывал на подобные ошибки. К примеру, трибуналы не указывали в приговорах формулировку: «приговор обжалованию не подлежит»³⁶, что имело существенное значение. Нередко наблюдались нарушения элементарных норм судопроизводства. К примеру, в совещательную комнату допускался секретарь, «чтобы записать результаты совещания»³⁷.

Таким образом, основу кадрового состава транспортных трибуналов составляли люди без юридического образования, что сказывалось на их работе. К тому же система управления трибуналами в тех условиях зачастую давала сбои — новые циркуляры, нормативные акты могли попросту не попасть к адресатам и соответственно не учитывались в работе трибуналов. Кроме того, на деятельности транспортных трибуналов отразилось внедрение принципов целесообразности и революционной законности. Система органов юстиции на транспорте явно оказалась заложницей временного характера своей деятельности. Недостаточное финансирование, различные ограничения, регулярные внутренние и внешние конфликты разлагали трудовую дисциплину, «выталкивали» наиболее работоспособных сотрудников. Все это не смогло обеспечить функционирование системы транспортных трибуналов на должном уровне.

Примечания

1. АБРАМОВ В.В. Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918—1922 гг.): По материалам Пензенской губернии. Дисс. канд. ист. наук. Пенза. 2004; ГОРЬБЕВ Д.А. Деятельность революционных трибуналов на Кубани: 1918—1922 гг. Диссертация канд. ист. наук. Армавир. 2011; МАЛЫХ И.П. Создание и деятельность революционных трибуналов на Южном Урале в 1919—1921 годах: исторический аспект. Дисс. канд. ист. наук. Челябинск. 2010; ФЕДОРЕНКО П.П. Революционные трибуналы Смоленской губернии: Декабрь 1917—1922 гг. Дисс. канд. ист. наук. Брянск. 2006.
2. ЧАРЫЙ С. Революционные военные трибуналы на транспорте. 1918—1923 гг. <http://polit.ru/article/2014/05/11/revtrib>; ГРИГОРЬЕВ О.В. На опасных перегонах: военное правосудие на железных дорогах (1918—1921 гг.). — Историческая и социально-образовательная мысль. 2017, № 4/2, т. 9, с. 18—23.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 3042, оп. 1, д. 2, л. 7.
4. Там же, д. 17, л. 7—8.
5. Там же, д. 21, л. 6.
6. Там же, л. 14об.
7. Там же, л. 28.
8. Там же, д. 50, л. 12.
9. Там же, д. 53, л. 21.
10. Там же, д. 21, л. 3.
11. Там же, д. 3, л. 27.
12. Там же, д. 2, л. 12.
13. Там же, л. 19—19об.
14. Там же, л. 38.

15. Там же, л. 45.
16. Там же, д. 50, л. 1—4.
17. Там же, д. 2, л. 51.
18. Там же, д. 3, л. 6об.
19. Там же, л. 33.
20. Там же, д. 37, л. 4.
21. Там же, д. 47, л. 2.
22. Там же, д. 53, л. 3—5об.
23. Там же, л. 4.
24. Там же, д. 54, л. 28об.
25. Там же, д. 2, л. 20.
26. Там же, л. 52; д. 3, л. 4.
27. Там же, д. 54, л. 26.
28. Там же, оп. 2, д. 6, л. 63.
29. Там же, оп. 1, д. 2, л. 1.
30. Там же, д. 22, л. 19об.
31. Там же, л. 27.
32. Там же, д. 37, л. 8—9.
33. Там же, д. 47, л. 1.
34. Там же, д. 50, л. 18.
35. Там же, д. 53, л. 19—20.
36. Там же, д. 2, л. 25.
37. Там же, л. 48.

Охрана полицией общественного порядка на железных дорогах Российской империи: уголовно-правовой аспект

В. И. Долинко, Ю. В. Рыжова

Аннотация. В публикации рассматриваются проблемы противодействия преступности и охраны общественного порядка полицией Российской империи на железных дорогах страны. Полиция России во все времена надежно защищала уголовно-правовыми мерами общественный порядок и общественную безопасность, эффективно противодействуя преступности, качественно обеспечивая спокойствие граждан и общества.

Ключевые слова: полиция, противодействие преступности, железная дорога, охрана, уголовно-правовой аспект, порядок.

Annotation. The publication deals with the problems of combating crime and the protection of public order by the police of the Russian Empire on the Railways of the country. The police of Russia at all times reliably protected public order and public safety with criminal-legal measures, effectively counteracting crime, qualitatively providing tranquility of citizens and society.

Key words: police, counteraction to crime, railway, protection, criminal-legal aspect, order.

В современной России железные дороги как стратегический объект выполняют важнейшую роль. Прежде всего, следует отметить, что железнодорожный транспорт является важнейшей бюджетобразующей сферой страны. Транспорт, как и железные дороги — это своего рода «артерии» государства, и любое нарушение в данной сфере может привести к очень серьезным негативным последствиям для его экономики. Большое значение представляет исторический опыт функционирования железных дорог в России. Достаточно вспомнить, что первоначально они были частными, позднее — казенными.

Долинко Василий Иванович — начальник редакционно-издательского отдела Академии управления МВД России. E-mail: Dol271@yandex.ru; *Рыжова Юлия Валерьевна* — кандидат юридических наук, доцент Академии управления МВД России. E-mail: julia1806@yandex.ru.

Dolinko Vasily I. — head of the Publishing Editorial Department (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia). E-mail: Dol271@yandex.ru; *Ryгова Yulia V.* — candidate of law, associate professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: julia1806@yandex.ru.

По площади европейской части, без Финляндии, Российская империя занимала ведущее место в Европе, далеко опережая наиболее крупные империи Центральной, Юго-Восточной и Западной Европы: Австро-Венгрию и Германию. Однако по сравнению с ними «Россия имела самую низкую плотность населения на один квадратный километр — 28 человек по сравнению с Австро-Венгрией — 76 человек и Германией — 124 человека. В данном случае это значит, что для России значительно возрастали проблемы транспортных коммуникаций, ибо малая плотность населения при больших расстояниях повышала необходимость пассажирских и грузовых перевозок. Однако по общей протяженности всех видов путей сообщения — 137480 км — Россия существенно отставала от Австро-Венгрии — 192140 км и Германии — 341540 км. Соответственно и протяженность транспортных магистралей на 10000 жителей в России — 8,7 км была значительно меньше по сравнению с Австро-Венгрией — 37 км и Германией — 51 км. Это в целом по всем видам транспорта»¹. И действительно, зависимость России от качества дорог наглядно проявилась в двух величайших испытаниях, выпавших на долю страны в начале XX столетия — Русско-японской войне и революции 1905 года.

Неудачи русской армии на полях Маньчжурии во многом объяснялись тем, что связь Дальнего Востока с центральными губерниями обеспечивалась только Транссибирской магистралью, строительство которой к 1904 г. еще не было закончено. Кроме того необходимо было прокладывать железнодорожную линию в обход Байкала, в связи с чем задержка с подкреплением, медицинскими поездами, артиллерией становилась достаточно серьезным фактором, благоприятствовавшим Японии.

В начале XX в. деятельность российских железных дорог опиралась на обширную законодательную базу. По степени иерархии нормативных правовых актов, прежде всего, следует отметить: «Свод основных государственных законов» (в редакции 1906 г.) и «Учреждение Совета Министров». Основным нормативным правовым актом являлся «Общий Устав Российских железных дорог», утвержденный императором Александром III 12 июня 1885 года. В отдельную группу можно выделить законы правоустанавливающего характера: «Учреждение Министерства финансов», «Почтовый устав», «Таможенный Устав» и др. Наибольшее количество документов составляли ведомственные инструкции Министерства путей сообщения и Министерства финансов.

Еще ранее, в 1833 г., были разработаны и приняты «Основные правила об устройстве и содержании дорог в государстве», в соответствии с которыми все дороги разделялись на пять классов: 1) дороги главных сообщений или государственные, содержавшиеся за счет особого 25-копеечного сбора; 2) дороги больших губернских сообщений, содержавшиеся за счет земских повинностей губернскими властями под главным распоряжением Министерства внутренних дел; 3) дороги обыкновенные почтовых сообщений, из губернии в губернию, оставленные в ведении губернских учреждений; 4) дороги уездных сообщений — в ведении земской полиции; 5) дороги сельские и полевые, содержавшиеся за счет местных владельцев и казенных крестьян.

Строительство Санкт-Петербургско-Московской железной дороги стало крупнейшим достижением русской инженерной мысли. Две

российские столицы были соединены между собой. Достаточно часто можно встретить в исторической литературе, в различных исторических очерках, посвященных железнодорожному строительству, утверждение, что Санкт-Петербургско-Московская железная дорога стала своего рода памятником царствованию императора Николая I — сторонника научно-технического прогресса. Например, только к концу его царствования в стране было построено 1044 км железных дорог. Кроме этого, в Российской империи была значительно усовершенствована система речного судоходства. 1 сентября 1868 г. Николаевская железная дорога стала собственностью Главного общества российских железных дорог.

Таким образом, в процессе столь важных государственных преобразований вопросы развития транспорта занимали в Российской империи одно из приоритетных направлений.

При рассмотрении вопроса, связанного с проблемой охраны железных дорог и общественного порядка на них, представляет интерес Манифест императора Александра I «Учреждение об управлении водяными и сухопутными сообщениями» от 20 ноября 1809 г., во исполнение которого и была создана полицейская команда, формировавшаяся Дирекцией водяных и сухопутных коммуникаций, состоявшая из смотрителей в чине унтер-офицеров, рядовых и лоцманов, и формировавшаяся непосредственно директором окружного управления. Полицейская команда не входила в систему местной администрации, городской и сельской полиции, но уже в то время на нее была возложена обязанность поддержания правопорядка на речном транспорте, сухопутных дорогах, а также обеспечение безопасности пассажиров и сопровождение грузов в целях предотвращения хищений.

29 сентября 1832 г. круг полномочий ведомства путей сообщения существенно расширился: в его состав вошла вся строительная часть Министерства внутренних дел, получившая название Главное управление путей сообщения и публичных зданий. Его возглавил Карл Фёдорович Толь, который добился по утвержденному императором 23 ноября 1834 г. новому штату Корпуса инженеров путей сообщения значительного увеличения его командного состава, в котором находились: «21 генерал, 23 полковника, 31 подполковник, 46 майоров, 85 капитанов. Количество младших офицеров определялось наличием выпускников института»². Именно во время пребывания генерала К. Ф. Толя во главе ведомства — 30 октября (11 ноября) 1837 г. — состоялось торжественное открытие первого отрезка дороги, связавшей Петербург с пригородной резиденцией императора — Царским Селом.

Строительство железных дорог, их последующая эксплуатация привели к концентрации на прилегающих к ним территориях большого количества населения и материальных ценностей, что в свою очередь потребовало охраны как самих объектов железных дорог, так и общественного порядка в поездах и на станциях. Это могла сделать специализированная структура, которой и являлись созданные жандармские полицейские управления железных дорог. Основной задачей военно-охранительной структуры, сложившейся в России и получившей свое законодательное оформление и развитие начиная уже с первой четверти XIX в., являлось «обеспечение тишины и спокойствия» в государстве, охрана его внутренней безопасно-

сти в тех необходимых случаях, когда для этого была нужна специальная вооруженная и подготовленная сила, организованная, в отличие от полиции, по армейскому образцу. Богатый и малоизученный опыт деятельности жандармской железнодорожной полиции, созданной в 1867 г. и просуществовавшей до 1917 г., представляется весьма интересным

В Российской империи сам термин «жандармы» начал употребляться уже с 1792 года. Именно в этот период будущий император Павел I создал у себя в Гатчине в составе собственных так называемых «модельных» войск небольшую по численности команду, которая стала называться жандармским полком. Также известно, что данные формирования действовали до 1796 года. После этого термин «жандарм» в России не упоминался. Вместе с тем, в русской армии он возродился уже при императоре Александре I во время заграничных походов русской армии в 1813—1814 годах. Так, например, известно, что в армии военно-полицейскую службу нес Борисоглебский драгунский полк, переименованный 27 августа 1815 г. в жандармский. В сферу деятельности жандармов входило наблюдение за порядком на марше, борьба с мародерством, сопровождение раненых. Кроме того, для помощи жандармскому полку был сформирован лейб-гвардии жандармский полуэскадрон.

Отдельно следует отметить, что жандармерии как политической полиции отводилась значительная роль в борьбе с преступностью во всех ее проявлениях. Сфера применения жандармерии как «высшей полиции» в государстве зависела от складывавшейся внутривластной обстановки в стране.

Нельзя обойти вниманием и то, что помимо жандармских подразделений полицейские функции с 1810 г. выполнял Корпус внутренней стражи. Его организатором и первым командующим был сенатор, генерал от инфантерии, граф Евграф Фёдорович Комаровский (1769—1843), являвшийся участником Суворовских походов в Отечественной войне 1812 г. и адъютантом Александра I.

В 1817 г. был принят нормативный правовой акт «Положение для жандармов внутренней стражи», который определял обязанности жандармов, в том числе чинов транспортной полиции. К предметам их ведения относились: преследование и задержание преступников, предупреждение массовых беспорядков, розыск дезертиров, охрана грузоперевозок, конвоирование арестантов, ссыльных и их охрана в местах лишения свободы и т.д. Железная дорога в России была как бы сценой, на которой перед кулисами современного «века машины» разыгрывались драмы новой социальной действительности и внутривластные конфликты конца XIX — начала XX в., что потребовало не только создания принципиально новой правоохранительной организационной структуры, аналогов которой ранее в России не было, но и ее последующего штатного увеличения.

В 40-х гг. XIX в. был введен «особый полицейский надзор в виде жандармских команд и эскадронов, непосредственно подчиненных ведомству Министерству путей сообщения» и выполнявших все требования руководителей строительных участков и администраций железных дорог.

В обязанности чинов управления входил контроль за размещением рабочих, их обеспечением подрядчиками свежей пищей в достаточном количестве и получением необходимой помощи.

Со временем, в связи с увеличением сети железных дорог, станционных сооружений, ростом объемов грузовых и пассажирских перевозок организационно-структурное построение железнодорожной полиции было пересмотрено. Прежде всего, на данные подразделения были возложены функции не только обеспечения безопасности пассажиров и сохранности перевозимых грузов, но и полномочия по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершенных на объектах железнодорожного транспорта, поскольку строительство и эксплуатация железных дорог сопровождались ростом коррупции, казнокрадства, преступлений против личности, краж груза и багажа, а также резким осложнением оперативной обстановки.

Так как железные дороги проходили по территории разных губерний, а нередко и в значительном удалении от населенных пунктов, общая полиция не всегда могла эффективно обеспечить на них общественный порядок. Это, в свою очередь, потребовало разработки и принятия соответствующей нормативной базы и, более того, — ведомственного закрепления полномочий чинов жандармских полицейских управлений на железных дорогах, а также выработки единого подхода и критериев оценки их деятельности. В связи с тем, что линейный принцип строительства железных дорог не позволял привлечь местную полицию к обеспечению общественной безопасности, на железных дорогах был введен особый полицейский надзор в виде жандармских команд и эскадронов.

Рассматривая историю формирования железнодорожной полиции, следует уделить внимание и Корпусу жандармов. Это название заимствовано из Франции, где еще в 1791 г. был сформирован Корпус жандармов для поддержания порядка в армии и внутри государства. Жандармерия представляла собой, по сути, государственную полицию, строившуюся по принципу военной организации. Она находилась в ведении Военного министерства, но при осуществлении полицейских функций подчинялась министру внутренних дел. Жандармерия использовалась, прежде всего, для подавления массовых выступлений трудящихся на улицах Парижа, разгона митингов и т.п. Она должна была содействовать полиции в поимке бродяг, преступников, контрабандистов и т.п. В армии жандармерия выполняла функции военной полиции. Жандармские полицейские управления железных дорог являлись структурным подразделением Корпуса, стоя на страже государственного строя

Указом от 28 апреля 1827 г. было принято решение о создании исполнительного органа III Отделения собственной его императорского величества канцелярии — новой жандармской организации. 25 июня 1826 г. генерал-адъютант граф А.Х. Бенкендорф возглавил III Отделение собственной е.и.в. канцелярии, что сыграло значительную роль в централизации управления всей жандармерией. Указом от 28 апреля 1827 г. «Об учреждении пяти округов жандармского Корпуса» жандармерии³ придавалось название «высшей полиции», а также были определены ее структура и непосредственно сам штат Корпуса.

Позднее, 1 июля 1836 г., принятое «Положения о Корпусе жандармов»⁴ практически завершило процесс построения единой жандармской организации в Российской империи.

В Положении определялась структура и штат Корпуса, система управления и порядок его комплектования, общие направления полицейской

службы. Определенная Положением 1836 г. организация жандармерии оставалась практически неизменной в течение тридцати последующих лет. Вместе с тем, ряд изменений был направлен на решение незначительных вопросов, связанных с образованием новых жандармских команд, перемещением окружных квартир, их распределением по округам и т. д. С 1839 г. должность начальника Штаба Корпуса была совмещена с должностью управляющего III Отделения собственной е. и. в. канцелярии что, в свою очередь, во многом способствовало повышению статуса жандармов. Начиная с середины 40-х гг. XIX в., реализация жандармерией функций контроля и надзора за государственным аппаратом осуществлялась на строящихся в России железных дорогах.

В связи с завершением к началу 60-х гг. XIX в. строительства ряда участков железнодорожного полотна возникла необходимость в организации на них новых жандармских управлений и пересмотре их обязанностей. Прежде всего, необходимо обратить внимание на «Положение о полицейских управлениях на Санкт-Петербургско-Варшавской и Московско-Нижегородской железных дорогах», которое было издано 27 июля 1861 г. и имело своей целью учреждение жандармской полиции на железных дорогах. Кроме того, в целях полицейского надзора за железными дорогами для каждой линии было учреждено полицейское управление из чинов Корпуса жандармов. В соответствии с Положением, штат офицеров формировался по соглашению шефа жандармов с главноуправляющими путей сообщения, а нижние чины назначались по распоряжению Штаба Корпуса жандармов. Позднее был принят ряд других постановлений о жандармской железнодорожной полиции, что было связано с быстрыми темпами строительства новых рельсовых путей. В 1866 г. насчитывалось 6 жандармских полицейских управлений при железных дорогах: а) Николаевской; б) Санкт-Петербургско-Варшавской; в) Московско-Нижегородской; г) Московско-Рязанской; д) Московско-Ярославской; е) Рижско-Динабургской; ж) Динабургско-Витебской. Во главе двух первых жандармских полицейских управлений стояли штаб-офицеры, а остальные возглавлялись обер-офицерами. Всего же в управлениях насчитывалось 30 офицеров, 66 унтер-офицеров и 455 рядовых.

В декабре 1866 г. все жандармские железнодорожные управления были выведены из подчинения Министерства путей сообщения и полностью переподчинены шефу Отдельного Корпуса жандармов, в соответствии с законом «Об обязанностях и подчинении жандармских полицейских управлений железных дорог». С целью определения мер по преобразованию Корпуса жандармов, в июне 1866 г. графом П. А. Шуваловым при Штабе Корпуса была образована Особая комиссия, для работы которой была составлена специальная программа преобразований, предусматривавшая освобождение всех жандармских учреждений от зависимости от посторонних ведомств и определение состава центрального управления Корпуса жандармов и жандармских управлений в губерниях, уездах и на железных дорогах. Комиссия работала месяц. Итогом ее деятельности явились проект «Общего положения о Корпусе жандармов», а также секретная инструкция, составленная в виде особого предписания губернским жандармским начальникам ⁵.

Таким образом, жандармерии как высшей политической полиции, была отведена важная роль в охране внутренней безопасности в империи и борьбе с преступностью, но при этом сфера применения жандармов в зависимости от складывавшейся внутривластной обстановки в стране и положения дел в армии постоянно расширялась. Со временем большое значение будет иметь и профилактическая работа среди всех категорий строителей. Так, чины управлений должны будут иметь сведения о подрядчиках, о числе рабочих и условиях их найма, знать лиц, пользующихся определенным авторитетом среди рабочих, следить, чтобы со стороны подрядчиков не было действий, вызывающих недовольство рабочих и т. д., а в условиях нарастающего революционного движения было необходимо осуществлять наблюдение за лицами, с которыми рабочие общались в полосу отчуждения. В целях противодействия преступности чинами жандармских полицейских управлений будет осуществляться контроль за лицами, поступающими на работу по строительству железной дороги. Данный вид контроля будет осуществляться посредством проверки и учета паспортов и письменных видов. Само законодательство о паспортной системе Российской империи получит свое развитие значительно позднее — со вступлением в силу 1 января 1905 г. «Положения о видах на жительство»⁶.

Таким образом, с первых дней своего существования жандармская организация представляла собой правоохранительное ведомство в механизме государственного управления Российской империи, являясь в большинстве случаев гарантом обеспечения законности во всех сферах общественной жизни, став во второй четверти XIX в. органом всеобщего контроля и надзора, а также исполнительным органом политической полиции — III Отделения собственной его императорского величества канцелярии.

Как вывод, можно отметить, что полиция Российской империи всегда была на передовом рубеже борьбы с преступлениями, в том числе и на железнодорожном транспорте. Она противостояла разгулу преступности, эффективно защищая государство от негативного влияния преступного элемента и надежно обеспечивая охрану общественного порядка⁷.

Примечание

1. ПУТЯТИН В.Д. Становление и развитие органов внутренних дел на транспорте в дореволюционной России. — Транспортное право. 2006, № 4, с. 39.
2. ФЕДИНА Т.В. Управление транспортом России (историко-экономический очерк). М. 2000.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 110, оп. 2, д. 1, л. 1.
4. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 2. Т. II, № 9355.
5. ГА РФ, ф. 110, оп. 1, д. 2992, л. 118.
6. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XIV, № 10 709.
7. РУСАКОВ В.К., ДОЛИНКО В.И. Значение резерва для выдвижения на руководящую должность и основные принципы его функционирования: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции: [Электронный ресурс] «Полицейское образование в XXI веке». Академия управления МВД России. 2017, с. 164—167.

История политических и гражданских прав женщин в государствах Европы: Франция

О.Ю. Гарькавченко, Е.В. Майстрович, Д.А. Пашенцев, Р.М. Мырзалимов

Аннотация. Становление и развитие прав женщин в Европе имеет долгую историю. Публикация посвящена изучению политических и гражданских прав женщин во Франции начиная с момента Французской Революции 1789 г. и до сегодняшних дней. Авторы рассматривают причины, по которым длительное время женщины во Франции не могли добиться гражданских прав. Анализируется история феминистского движения в XX в. и его роль в установлении политических и гражданских прав французских женщин.

Ключевые слова: права женщин во Франции, права женщин в Европе, феминизм, женщины, Франция.

Abstract. The formation and development of women's rights in Europe has a long history. The publication is devoted to the study of the political and civil rights of women in France from the moment of the French Revolution of 1789 to the present day. The authors consider the reasons for which for a long time women in France could not get civil rights. The history of the feminist movement in the 20th century and its role in establishing the political and civil rights of French women are analyzed.

Key words: women's rights in France, women's rights in Europe, feminism, women, France.

Франция, как и большая часть западного мира, переживает новую волну феминизма. Поэтому самое время взглянуть на то, как далеко продвинулась страна в вопросах защиты прав женщин. Стоит отметить, что несмотря на весьма длительную историю борьбы за права женщин, значительный прогресс в этой сфере, в том числе на законодательном уровне, произошел только в середине XX века.

Рассмотрение истории развития и формирования прав женщин во Франции следует начинать с Французской революции 1789 года. Именно в этот период французские женщины впервые попытались добиться политического равноправия. Однако парадокс заключается в том, что несмотря на столь ранний опыт борьбы, получить право голоса они смогли намного позднее, чем в большинстве других государств, — лишь в 1945 году.

Сами концепции свободы и равенства возникли из идей Просвещения, которые распространялись по всей Франции в течение десятилетий, предшествовавших революции. Участие женщин в общественной сфере

вызывало тревогу из-за боязни краха сложившегося социального порядка. Пытаясь удержать их от вмешательства в свои дела, мужчины революции приняли законы, которые лишали женщин любого социального или политического существования. В конечном счете твердое убеждение в справедливости такого гендерного порядка возобладало, и даже в неудачах революционной борьбы стали обвинять женщин. По словам историка Кэндис Э. Проктор, несоответствие между формулировкой Декларации прав человека и гражданина ¹ и ее фактической практикой в отношении полов настолько очевидно, что авторы при ее написании, вероятно, даже не задумывались о женщинах, которые составляли половину населения Франции. Женщины во французском обществе всегда были спрятаны за мужчинами ². Даже Дидро, которого считали «воплощением просвещенной мысли», воспринимал инакомыслие и неполноценность женщины как должное ³.

К 1793 г. стало очевидно, что по мере укрепления революционной власти женщины все больше исключались из активного участия в жизни общества. Им было отказано в праве на собрания, подачу петиции в Коммуну ⁴. Женщины, находившиеся на улицах в брюках, подвергались арестам, революция разрушила монастыри и приходские классы, в которых когда-то обучали женщин. Жесткость половой дифференциации и моральный кодекс уменьшили экономические возможности более слабой половины человечества, и, кроме того, был отменен Закон о равном разводе. Французская революция 1789 г. не изменила традиционные стереотипы женского поведения того времени. Женщины по-прежнему считались хуже мужчин и были обучены воспринимать свое подчиненное состояние как естественное. Поэтому протесты француженок можно рассматривать просто как требование большего уважения, а не полного равенства.

Прославление идеала республиканского материнства было мужской тактикой умиротворения женщин. Одновременно их отталкивали от по-

Гарькавченко Олег Юрьевич — кандидат юридических наук, доцент МИИГУ им. П.А. Столыпина. E-mail: garkavchenko@miigu.ru; *Майстрович Елена Витальевна* — старший преподаватель МИИГУ им. П.А. Столыпина, научный сотрудник НОЦ «Правовые исследования» ФГАОУ ВО «Российского университета дружбы народов». E-mail: elena.maystrovich@yandex.ru; *Пашенцев Дмитрий Алексеевич* — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. E-mail: Dp-70@mail.ru; *Мырзалимов Руслан Муратбекович* — доктор юридических наук, профессор Кыргызского национального университета им. Жусупа Баласагына. E-mail: ruslanmm@yahoo.com.

Garkavchenko Oleg Yu. — PhD (Law), associate professor of the International Institute of Informatization and Public Administration named after P.A. Stolypin. E-mail: garkavchenko@miigu.ru; Maystrovich Elena V. — senior lecturer of the International Institute of Informatization and Public Administration named after P.A. Stolypin, researcher of the Legal Studies Center of the PFUR University. E-mail: elena.maystrovich@yandex.ru; Pashentsev Dmitry A. — doctor of Law, PhD (Historical Sciences), professor, leading Researcher of The Institute of Legislation and Comparative Law under the Russian Federation Government. E-mail: Dp-70@mail.ru; Mirzalimov Ruslan M. — doctor of Law, professor of the Kyrgyz National University named after Zhusup Balasagyn. E-mail: ruslanmm@yahoo.com;

литической сферы. По мнению мужчин, стабильность социального порядка зависит от поддержания гендерных ролей и отделения домашней сферы женщин от социальной сферы мужчин. Когда женщины боролись с этим разделением, мужчины боялись утраты своей власти и эффективно подавляли женщин, принимая против них соответствующие законы.

Кроме того, борьба за права женщин во Франции совпадала с общими настроениями у всего населения (революции 1789 и 1848 гг.)⁵. Поэтому в обществе закрепились некоторые негативные установки: «революция — социальное зло», «женское движение — явление, постоянно возникающее во время революций, следовательно, тоже представляющее собой социальное зло»⁶. Консервативность всего населения и большинства женщин, в частности, также не способствовала привлечению внимания к реальным проблемам женщин.

Движение за политические права женщин в конце XIX в. не получило широкой поддержки, и длительное время любые требования со стороны суфражисток просто игнорировались. Стоит сказать, что француженки проявляли свой радикализм не в методах борьбы с действующим порядком, а в своих идеях, революционных для того времени. В частности, для большинства общества были неприемлемыми требования избирательного права для женщин. При этом француженкам удалось добиться права на получение высшего образования намного раньше, чем женщинам в других европейских странах. Но, чаще всего студентками высших учебных заведений становились иностранки, а большая часть француженок долгое время не пользовалась данной привилегией⁷.

Только к началу первой мировой войны движение смогло преодолеть ряд трудностей, и значительная часть городского и сельского населения начала поддерживать идеи феминизма. Это позволило движению расширить свои возможности и даже начать создавать региональные отделения. Однако вторая мировая война нивелировала все достижения суфражисток и еще жестче закрепила гендерные стереотипы. Прорыв в развитии прав женщин произошел уже после войны. В 1945 г. французские женщины получили право голоса на выборах. К 1980 г., когда к власти пришли социалисты, основные изменения в правовом положении женщин уже были завершены. Французский подход к вопросам, касающимся семьи и работы, дает наглядные примеры расширения возможностей.

В 1946 г. Франция инициировала полноценную семейную политику, корни которой лежат в серии более ранних мер государственного управления, которые включали оплачиваемые отпуска по беременности и родам, семейные пособия и специальные субсидии работающим матерям, которые согласились остаться дома со своими маленькими детьми. Французская семейная политика изначально была направлена на поддержку низкооплачиваемых мужчин-кормильцев и их иждивенцев во времена экономических трудностей, сохранения высокого уровня занятости женщин и снижения рождаемости. Но в 1970-х гг. эта политика подверглась существенному пересмотру в направлении создания более позитивной общей среды для формирования семьи без патриархального подтекста. Новый подход заключался в желании облегчить женщинам возможность иметь больше детей, помочь им совмещать работу и семейные обязанности, не заставляя их выбирать что-то одно.

На сегодняшний день Франция является одним из государств, которое занимается вопросами прав женщин не только внутри своей территории, но и на международной арене. В течение ряда лет Франция играла активную роль в подписании международных договоров и обязательств по защите и продвижению прав женщин. Страна внесла свой вклад в принятие резолюций Советом Безопасности ООН по делам женщин, мира и безопасности. В резолюциях утверждается важность участия женщин, которые часто являются главными жертвами вооруженных конфликтов, в миростроительстве и постконфликтном восстановлении. В 2006 г. Франция и Нидерланды выдвинули резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, направленную на усиление действий по ликвидации всех форм насилия в отношении женщин. В марте 2010 г. французская дипломатия способствовала принятию важной декларации министров Международной организацией франкоязычных стран по тому же вопросу.

Франция активно защищает и продвигает права женщин на международных форумах. В 2009 г. она предложила внедрить в Совете по правам человека новый механизм в отношении законов, которые являются дискриминационными в отношении женщин, в дополнение к существующим механизмам. Франция поддерживает работу Международного уголовного суда, в Статусе ⁸ которого сейчас перечислены изнасилования и сексуальные преступления, принудительные проституция, беременность и стерилизация, а также «любая другая форма сексуального насилия сопоставимой тяжести», как преступления против человечности и военные преступления.

Франция приняла декларацию и порядок действий Пекинской конференции 1995 г. по положению женщин, которая до сих пор остается ключевой «дорожной картой». Страна поддерживает инициативы, направленные на достижение целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия. Франция поддерживает работу Комитета, который следит за ходом выполнения Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации, которую Франция ратифицировала в 1984 году. Права женщин являются ключевым приоритетом внешней политики страны по уважению и защите прав человека. Франция очень активно борется со всеми формами насилия в отношении женщин и в поощрении гендерного равенства. Приверженность французской дипломатии правам женщин вновь подтверждается на европейском уровне. Когда Франция председательствовала в Европейском союзе (ЕС) во второй половине 2008 г., она содействовала осуществлению Руководящих принципов ЕС по борьбе с насилием в отношении женщин ⁹.

Международный женский день (8 марта) отмечается во Франции и ее дипломатическими миссиями в рамках различных мероприятий. На национальном уровне французская дипломатия создала Платформу гендерного равенства и развития, в работе которой участвует много разных партнеров. При поддержке государственного министра по делам сотрудничества и франкоязычных стран Алена Жойанде Министерство иностранных и европейских дел ввело должность сотрудника по вопросам гендерного равенства и приступило к реализации проекта FSP «Гендерное и экономическое развитие, поддержка» ¹⁰.

В заключение следует сказать, что получение более широкой информации о том, почему женщины так долго оставались подчиненными мужской власти, может определенно помочь пониманию сексистских установок, которые все еще существуют сегодня. К счастью, сейчас женщины во Франции могут делать практически все, что и мужчины (по крайней мере, это отражено в законе). Но только отслеживая достигнутый прогресс, можно продолжать продвигаться к подлинному гендерному равенству.

Примечания

1. Декларация прав человека и гражданина. (Принята 26.08.1789). СПС-«Консультант Плюс»
2. CANDICE E. Proctor, *Women, Equality, and the French Revolution* (Connecticut: Greenwood Press) 1990, p. 110
3. Tableau XXV «Nombre de baccalauréats obtenus par les femmes 1905—1926 années». In: CHARRIER E. *L'évolution intellectuel feminine*. Paris. 1931, p. 196.
4. Seances du congres ouvrier socialiste de France, tenue a du 20 au 31 octobre 1879. Marseille. 1879, p. 151.
5. KAUFFMAN C. Questionnaire sur les sujets suivants: revendication, feministes, education, mariage, prostitution, charite et politique. Paris. 1900, p. 3.
6. КОРОЛЁВА Т.В. Суфражистское движение во Франции в конце XIX — начале XX века. — *Женщина в российском обществе*. 2007, с. 3—23.
7. ЕЕ ЖЕ. Высшее женское образование во Франции в XIX— начале XX века. — Там же. 2005, с 1—17.
8. Римский статут Международного уголовного суда (принят в г. Риме 17.07.1998 Дипломатической конференцией полномочных представителей под эгидой ООН по учреждению Международного уголовного суда). СПС-«Консультант Плюс»
9. ALLWOOD G. *Women in France*. In: *Modern&Contemporary France*, 2019. URL: <https://www.tandf.co.uk/journals/explore/cmcf-vsi-women-in-france.pdf>
10. Там же

Информационная политика в контексте формирования общественного мнения

Х.Г. Ниязов

Аннотация. Одним из основных обязательств, стоящих перед каждым государством, является максимальное обеспечение национальных интересов. В достижении подобной цели необходимо правильное формирование общественного мнения с точки зрения общегосударственных интересов. В этом отношении СМИ играли и продолжают играть важную роль во внутренней политике страны.

Ключевые слова: информационная политика, национальные интересы, информационная безопасность, медиа и общество.

Abstract. One of the main obligations facing each state is to maximize the national interests. One of the primary conditions in achieving such a goal is the correct formation of public opinion in terms of national interests. In this regard, the media have played and continue to play an important role.

Key words: information policy, national interests, information security, media and society.

На нынешнем этапе глобализации все победы и поражения реализуются на невидимом информационном фронте с широким использованием коммуникативных технологий. В возникшей ситуации роль СМИ в формировании общественного мнения значительно возрастает, поскольку именно они выступают как комплекс институтов и учреждений, создающих единое информационное пространство, приводящих различные мнения к общему знаменателю и формирующих единую позицию. Благодаря СМИ формируются социокультурные ценности человека и общества. Вышеперечисленные аспекты обуславливают необходимость точного и развернутого изучения степени зависимости любого общества от информации. Неправильная оценка влияния медиа на человеческую и общественную жизнь приводит к краху системы ценностей, науки, искусства и морали ¹.

Ниязов Халид Гудратович — кандидат политических наук, доцент, заведующий отделом Института права и прав человека НАН Азербайджана. Баку. E-mail: xalid-555@mail.ru.

Niyazov Khalid Q. — doctor of political sciences, associate professor at the Institute of the right and human rights of Azerbaijan NAS. Baku. E-mail: xalid-555@mail.ru.

Трансформация азербайджанского общества в новый период независимости проявляется не только в экономической, политической и социальной сферах, но и в духовной, наибольшее влияние на которую оказывают СМИ. Это влияние стало еще более динамичным в условиях повышения их технических возможностей. В Азербайджане спутниковое вещание, развитие кабельного радио и телевидения еще больше обогатили «арсенал» СМИ. Опыт показывает, что аудиовизуальные медиа, радио, телевидение и интернет наиболее сильное влияние оказывают на молодое поколение. Проведение опасной информационной политики в современную эпоху, формирование ложного общественного мнения и нарушение информационной безопасности все чаще наблюдаются в интернет-пространстве. В практике Азербайджана есть многочисленные примеры, подтверждающие это. Однако в мировом масштабе еще не разработаны методы борьбы с подобной проблемой. Ограничение доступа к Интернету рассматривается как ущемление свободы слова и печати, и поэтому этот вариант считается неприемлемым. Распространение дезинформации и стремление к тому, чтобы широкие массы восприняли ее, считаются вредными сторонами пропаганды ².

Благодаря новым технологиям пропаганда СМИ оказывает воздействие не только на поведение людей, но и на их сознание, психику. По мнению Е.Г. Дьяковой, сущность информационной повестки заключается в том, что средства массовой информации внушают аудитории, что существуют некоторые проблемы, которые являются наиболее важными на данный момент. Обычно их выделено не более пяти. При этом важно понимать, что повестка дня не оказывает прямого воздействия на поведение индивидов. Историк приводит мнение американского социолога П.Ф. Лазерсфельда, выяснившего, что влияние массовой коммуникации на аудиторию всегда опосредовано межличностной и внутригрупповой коммуникацией: «... идеи часто передаются от радио и газет к лидерам общественного мнения, а от них — к менее активным слоям населения» ³.

Важнейшим отличием общественного мнения от других социальных феноменов является отсутствие естественного механизма самообнаружения, поскольку упоминавшиеся выше каналы его выражения зачастую подконтрольны определенным социальным силам и служат объектами манипулирования с их стороны. Следует также учитывать, что в большинстве случаев мнения людей носят весьма приблизительный, условный характер и в значительной мере зависят от способа выявления этого мнения и контекста. Поэтому трудно определить, что это такое — общественное мнение: точка зрения конкретных людей, представляющих тот или иной социальный слой или субкультуру, или же это некая абстракция, полученная в результате обобщения их высказываний. Ответы одних и тех же людей на одни и те же вопросы социологических исследований могут меняться под влиянием изменений в формулировке вопросов, тона опрашиваемого, настроения опрашиваемого и т.д. Все это свидетельствует о сложном характере процесса формирования общественного мнения и требует от медиа большого профессионализма ⁴.

Любая власть не безразлична к медиа, которые играют ведущую роль в формировании общественного мнения. Нельзя забывать, что массовые коммуникации рассматриваются как категория, обладающая наибольшей

властной силой в современном обществе. Правда, в реальном мире существуют попытки социализации информации через социальные сети, однако, как показывает опыт, без участия медиа невозможно создать вокруг этого вопроса общественное мнение.

В гражданском обществе общественное мнение представляет собой полноценный социальный институт, функция которого заключается в эффективном контроле над политической властью, исключая с ее стороны злоупотребления, нарушения человеческих прав и свобод ⁵.

Немецкий социолог и политический философ У. Бек писал по этому поводу: «Один из последних шагов на этом пути — правовая защита и содержательное наполнение свободы печати, которая в сочетании со СМИ (газетами, радио и телевидением) и новыми техническими возможностями создает многообразно дифференцированные формы общественного мнения. Даже если эти последние отнюдь не преследуют благородных целей просвещения... и, возможно, порождают или усиливают безмолвность, неконтактность, даже глупость, то все же остается фактическая или потенциальная контрольная функция, которую управляемое СМИ общественное мнение исполняет относительно политических решений» ⁶.

Внедрение информации должно в первую очередь основываться на точности и надежности ее источника. Наряду с этим, необходимо определить критерии приемлемости этой информации с точки зрения интересов общества. В Азербайджане свобода слова и информации нашла свое подтверждение в законодательных актах и международных конвенциях, к которым присоединилась страна. Однако как и наиболее развитые демократические западные государства, Азербайджан имеет право защищать свое информационное пространство от информации, представляющей угрозу интересам личности, общества, государства. В данном вопросе большая ответственность возложена также на СМИ. Однако к сожалению некоторые медиаорганизации, в частности журналистика, часто «забывают» о чувстве социальной ответственности. Они, не проверив достоверность полученной информации, социализируют ее и тем самым открывают путь негативным последствиям. В этом смысле существует большая потребность в правовом регулировании деятельности социальной журналистики, хотя за период с 2015 по 2017 г. уже были внесены необходимые поправки и дополнения в ряд отраслевых законов.

Наряду с этим, были случаи, когда некоторые транснациональные медиасредства демонстрировали предвзятое отношение к Азербайджану, что еще раз подтверждает необходимость обеспечения серьезной защиты информационного пространства страны. Так, академик Р. Мехтиев отмечал: «Независимо от формы и содержания, против любого покушения или попыток покушения на независимость, суверенитет, территориальную целостность и конституционный строй Азербайджана, в том числе против явлений, угрожающих информационной безопасности общества и национальным интересам, в правовых рамках должны предприниматься необходимые шаги» ⁷. То есть, необходимость защиты национальных и государственных интересов в информационном пространстве должна выйти на первый план.

Можно констатировать, что объект информационной политики достаточно широк, а ее целью является обеспечение информационной без-

опасности граждан и страны, разработка необходимых теоретических и практических методов ее реализации. Информационная безопасность означает защиту информации и информационной среды от случайных или преднамеренных воздействий естественного или искусственного характера ⁸. Если подобные воздействия не нейтрализуются своевременно, общественное мнение, сформированное под их влиянием, может также привести к серьезным последствиям для жизни страны. В этом смысле обеспечение информационной безопасности представляет особую значимость и актуальность на нынешнем уровне развития информационных технологий. Согласно исследованиям, для достижения безопасности необходима разработка и внедрение специальных информационно-коммуникационных систем ⁹.

Глобализация в новом столетии ускоряет свое развитие именно на информационной платформе, параллельно повышается интенсивность распространения информации в виртуальном пространстве, расширяется круг ее охвата. В таком случае в управлении местным и международным общественным мнением, политическим, экономическим, культурным, гуманитарным и др. процессами присутствует целенаправленная пропаганда, расширяется транснациональная информационная деятельность, которая влияет на информационную среду общества. Поскольку в большинстве случаев подобное воздействие служит определенным целям, то особую актуальность приобретает вопрос по обеспечению эффективных мер защиты от него. Не секрет, что после восстановления независимости Азербайджана, соответствующими кругами, стремящимися воздействовать на внутреннюю и внешнюю политику страны, были разработаны информационные и другие пропагандистские средства. Этот процесс продолжается по сей день. Основная цель подобной деятельности, рассчитанной на нарушение стабильности внутри страны, заключается в том, чтобы ввести Азербайджан в состояние вечного хаоса и конфронтации. Обеспечение информационной безопасности нашей страны зависит от нейтрализации чужих влияний на информацию и средства информации, предотвращения агрессивных пропагандистских кампаний. По мнению официальных кругов и специалистов, создание надежной информационной безопасности в Азербайджане должно осуществляться на основе единой концепции, а внутренняя и внешняя информационная политика и пропагандистская, идеологическая деятельность государства — управляться через единый центр.

Одной из основных задач политики информационной безопасности Азербайджана является создание каналов связи с международным сообществом и механизмов влияния на него, используя возможности, как свои, так и стран-партнеров и транснациональных средств информации.

В подходе к информационной безопасности можно выделить три основных направления: принятие комплексных мер защиты информации, а также ее сбор, обработка и передача; обеспечение защиты информации и преодоление информационной войны; распространение безопасности во все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства, связанные с информацией. В.И. Ярочкин рассматривает информационную безопасность «как единый целостный механизм, объединяющий все используемые средства, методы и мероприятия, направленные на защиту

информации от разглашения, утечки и несанкционированного доступа к ней»¹⁰.

Одной из многих причин, обуславливающих создание единого механизма защиты, выступают попытки некоторых стран контролировать информационные системы других государств, ввести общественное мнение в заблуждение и организовать целенаправленное управление им. Существуют примеры из недалекой истории успешности этих попыток, свидетелями которых мы можем стать, к примеру, если обратимся к «арабской географии». Потеря контроля государства над обществом и распространение дезинформации, направленной на ослабление института управления, в конечном итоге, приводят к хаосу, поскольку в этих случаях информационное пространство может оказаться в руках чужих элементов, имеющих конкретные цели.

Говоря о факторах, создающих угрозу информационной безопасности Азербайджана, следует сгруппировать их следующим образом:

1. Вмешательство политических, экономических, военных, разведывательных и идеологических структур зарубежных стран (сил) в информационную систему страны и деятельность, направленная против ее национальных интересов;

2. Попытки некоторых государств и геополитических акторов вытеснить Азербайджан из мирового информационного пространства и ведение пропаганды против него;

3. Космическая, воздушная, морская, наземная, техническая и другая разведывательная деятельность иностранных государств и геостратегических центров;

4. Нарушение нормального функционирования информационных и телекоммуникационных систем, незаконные внутренние и внешние вмешательства и др.

Рассматривая суть угроз, можно сделать вывод, что обеспечение безопасности информации не может быть одноразовым актом. Это непрерывный процесс, заключающийся в обосновании и реализации наиболее рациональных методов, способов и путей совершенствования и развития системы защиты, непрерывном контроле ее состояния, выявлении ее слабых мест и противоправных действий. Безопасность информации может быть обеспечена лишь при комплексном использовании всего арсенала имеющихся средств защиты во всех структурных элементах экономической системы и на всех этапах технологического цикла обработки информации. На практике различают следующие направления информационной безопасности:

1. Построение системы правовой защиты. Сюда входят нормативные документы, положения, инструкции, руководства, требования которых являются обязательными в рамках сферы действия. В данном направлении в Азербайджане предприняты важные шаги, в частности, усовершенствована законодательная база, связанная с развитием информационных технологий. Можно отметить законы «Об информации, информатизации и защите информации», «О средствах массовой информации», «О свободе информации», «Об электронном документе и электронной подписи», «О государственной тайне», «О национальной безопасности», «О телекоммуникациях» и ряд других¹¹.

2. Создание средств организационной защиты. Это регламентация производственной деятельности и взаимоотношений исполнителей на нормативно-правовой основе таким образом, что несанкционированный доступ к конфиденциальной информации становится невозможным или существенно затрудняется за счет проведения организационных мероприятий.

3. Налаживание системы инженерно-технической защиты, предусматривающей использование различных технических средств для предотвращения ущерба, ориентированного на коммерческую деятельность. Сюда также относится обнаружение технических средств и программ, создающих подобные угрозы.

4. Организация системы защиты, построенной на основе экономических методов, включающих финансовые санкции и другие экономические меры для обеспечения информационной безопасности.

Анализ основ информационной безопасности показывает, что ее обеспечение достигается благодаря комплексу многочисленных мер. В более широком смысле информационная безопасность включает обеспечение информационной безопасности общества и своевременное устранение негативных последствий, которые могут возникнуть. В этом случае для обеспечения информационной безопасности соблюдаются следующие требования: защита прав гражданина в управлении и распространении принадлежащей ему информации; создание условий для использования гражданами информации в собственных целях при проведении эффективной коммерческой деятельности; защита конституционных прав, гарантирующих тайну переписки и переговоров ¹².

Обратившись к опыту Азербайджана, можно отметить, что, согласно прогнозам, после 2025 г. доходы страны от информационно-коммуникационной системы достигнут нефтяных доходов, а впоследствии превысят их. Использование информационных и коммуникационных технологий для предоставления информации обществу, а также нашим соотечественникам, проживающим за пределами страны, постоянно расширяется. Предотвращение вмешательства в информацию, распространения дезинформации в общественной жизни является необходимым условием обеспечения стабильности и безопасности. Однако, наряду с этим, следует продолжить процесс интеграции в глобальное информационное пространство, обеспечить безопасность информационной среды, права граждан на доступ к информации, устойчивое развитие информационных и коммуникационных технологий, формирование информационного общества и создание электронного правительства. Это важно с точки зрения развития, соответствующего современным требованиям, прозрачности государственного управления, создания национальных информационных ресурсов и экономики, основанной на инновационных методах, применения новых технологий во всех областях, защиты свободы информации и активизации перехода к информационному обществу.

Использование современных технологий в области построения информационного общества, медиативной деятельности представляет особую значимость для расширения сферы охвата информации и реализации национальных интересов на международном уровне. Это особенно важно с точки зрения доведения до мировой общественности реалий об Азерб-

байджане. Президент Ильхам Алиев отмечал: «Мы должны еще более расширить выход на внешнее информационное пространство... Недавняя история свидетельствует о том, что мы обладаем достаточно широкими возможностями в этом направлении. Здесь активно работают как государственные, так и медиаорганы. Меня радует то, что мы проводим единую политику, так как государство и медиа защищают национальные интересы, а в общенациональных вопросах никаких посторонних мнений быть не может. Поэтому мы должны и впредь делать все возможное для доведения до мировой общественности правды об Азербайджане с тем, чтобы нашу страну лучше знали и больше уважали. Мы шире доводим и должны доводить до мировой общественности реалии Азербайджана. Я высоко оцениваю здесь роль медиа, и такую работу необходимо продолжать»¹³.

В настоящее время Государственное агентство специальной связи и информационной безопасности особой службы государственной охраны Азербайджанской Республики играет важную роль в обеспечении информационной безопасности нашей страны. Агентство, созданное Указом Президента Азербайджанской Республики № 708 от 26 сентября 2012 г., является структурой, обеспечивающей организацию, эксплуатацию, безопасность и развитие специальной государственной связи для государственных органов, информационно-телекоммуникационных систем и сетей специального назначения, оборота межведомственных электронных документов, связи государственных органов с сетью интернет, размещения их интернет-информационных ресурсов в информационно-ресурсном центре, осуществляющим специальные технические меры в целях обеспечения безопасности объектов государственной охраны и охраняемых объектов¹⁴.

Следует отметить, что цель информационной политики Азербайджана отнюдь не обуславливается необходимостью формирования информационного общества. «Несомненно, подобная цель, считаясь также приемлемой с общетеоретической и стратегической точки зрения, предусматривается в различных государственных программах и концепциях, к примеру, в Концепции развития “Азербайджан 2020: взгляд в будущее”, Концепции национальной безопасности Азербайджанской Республики, Государственной программе реализации Национальной стратегии по развитию информационного общества в Азербайджанской Республике на 2016—2020 годы». Однако, выступая с позиции необходимости создания новой конфигурации международных сил, дизайна международных отношений, соответствующего нынешнему мировому порядку, дифференциации и кооперации интересов, защиты национальных интересов в информационной сфере, считаем целесообразным, чтобы вопрос защиты информационной безопасности был превращен в основное направление информационной политики в триаде субъектов: личность — общество — государство¹⁵.

Иначе говоря, формирование информационного пространства должно осуществляться целенаправленно, с тем, чтобы иметь возможность контролировать его, своевременно и эффективно нейтрализовать попытки негативного воздействия. Это имеет большое значение с точки зрения обеспечения государственных и национальных интересов. Все выше-

перечисленные аспекты представляют особую актуальность для нашей страны на фоне современного развития Азербайджана, превращения его во влиятельное в международном масштабе государство, приобретения статуса регионального лидер-государства, повышения роли в глобальной политике. Эти преимущества серьезно беспокоят недругов Азербайджана и различные круги, представляющие их интересы. Как известно, наблюдаются провокационные действия, направленные на нарушение общественно-политической стабильности в нашей стране, которые в первую очередь нацелены на национальные интересы Азербайджана.

В настоящее время отношения медиа — общество — государство стали важным фактором в судьбе народов и государств, а информационная политика в системе этих отношений проявляется в качестве значимой функциональной единицы управления. Без участия медиа невозможно создать общественное мнение вокруг какого-либо вопроса. Содержание и качество информации, находящейся в обращении, должны прогнозироваться с точки зрения национальных интересов и безопасности. Кроме того необходима соответствующая информационная политика для обеспечения государственных и национальных интересов.

Примечания

1. КАРА-МУРЗА С.Г. Манипуляция сознанием. М. 2005, с. 105.
2. НАЗАРОВ Б.Н. Массовая коммуникация и общество. М. 2004, с. 34.
3. ДЬЯКОВА Е.Г. Массовая коммуникация и власть. Екатеринбург. 2002, с. 151.
4. Общественное мнение как институт гражданского общества. Управление общественным мнением. <http://www.Psihdocs.Ru/Tema-Grajdanskoe-Obshество-Ego-Proishojdenie-I-Osobennosti-Oso.html?Page=31>.
5. НЕЧИПУРЕНКО В.Н., КАСЬЯНОВ В.В. Социология права. Учебник для бакалавриата и магистратуры. М. 2019, с. 125.
6. БЕК У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. 2000, с. 292
7. https://Azertag.Az/Xeber/Ramiz_Mehdiyev_Vetenperverlik_Milli_Dovlatchiliye_Sedaqet_Milli_Maraqlar_Ugrunda_Prinsipialliq_Kiv_Lerin_Fealiyyetinin_Baslica_Elementlerini_Teskil_Etmelidir-791939.
8. Информационная безопасность. Учебник. Баку. 2016, с. 9
9. СОКОЛОВА И.В. Актуальные проблемы социальной информатики. М. 2002, с. 42
10. ЯРОЧКИН В.И. Безопасность информационных систем. М. 1996, с. 22
11. Единая интернет электронная база нормативно-правовых актов Минюста АР. <http://www.E-Qanun.Az/Publication/1/2014/07>.
12. <http://www.President.Az/Articles/24740> (Дата Обращения: 17.05.2019)
13. Встреча президента Азербайджана по случаю 140-летия национальной прессы с членами Совета Прессы. <http://www.President.Az/Articles/15874>.
14. Указ Президента Азербайджанской Республики № 708 от 26 сентября 2012 года. URL: <https://dmx.gov.az/page/6.html>.
15. НИЯЗОВ Х.Г. Государственная информационная политика: классические подходы, современные концепты. — Стратегический анализ, № 3—4 (21—22), 2017, с. 212

ИСТОРИОГРАФИЯ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201909Statyi15

Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 годов. Т. 7. Кн. 1 и 2. Деяния Собора с 66-го по 103-е. Отв. ред. протоиерей Алексей Колчерин. М.: Изд-во Новоспасского монастыря. 2018. 1280 (640/640) с.; Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 годов. Т. 8. Деяния Собора со 104-го по 129-е. Отв. ред. протоиерей Алексей Колчерин. М.: Изд-во Новоспасского монастыря. 2018. 944 с.

В повседневности нашего века часто бывает так, что, покупая товар в знакомой упаковке или давно известного бренда, рассчитываешь обнаружить продукцию такого же качества, как и несколькими годами раньше. Но за это время производитель «оптимизировал» технологии производства: закупил дешевле сырье, применил другую рецептуру — и качество уже совсем иное. Однако это не самый плохой вариант. Иногда можно в знакомой упаковке купить откровенную подделку. Такое, к сожалению, случается и в науке, и в издательской работе, особенно с серийными и много-томными проектами.

Автор рецензии вынужден, не отступая от академического формата, сделать предварительные замечания отчасти личного характера. Известное ленинское высказывание о том, что и кухарка может управлять государством, подлинно пошло в народ. Так, в Новоспасском монастыре Русской православной церкви сочли, что держать профессиональных историков для издания документов Священного Собора Православной Церкви 1917—1918 гг. не нужно, и летом 2018 г. рабочую группу ученых, выпустивших 9 томов в 10 книгах высококачественных сборников документов¹, распустили. В стремлении сэкономить на оплате научно-исследовательской работы монастырь нашел подряд-

чиков низкой компетенции, готовых работать за меньшие деньги, лиц без высшего образования или тех, кто не учился ни источниковедению, ни археографии, и выпустил в свет два новых тома документов Священного Собора 1917—1918 гг.: № 7 и № 8. Выглядят они так же, как и 9 томов, вышедших в предшествующие годы под научным руководством автора этих строк. Издания ассоциируется с моим именем как с инициатором и основателем издания. Настоящая рецензия представляет собой отклик на многочисленные вопросы моих коллег: почему вдруг я растерял квалификацию археографа и публикатора документов, которая ранее оценивалась довольно высоко². Дело лишь в том, что автор рецензии к подготовке этих двух томов не имел никаких отношений. Внутри тех же красивых обложек читателя ожидает нечто совершенно новое.

Неряшливость начинается со с. 2 (т. 7 и 8): если в прежних томах у каждого члена «научно-редакционного совета» указывалась организация, с которой он ассоциирован, то теперь почему-то у одного из членов совета указана лишь должность: «министр просвещения Российской Федерации», а у остальных — по-прежнему организация.

Важной составляющей научного издания источников всегда является

ся фундированная вступительная статья. Таковой читатель рецензируемых томов не обнаружит вовсе. Турбулентные, насыщенные событиями январь-апрель 1918 г., огромное количество важнейших церковных тем, которых во время второй сессии касался Собор, у «доктора церковной истории» (кстати, подписывать научные вступительные статьи учеными степенями и званиями в академических изданиях не принято) протоиерея Алексия Колчина заслужили лишь небольшой комментарий (т. 7, с. 5—10).

Нелепым звучит обнаруживаемое уже на первой странице вступительной статьи заявление о том, что декрет об отделении Церкви от государства (или о свободе совести) (который автор сначала прямо не называет, а характеризует эвфемизмом «принятый в день начала работы второй сессии Поместного Собора»; назван декрет будет только на следующей странице), «будет регламентировать государственно-церковные отношения вплоть до 1929 года». К сведению «доктора церковной истории» и утвердивших его измышления членов «научно-редакционного совета»: декрет действовал до 1990 г. и большую часть этого периода определял церковно-государственные отношения.

Второй абзац вступительной статьи возводит на соборян нелепое подозрение в том, что до восстановления патриаршества и избрания патриарха они якобы не осознавали свою ответственность перед Церковью. Штамп о «судьбоносных решениях» (с. 5) выдает неживой, неисследовательский характер вступления. Следующие далее банальные тезисы об обсуждавшихся Собором «чрезвычайно важных и влияющих на жизнь всей Православной Российской Церкви» темах (с. 7) только под-

тверждают это наблюдение. Дважды повторяется тезис об отсутствии достаточного количества соборян в начале второй сессии, который не иллюстрируется конкретными цифровыми данными.

Последующее изложение представляет собой краткий ученический конспект публикуемых деяний, а не анализ их содержания и научно-исторического значения. Сообщаемые наблюдения оказываются бесполезными для читателя ввиду отсутствия сведений о судьбе принятых решений и постановлений.

В научно-академических публикациях принято освещать историографию тех научных проблем, на решение которых могут быть направлены публикуемые источники. Об имеющейся богатой литературе по данному вопросу автор вступительной статьи даже не упоминает.

Большая научно-археографическая проблема публикации ранее не опубликованных деяний для издателей проблемой вовсе не является, хотя у нее имеется отдельная историография (Г. Шульц, А.Г. Кравецкий, Н.А. Кривошеева). Многочисленные трудности в составлении полноценного текста деяний по архивным черновикам даже не перечислены. И вообще археографическая часть вступительной статьи занимает менее одной страницы (с. 10). В первом же ее предложении содержится фактическая ошибка. Сказано следующее: «В издании Соборного Совета вместо текста стенограмм (деяний) зачастую публиковались протоколы в силу невозможности проведения масштабной работы по подготовке текста». Это не так: Соборный Совет никогда не публиковал протоколов общих собраний (см. т. 3 того же издания). Впервые они частично публиковались при переиздании деяний

Новоспасским монастырем в конце 1990-х гг., когда протоколами «затыкали дыры» по тем деяниям, которые сохранились только в РГИА. Впервые полностью протоколы опубликованы автором этих строк при участии А. Колчерина (т. 3), являющегося автором рецензируемой вступительной статьи. Такая забывчивость кажется странной. Еще больше вопросов вызывает продолжение абзаца, особенно его заключительное предложение: «Некоторые речи соборян представлены в опубликованных или машинописных архивных источниках в нечитаемом формате, поэтому отдельные фразы или даже значительные цитаты стало возможным восстановить лишь по рукописным источникам архивов» (с. 10). Чтобы понять сокровенный смысл этого предложения, наверное, нужен многоопытный старец. Без такового из процитированного, к прискорбию, можно сделать вывод о том, что в опубликованных (кем: Соборным Советом в 1918 г.? Новоспасским монастырем в 1990-е?) источниках имеются некие «речи в нечитаемом формате». В каком именно издании следует искать такие нечитаемые речи и что такое «рукописные источники архивов», автор вступительной статьи и утвердивший ее «научно-редакционный совет», не разъясняют. Характерно, что во вступительной статье нет цитат важнейших мест из публикуемых деяний. Это свидетельствует о том, что составители не изучали досконально помещенный в книгах текст и потому плохо ориентируются в нем.

Довершает негативное впечатление от вступительной статьи тот внешний показатель, что она сверстана кеглем, меньшим чем даже расположенные в книге документы. В подавляющем большинстве случаев издатели исторических докумен-

тов исходят из обратной пропорции: вступления верстаются крупнее, чем документальный текст. Впрочем, в данном случае мелкий кегель вступления, видимо, должен подчеркнуть отсутствие в нем какого-либо новаторства и его дежурный характер.

8-й том (второй из двух рецензируемых) вообще лишен вступительной статьи. Между тем разделение материала 2-й сессии Собора между двумя томами было осуществлено еще в прежний период издания документов и имело вполне обоснованную научную базу (которая лишь упоминается, но не мотивируется подробно), а значит в 8-й том помещен материал, требующий иного тематического вступления.

Необходимо отметить отсутствие во всех трех книгах двух рецензируемых томов вклеек с факсимильным воспроизведением (по хрестоматийному принципу) документов, что было характерно в прежний период издательской деятельности Новоспасского монастыря и наличествовало во всех прежде изданных девяти томах. Составить такую хрестоматию в 18, 24, 36, 40 страниц — большой исследовательский труд, от которого составители отказались, и это упрощение не пошло на пользу качеству издания.

Характерной особенностью комментариев этих двух томов соборных документов является второстепенность предлагаемого материала, в них не вводятся в научный оборот новые источники, что было характерно для прежних томов издания.

Автор этих строк был очень удивлен увидеть среди имен составителей подобных комментариев имя доктора исторических наук П.В. Фёдорова. Оказалось, что Фёдоров действительно консультировал составителей комментариев, предоставил им свои наработки, но не дал раз-

решения указывать свое авторство. В подтверждение он прислал нам скриншот своего заявления секретарю издания Виолетте Аймурзаевой от 25.11.2018. Историк подчеркивает, что для него несанкционированное использование его имени стало полнейшей неожиданностью.

Уже отмечавшаяся небрежность и нежелание следовать принципам высокой издательской культуры со стороны составителей этих двух томов характерна даже для легенд документов. Приведем лишь некоторые примеры: т. 7, с. 33: после номера фонда стоит запятая вместо положенной точки; с. 408: в легенде указано на д. 67 фонда Р-3431 ГА РФ, хотя 79-е деяние хранится в д. 80; та же оплошность на с. 624 и на других; т. 8, с. 900: нет точки после номера дела. Небрежны и весьма лаконичные подстрочные примечания: т. 7, с. 37, 1-я сноска — отсутствует точка после «Д»; библиографические отсылки: т. 7, с. 1234, комментарий к странице 664 — место издания Москва со строчной буквы, и т.д. и т.п.

Наконец, самое важное в публикациях документов — правильная передача текста исторического источника и разночтений между редакциями. Публикаторы отказались от имевшего место в предыдущих томах принципа полноценной передачи текста источника, включая делопроизводительные пометы на документах. Так, уже в первом публикуемом деянии на первом же его листе (ГА РФ, д. 67, д. 4) имеется немаловажное указание соборного секретариата: «Писать 3 экз[емпляра]. На одной стр[анице]

каждую речь с начала стр[аницы]». В публикации эта помета не воспроизводится

Сверка ранее публиковавшихся деяний с рукописными экземплярами на самом деле не производилась. Это обнаруживается уже на первой занятой документом странице т. 7 (с. 12):

Приведенный отрывок взят из ответственной речи на 66-м заседании Собора Святейшего Патриарха Тихона. Подлинные слова выдающегося председателя Русской Церкви эпохи начала гонений на нее почему-то отсутствуют.

Буквально на следующей странице рукописи проигнорировано еще одно разночтение: зачеркнутое «воззвание» (исправленное в публиковавшемся Соборным Советом тексте на «послание» — т. 7, с. 15; ГА РФ, ф. 3431, оп. 1, д. 67, л. 5).

Далее в то же 66-е деяние включен текст донесения епископа Прокопия (Титова) Патриарху Тихону о событиях в Александро-Невской лавре. (т. 7, с. 18—20). При публикации документальных архивных комплексов в таких случаях (включения одного документа в состав другого) принято ссылаться на подлинники документов, что и делалось либо в подстрочнике, либо в легенде в предыдущих томах. В данном случае полностью проигнорировано наличие подлинника донесения в соборном архиве (ГА РФ, ф. 3431, оп. 1, д. 377, л. 9—11об., как проигнорирована и резолюция Патриарха Тихона на нем). Включенная в деяние копия акта от 13 января 1918 г. также имеется в заверенной копии

Редакция публикаторов	Текст в рукописном экземпляре (ГА РФ, д. 67, л. 4об.)
... кроме текущих задач имеет и специальную задачу: обсуждение того, как отнестись к текущим событиям, касающимся Церкви Божией.	... кроме текущих задач имеет и специальную задачу для обсуждения того, как отнестись к текущим, развивающимся относительно Церкви Божия событиям.

в упомянутом деле (л. 13), что по правилам публикации исторических источников следует отражать в подстрочнике или легенде. Такие примеры в рецензируемом томе есть еще в достаточном количестве (например, в деянии 85 — по делу об убиении митрополита Владимира и др.), но за краткостью формата рецензии нет возможности их разбирать.

Не менее странной кажется разница в восстановлении пропусков в опубликованных Соборным Советом обращениях соборян к аудитории в начале их речей. Для речи графа Д. А. Олсуфьева (с. 15) сделано подстрочное примечание о том, что в рукописном экземпляре деяние начинается с обращения «Отцы и братие!», для речи же князя Е. Н. Трубецкого подобное начало («Досточтимые архипастыри, отцы и братия!» — д. 67, л. 8) почему-то не приведено. Для следующей далее речи протоиерея А. Хотовицкого сделано примечание о том, что она «в публикации (в какой? — А. М.) значительно отредактирована». Публикаторы поленились представить разночтения в подстрочнике. Следующая речь, Д. И. Боголюбова, также имеет существенные разночтения с рукописным черновиком, однако почему-то читателей об этом не информируют.

По экземпляру того же деяния, хранящегося в РГИА, не воспроизведены пометы на машинописных экземплярах, многие из которых представляют несомненный интерес не только для архивоведческого изучения соборных документов, но и для восстановления истории составления текстов деяний.

В завершающей 69-е заседание Собора реплике члена Собора С. П. Руднева о необходимости указания Церкви по вопросу о крестном ходе в связи с изданным декретом большевиков слово «церковь» написано со строчной буквы в нарушение

принятого в предыдущих томах и вообще в церковно-научной литературе порядка (т. 7, с. 106). Время закрытия заседания передано как 2 часа дня, между тем как в архивном экземпляре оно уточнено: «2 ч[аса] 15 мин[ут] дня» (ГА РФ, д. 70, л. 85об.). Для учетных-историков, конечно, такие детали имеют значение (т. 7, с. 106). Впрочем, уже в следующем деянии на такое же разночтение обращено внимание (т. 7, с. 125).

Неоднократно в подстрочнике встречаются указания на наличие в архивном экземпляре текста деяния «многочисленных рукописных правок» (с. 378 и др.). Читатель сам должен догадаться, почему эта правка не воспроизводится: то ли составителям сборника прискучило читать архивный экземпляр и показывать разночтения (иногда немаловажные, а в некоторых случаях принципиальные для передачи подлинных речей, звучавших на Соборе), то ли они тем самым расписались в своей слабой компетенции, недостаточной для полноценного воспроизведения этих разночтений.

Посмотрим на уровень передачи впервые публикуемых деяний. В т. 7 таким деянием является 89-е, прежде целиком не публиковавшееся. Первая же речь деяния выявляет весьма странный подход к передаче текста:

Как видно, следование какой-то одной из архивных редакций отсутствует. Разночтения в подстрочнике не показываются. Текст полностью совпадает то с одним, то с другим архивным экземпляром. В случае с наиболее длинным из приведенных фрагментов часть речи соборянина вообще не была передана, а смысл стал непонятным. В других случаях, даже при следовании более исправному тексту, отдельные слова (напри-

<p>Публикаторы (т. 7, с. 678—679)</p>	<p>Машинопись с рукописной авторской правкой (РГИА, д. 6)</p>	<p>Черновая рукопись (ГА РФ, д. 90)</p>
<p>Каждому субъекту присущи права юриди- ческого лица.</p>	<p>Каждому субъекту присущи... <i>имуще- ственные ...ия.</i></p>	<p>Каждому субъекту присущи права юриди- ческого лица.</p>
<p>Соединение субъектов является обществом или союзом, обладаю- щим правами, которые принадлежат каждому физическому лицу.</p>	<p>Соединение <i>же</i> субъ- ектов <i>называется</i> об- ществом или союзом, обладающим <i>такими же имущественны- ми правами</i>, которые принадлежат каждому физическому лицу</p>	<p>Соединение субъектов является обществом или союзом, обладаю- щим правами, которые принадлежат каждому физическому лицу.</p>
<p>А для того чтобы общество действовало, нужно, чтобы оно об- ладало правами субъ- екта права.</p>	<p><i>А</i> для того, чтобы общество действова- ло, нужно, чтобы оно <i>обладало правами прав субъекта.</i></p>	<p><i>И</i> для того, чтобы общество действовало, нужно чтобы оно было юридическим лицом.</p>
<p>Ввиду этого ему присваиваются права юридического лица</p>	<p><i>Ввиду этого ему присваиваются права юридического лица</i></p>	<p>...ему нужно присво- ить права юридическо- го лица.</p>
<p>Так, каждая деревня приписана к известно- му храму; при новом же разграничении приходов могут воз- никнуть пререкания, розни и даже могут не подчиниться уста- новленному правилу территориальности.</p>	<p>Там каждая <i>деревня</i> приписана к прихо- ду, но не так в горо- дах. В городе церкви строились постепенно и прихожане привыкли к известному храму: при новом же разгра- ничении приходов могут возникнуть пре- рекания, рознь и даже могут подчиниться <i>установленному пра- вилу о территориаль- ности.</i></p>	<p>Там каждая волость приписана к прихо- ду, но не так в горо- дах. В городе церкви строились постепенно и прихожане привыкли к известному храму; при новом же разгра- ничении приходов могут возникнуть пре- рекания, розни и даже могут не подчиниться.</p>
<p>чтобы не было прере- каний</p>	<p>чтобы не было <i>наре- каний</i></p>	<p>чтобы не было прере- каний</p>

мер, частица «же») или пропускаются, или их порядок нарушается.

В завершение можно взглянуть на качество публикации одного из деяний, вошедших в 8-й том. Если в 7-м

томе для примера было взято первое из помещенных деяний, в 8-м томе наугад возьмем последнее, 129-е.

Секретарь Собора, в версии пуб-
ликаторов, сообщает о том, что по-

ступило заявление с протестом против большевистского государства «от общепархиального собрания с. Березникова Рязанского уезда». Никого из составителей сборника и из членов «научно-редакционного совета» эта фраза, механически взятая из машинописного экземпляра деяния, ничуть не смутила. Почему в некоем рязанском селе Березникове появилась в 1918 г. целая епархия? Даже не заглядывая в рукопись, можно в наш информационный век быстро узнать, что под Рязанью никогда не было села Березниково, но издревле существовали Березники. И вот в рукописном экземпляре деяния читаем: «от общеприходского собрания с. Березников Рязанского уезда» (ГА РФ, ф. 3431, оп. 1, д. 130, л. 54). Все логично, ясно, правильно. К слову сказать, в прежде выпускавшихся научно-подготовленных томах с документами Собора 1917—1918 гг. указывались в подстрочнике шифры подлинников каждого такого упоминаемого документа. В данном случае этого нет. Во всем огромном, 40-страничном 129-м деянии имеется единственное подстрочное примечание, гласящее, что «в архивном экземпляре... текст выступления Н.Д. Кузнецова отсвтвует (именно так напечатано в тексте претендующей своим внешним видом на высокий академический статус книги. — А.М.)» (т. 8, с. 891). Между тем разночтения между беловым и черновым экземплярами текста по ГА РФ и РГИА имеются почти в каждой речи, входящей в деяние. Что же касается недостающей речи Кузнецова, то в рукописном деянии имеется интереснейшая помета: «Свою речь даст» (ГА РФ, ф. 3431, оп. 1, д. 130, л. 84об.), которую публикаторы почему-то в подстрочнике не воспроизводят.

Смотрим тот же абзац. Приводя в легенде шифры обоих архивных

экземпляров деяния, создатели рецензируемого тома не замечают разночтений: в рукописном экземпляре между протестом от православных граждан г. Царицына и от таковых же г. Городища упоминается еще и оное же от православных прихожан г. Красноярска (ГА РФ, ф. 3431, оп. 1, д. 130, л. 54). Зато в рукописном экземпляре не упоминается протест от протоиерея Крестовоздвиженской церкви г. Петрозаводска П. Дмитриева (с. 860; РГИА, ф. 833, оп. 1, д. 16, л. 48; к слову имя неизвестного читателю протоиерея не растолковывается в комментариях). О каких же точно протестах упомянул соборный секретарь на последнем заседании 2-й сессии? Читатель книги никогда не узнает точного ответа на этот вопрос.

Не понятно, зачем постановление Совещания епископов о бывшем пензенском архиепископе Владимире (Путяте), опубликованное по подлиннику в т. 4 того же издания, по копияльному экземпляру включено в деяние (т. 8, с. 883—886). Есть ли в этом смысл? Составители деяния из числа членов соборной канцелярии лишь прикладывали текст документа именно в виде журнала Совещания епископов (ГА РФ, д. 130, л. 85—90), а наука археография любого ученого публикатора подтолкнула бы к тому, чтобы текст выпустить и сослаться в подстрочнике на уже имевшуюся его публикацию.

В конце деяния явно не на своем месте стоит речь Н.М. Ореховского (почему он говорит после слов Патриарха Тихона? Просто потому, что соборные делопроизводители положили рукопись его речи после слова Святейшего (ГА РФ, ф. 3431, оп. 1, д. 130, л. 97), а на ее обороте сделали дописку с завершением деяния? Между тем, в этой же концовке деяния из рукописного экземпляра не

воспроизведено слегка зачеркнутое деловито-трогательное напутствие митрополита Новгородского Арсения: «Заседание Собора закрывается. Следующее заседание будет, если только соизволит Господь, 1 сентября в 10 час. утра» (Там же, л. 96об.).

В т. 7 на с. 1250 размещен довольно смешной график посещаемости заседаний Собора, в котором количество присутствующих соборян как раз и не указано, зато указано число присутствовавших архиереев. Для 85-го заседания у составителей почему-то «данные отсутствуют», хотя количество присутствовавших соборян указано в протоколе (ранее опубликованном в т. 3 того же издания), а также легко подсчитывается по подписным листам³. Еще курьезнее замечание о том, что «в ряде случаев есть расхождения между фактическими данными и Протоколами» (т. 7, с. 1250). Что такое фактические данные? Не то ли, что указано в публикуемых в томе деяниях? А на скромный ученый взгляд, «фактические данные» (если такое выражение вообще уместно) — это то, сколько подписей членов Собора мы обнаруживаем на подписных листах за соответствующее заседание.

Стоит кратко упомянуть и о библиографическом перечне. Представляется, что указание использованной страницы (одной!) в книге, включенной в список литературы (с. 1255—1257), — это очевиднейший *mauvais ton*.

В именном указателе непонятен принцип ссылок на святость: уже на первой его странице Агафангел (Преображенский) упомянут как «исп.» (исповедник? прославлен как священоисповедник), а Андроник (Никольский) как «еп.» (хотя он также прославлен как священомученик).

Более внимательное сопоставление довольно объемных публикуемых текстов с источником даст гораздо более обширный материал, кото-

рый покажет неисправность издания в целом. Формата журнальной рецензии не хватит для фиксации всех ошибок, недочетов и прочих свидетельств некачественности людей, которые вдруг взялись за выпуск документов Собора.

В обсуждении рецензируемых двух томов с одним англоязычным ученым по истории Русской Церкви у автора этих строк возник очень подходящий термин для них — *fake volumes*. Их тираж, бесспорно, заслуживает не распространения по библиотекам как научно-академическое издание, а утилизации. Продолжение же издания документов Собора, если к этому есть интерес у Русской Православной Церкви, достоин поручения квалифицированным специалистам — во всяком случае, не тем, чьи имена обозначены как имена составителей и цензоров частично проанализированных выше томов. В настоящем же виде они, к сожалению, позорят древнюю Новоспасскую обитель, в которой в 2011—2018 гг. действительно создавался научный центр, стремительно уничтоженный необдуманными мерами, принятыми летом 2018 года.

А.И. МРАМОРНОВ

(канд. ист. наук, руководитель Некоммерческого партнерства по защите и сохранению объектов культурного наследия «Спасское дело»)

Примечания

1. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 годов. Т. 1. Отв. ред. А.И. Мраморнов. М. 2012; Т. 2. Отв. ред. А.И. Мраморнов. М. 2013; Т. 3. Отв. ред. священник Алексей Колчегин, А.И. Мраморнов. М. 2014; Т. 4. Отв. ред. А.И. Мраморнов, Р.Ю. Просветов. М. 2015; Т. 5. Отв. ред. священ-

- ник Алексей Колчерин, А.И. Мраморнов. М. 2015; Т. 6. Отв. ред. священник Алексей Колчерин, А.И. Мраморнов. М. 2016; Т. 12. Отв. ред. протоиерей Максим Кокарев. М. 2017; Т. 14. Отв. ред. А.Л. Беглов. М. 2017; Т. 19. Отв. ред. Г.М. Запальский. М. 2016.
2. См. например: ХОРХОРДИНА Т.И. Рецензия на т. 1 и т. 2 издания документов Собора 1917—1918 гг. — Отечественные архивы. 2014, № 4, с. 123—126; БИРЮКОВА Ю.А. Рецензия на кн.: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917—1918 годов. Т. 1—6, 19. М. 2012—2016. — Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 81, с. 151—155 и др.
3. ГА РФ, ф. 3431, оп. 1, д. 648, л. 29об. — 30об; д. 649, л. 11об; д. 650, л. 35—36 об; д. 651, л. 10об.

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P.A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941—1945). Articles: **A.K. Alikberov**. Historical forms of nationalism in system-communication analysis. Discussion issues: **L.N. Lyutov**. History of Russia, its periodization in the context of bilinearity. Contributions: **O.V. Kirilova, O.V. Ustinova**. Features of personnel records management in the Tobolsk province at the end of the XVIII century (on the example of the decrees of the Tobolsk provincial and provincial boards); **V.N. Yesaulov, V.G. Lizunkov**. City self-government: historical development or return to the past? Historical publicism: **G.A. Aliyeva**. Russian language education in Azerbaijan in the past and today: opportunities and perspectives. For teacher of history: **V.A. Ippolitov, A.A. Slezin**. The mechanism to involve Komsomol members in participation in the entire collectivization of agriculture. International scientific cooperation: **I.T. Nuriyeva**. International legal assessment of the Armenian-Azerbaijani conflict. Peoples of Russia: **S.P. Serkin**. Falsification of the lines of The Complete Collection of Russian Chronicles (the PSRL) about the Vyatka citizens and cities of the Vyatka land at the end of the XV century. Diplomacy in history: **O.V. Zaretskaya, A.A. Topunov**. Russian-Swedish and Russian-Norwegian relations in the context of transformation of the Russian “Other” images in 1905—1914; **A.V. Begichev, A.A. Galushkin, A.V. Zvonaryev, V.A. Shestak**. History of the creation and activities of the League of Nations; **D.A. Suseeva, I.V. Toropitsyn, J.B. Kundakbayeva**. Problems of diplomatic translation in the Russian-Kalmyk-Kazakh relations in the middle of the XVIII century. People. Events. Facts: **N.M. Ignatova**. Creation of the all-USSR Central card file of forced evicts and forced settlers in 1949; **D.N. Shkarevsky**. The features of the functioning of transport tribunals in the early 1920s; **V.I. Dolinko, Yu.V. Rygova**. Police protection of public order on the railways of the Russian Empire: criminal-legal aspect; **O.Yu. Garkavchenko, E.V. Maystrovich, D.A. Pashentsev, R.M. Mirzalimov**. History of the political and civil rights of women in European states: France; **Kh.Q. Niyazov**. Information policy in the context of public opinion formation. Historiography: Reviews on books: *Documents of the Holy Cathedral of Russian Orthodox Church 1917—1918. Vol. 7. Issues 1-2.* (by **A.I. Mramornov**).

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.

Регистрационный номер № 894

Главный редактор П.А ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Присланные материалы после рецензирования не возвращаются

Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 9, 2019

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (495) 741-65-18, (495) 741-65-17. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.08.2019. Формат 70x1081/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 2971-2019. Индекс 70145.

Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2019 г., т. 1.**

**Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**